

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК: СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ

*Сборник статей по материалам
XLI-XLII международной научно-практической
конференции*

№ 9-10 (40)
Октябрь 2014 г.

Издается с марта 2011 года

Новосибирск
2014

УДК 3
ББК 6/8
А 43

Ответственный редактор: Гулин А.И.

Председатель редакционной коллегии:

Карпенко Виталий Евгеньевич— канд. филос. наук, доц. кафедры философии и социологии Сумского государственного педагогического университета им. А.С.Макаренко.

Редакционная коллегия:

Барштейн Виктор Юрьевич—д-р. философии по искусствоведению, рецензент НП "СибАК", Украина.

Гужавина Татьяна Анатольевна— канд. филос. наук, доц. кафедры социологии и социальных технологий «Череповецкий государственный университет»;

Карпенко Татьяна Михайловна— канд. филос. наук, ст. преподаватель кафедры философии и социологии исторического факультета Сумского государственного педагогического университета им. А.С.Макаренко;

Купченко Константин Владимирович— канд. ист. наук, доц. кафедры естественно-гуманитарных дисциплин Смоленского филиала Российского государственного торгово-экономического университета;

Прошин Денис Владимирович— канд. ист. наук, доц. кафедры политологии и социально-гуманитарных наук Днепропетровского университета им. Альфреда Нобеля;

Соловенко Игорь Сергеевич— канд. ист. наук, доц. кафедры ЭиАСУ Юргинского технологического института (филиала) Томского политехнического университета;

Сорокин Александр Николаевич—канд. ист. наук, доц., ст. науч. сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований Национального исследовательского Томского государственного университета, доц. кафедры социологии, психологии и права Национального исследовательского Томского политехнического университета;

Шаяхметова Венера Рюзальевна— канд. ист. наук, доц. кафедры общей отечественной истории Пермского государственного национально-исследовательского университета (ПГНИУ), доц. кафедры философии и общественных наук Пермского государственного гуманитарного педагогического университета (ПГПГУ).

А 43 Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история /Сб. ст. по материалам XLI-XLII междунар. науч.-практ. конф.№ 9-10 (40). Новосибирск: Изд. «СибАК», 2014. 148 с.

Учредитель: НП «СибАК»

Сборник статей «Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

При перепечатке материалов издания ссылка на сборник статей обязательна.

Оглавление.

Секция 1. Политология	7
1.1. История социально-политических учений зарубежных стран	7
ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И ЗНАЧЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ МАРСИЛИЯ ПАДУАНСКОГО Зеленский Олег Александрович	7
1.2. Политика в России	12
ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ Водопетов Сергей Вячеславович	12
СТАТЬЯ УДАЛЕНА ПО ЗАПРОСУ ПРАВООБЛАДАТЕЛЯ	20
Секция 2. Социология	29
2.1. Методология и методика социологического исследования	29
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД КАК МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОЦЕССОВ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ КОНВЕРГЕНТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ Аматова Нина Евгеньевна	29
2.2. Социология управления	36
КЛАССИФИКАЦИЯ ЗРИТЕЛЬСКОЙ АУДИТОРИИ ЗРЕЛИЩНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ СФЕРЫ МОДЫ Нужина Ирина Александровна	36
2.3. Социология личности	41
ФОРМИРОВАНИЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ВРАЧА В УСЛОВИЯХ ГУМАНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО МЕДИЦИНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ Шаповалова Наталья Александровна	41

2.4. Социология коммуникаций	46
КОММУНИКАЦИИ И ИНТЕРВЕНЦИИ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ Трофимова Ольга Александровна	46
2.5. Социология международных отношений	51
КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ОСОБЕННОСТИ И РИСКИ Иванчикова Алиса Владимировна Муха Виктория Николаевна	51
СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ Самсонкина Елена Александровна Муха Виктория Николаевна	57
Секция 3. Философия	64
3.1. Динамика современной культуры	64
КУЛЬТУРА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: ОСНОВАНИЕ ДЕФИНИЦИИ Исмаилов Анвар Юрьевич	64
3.2. История философии	72
ДИАЛЕКТИКА ТЕОРИИ «ЗАКОНОВ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ» ТОМАСА РОБЕРТА МАЛЬТУСА Вялых Владимир Владимирович Бадреева Алина Рифовна	72
3.3. Онтология и теория познания	79
ПОНИМАНИЕ ОПЫТА КАК ПОЗНАНИЯ И КАК ИНТУИЦИИ Давлетшина Анна Маратовна	79
ФОТОГРАФИЯ И КИНО КАК ФОРМЫ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ Самойлова Елена Олеговна	84
ОБЪЕКТИВНОЕ И СУБЪЕКТИВНОЕ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ Тукаева Роза Абдулхаевна	88

ПРОБЛЕМА ФИЛОСОФСКОГО ЯЗЫКА (ТРАНСГРЕССИЯ И ТРАНСЦЕНДЕНЦИЯ В ФИЛОСОФСКОМ ВЫСКАЗЫВАНИИ) Фаритов Вячеслав Тависович	94
3.4. Философские проблемы образования	101
ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СВЕТЕ ГУМАНИЗАЦИИ ПЕДПРОЦЕССА В МЕДИЦИНСКОМ ВУЗЕ Иващенко Анна Петровна Шаповал Галина Николаевна	101
Секция 4. История	107
4.1. История России	107
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СЛУЖБЫ ПЕТРА НИКОЛАЕВИЧА ВРАНГЕЛЯ В ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КОННОМ ПОЛКУ Болиевская Оксана Анатольевна	107
П.А. СОРОКИН В ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ Назаров Владилен Викторович	112
ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭВАКОГОСПИТАЛЕЙ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941—1945 ГОДА (ПО ИТОГАМ РАБОТЫ ПЛЕНУМОВ ГОСПИТАЛЬНОГО СОВЕТА НАРКОМАТА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ СССР) Свинцова Марина Николаевна	116
ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕЙ В ДОКЛАДЕ Н.В. МУРАВЬЕВА О ПЕРЕСМОТРЕ ЗАКОНОПОЛОЖЕНИЙ ПО СУДЕБНОЙ ЧАСТИ Щедрина Юлия Владимировна	121
4.2. Всемирная история	130
МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР: ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ОТСТАВКИ Явнова Ирина Ивановна	130

4.3. Историософия	134
ИСТОКИ ВОЕННО-ЭТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В НРАВСТВЕННОЙ ЖИЗНИ РОССИИ Александрова Вера Валерьевна	134
4.4. Историография, источниковедение и специальные исторические дисциплины	139
СОБЫТИЯ МАРТА 1969 ГОДА В РАЙОНЕ ОСТРОВА ДАМАНСКИЙ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ Шадрина Екатерина Алексеевна	139

СЕКЦИЯ 1.

ПОЛИТОЛОГИЯ

1.1. ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И ЗНАЧЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ МАРСИЛИЯ ПАДУАНСКОГО

Зеленский Олег Александрович

*канд. филос. наук, старший преподаватель
Московского государственного университета экономики,
статистики и информатики (МЭСИ),
РФ, г. Москва
E-mail: zelenskiy87@yandex.ru*

THE HISTORICAL BACKGROUND AND THE MEANING OF POLITICAL PHILOSOPHY OF MARSILIUS FROM PADUA

Zelenskiy Oleg

*PhD, senior teacher of Moscow state university
of Economics, Statistics and Informatics (MESI),
Russia, Moscow*

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена идеям одного из творцов современных политических теорий — Марсилия Падуанского. Проанализированы ключевые положения его сочинения «Защитник мира», рассмотрены их исторический контекст и значение.

ABSTRACT

This article deals with one of creators of contemporary political theories, Marsilius from Padua, and his ideas. The crucial points of his work “The Defender of the Peace” have been analyzed, and their historical background and meaning have been discussed.

Ключевые слова: папство; схоластика; средневековая политическая философия.

Keywords: the popes; scholasticism; political philosophy of the Middle Ages.

В политической философии эпохи Возрождения было несколько мыслителей, с именами которых был связан переход от старого средневекового мировоззрения к новому политическому мышлению. С точки зрения исследователя П.Е. Зигмунда, ключевую роль здесь играли две фигуры — Марсилиус Падуанский и Никколо Макиавелли [4, с. 392]. Широко известны в философских кругах труды Никколо Макиавелли, прежде всего, его работа «Государь», однако не меньшее влияние на своих современников оказала работа «Защитник мира» Марсилиуса Падуанского, которая, несмотря на это, упоминается сегодня гораздо реже. Но именно об этой работе папа Климент VI отзывался: «мы почти никогда не читали худшего еретика, чем Марсилиус» [3, с. xi].

Северная Италия (или, как она еще тогда называлась, *regnum Italicum*), из которой происходил Марсилиус, была в начале XIV века ареной жесткой борьбы между Священной Римской империей и папством. Папство переживало далеко не самую простую страницу в своей жизни (помимо всего прочего, папская резиденция в 1309 году была перенесена в Авиньон — именно здесь они пытались найти безопасное прибежище подальше от раздиравшей Италию борьбы гвельфов и гибеллинов), и этим попытались воспользоваться германские императоры. Не способствовал авторитету папской власти и нравственный облик римского папы Иоанна XXII (1316—1334) — о нем Данте написал, что «три зверя гнездятся в его сердце: разврат, беспощадность и скупость» [1, с. 161]. Впрочем, переехав в Авиньон, религиозные иерархи быстро взялись за обустройство своей резиденции. О ней Петрарка писал, что «здесь владеют преемники бедных рыбаков из Галилеи. Они непонятным образом забыли свои истоки. Велико мое изумление, когда я, вспоминая их предков, вижу этих людей, отягощенных золотом и облаченных в пурпур» [2, с. 269]. Главным врагом римского папы был Людвиг IV

Баварский, победивший в борьбе за имперский престол в 1322 году Фридриха Австрийского. Иоанн XXII же оспаривал права Людвига на престол, что стало причиной беспрецедентного до того времени конфликта. В своей Заксенхаузенской апелляции Людвиг отрицал право римского папы решать вопросы, касающиеся власти в Священной Римской империи, а папа в ответ отлучил Людвига от церкви. На этом «еретик», однако, не успокоился — в 1329 году он вовсе решается на прежде немыслимый шаг: он сам осуждает в Пизе Иоанна XXII в ереси, обращаясь, правда, не к самому папе, а к его соломенному чучелу.

На стороне Людвига выступили Марсилий Падуанский и Уильям Оккам. Близость между Людвигом и Оккамом была запечатлена в его знаменитой клятве верности императору: «Ты меня защищай мечом, а я тебя буду защищать словом!» (*Tu me defendas gladio: ego te defendam calamo*). Не менее значительную роль заместителя («викария») в духовных вопросах Людвиг отводил Марсилию [3, xiii]. Это неудивительно, поскольку работа Марсилия «Защитник мира» (*Defensor pacis*), созданная в 1324 году, стала первым серьезным обоснованием приоритета власти императора над папской властью в решении политических вопросов.

Структурно «Защитник мира» состоял из трех неравных по своему объему рассуждений. Ключевая роль среди них отводилась первому, где Марсилий пытался опровергнуть авторитет папы с помощью доводов разума. Главным источником для него была прежде всего аристотелевская «Политика», переведенная на латынь несколько десятилетий перед этим Вильямом из Мербеке. Аристотелевское происхождение имеет, в частности, деление на «хорошо организованные» (*benetemperatae*) и «порочные» (*vitatae*) типы правления¹. Марсилий строго следует Аристотелю, выделяя типы установления власти².

¹Def. Pac. 1,8,2. Выделяя правильные типы правления (Pol. iii, 1279a 27—31), Аристотель, однако, упоминает только один критерий — действие в интересах общего блага. Однако второй критерий Марсилия, согласие подданных (букв в тексте: *secundum voluntatem subditorum*), упоминается в другом месте работы Аристотеля (Pol. iv, 1295a15—17), когда он касается монархии. Марсилий лишь переносит этот принцип на все «хорошо организованные» типы правления. Этот принцип согласия впоследствии был положен в основу теории «общественного договора».

²Def. Pac. 1,9,4. Cp. Pol. iii, 1284b 35 сл.

Центральное место в работе Марсилия отводится законодателю. Рассуждая по поводу категории закона, Марсилиий четко разводит два понимания закона — они были названы материальным и формальным аспектом закона³. С точки зрения материального толкования, закон устанавливает справедливое/несправедливое, правильное/ не правильное. Хотя это понимание закона нельзя отвергнуть в полной мере, закон в точном смысле этого слова Марсилиий определяет как установление, правило, которое задано законодателем и за нарушение которого предназначены определенные меры наказания. Таким образом, Марсилиий отходит от рационалистической теории законности, характерной для средневековой эпохи, и делает главный акцент прежде всего на «действующей причине» закона. При этом для автора «Защитника мира» кажется нежелательным передача законодательной власти одному человеку или узкому кругу лиц, т.к. они могут ошибиться и издать плохие законы. Марсилиий много раз повторяет, что законодательная воля должна принадлежать всему сообществу или его сильной части (*valentior pars*). Это отражает преимущественно республиканский настрой работы Марсилия.

С большой долей вероятности, учение Марсилия послужило толчком к формированию политической теории Оккама. До 1324 года у Оккама не отмечается никаких антицерковных политических теорий, а в то жаркое время они бы обязательно должны были подвергнуться критике [5, с. 496]. Сайкс пытается показать, что многие идеи центрального политического сочинения Оккама, «Диалога», связаны с трактатом Марсилия [5]. И тот, и другой обсуждают вопрос, передавал ли Христос апостолу Петру власть над остальными учениками, и оба дают отрицательный ответ, причем можно установить значительное текстологическое сходство между двумя сочинениями. Хотя Сайкс не отвергает возможности использования Оккамом какого-либо третьего источника, общего для обоих авторов, он не рассматривает гипотезу о влиянии «Защитника мира» на «Диалог» Оккама как совершенно невероятную [5, с. 504], тем более что и тот и другой входили в ближний круг Людвига Баварского.

Несомненно, что «Защитник мира» выступил и в качестве одного из главных источников реформационных движений. Более того, как указывает Стаут, именно Марсилиий, а не Макиавелли, Уиклиф, Эразм или Тиндаль, заложил идеологическую основу Английской

³Def. Pac. 1,10,4.

Реформации [308]. Томас Кромвель, главный идеолог этого движения и главный советник короля Генриха VIII, был хорошо знаком Defensor Pacis благодаря множеству существовавших манускриптов, и он был одним из инициаторов издания перевода сочинения на английский язык в 1535 году. Выбор не был случайным. Антипапские настроения трактата хорошо сочетались с духовной атмосферой Англии эпохи Реформации, идеал приоритета светской власти над духовной выражал точку зрения Томаса Кромвеля в отношении сильного централизованного государства. В целом, идея Марсилиуса о том, что светская власть должна регулировать все внутренние вопросы в государстве, не могла не понравиться Кромвелю. Правда, некоторые положения Марсилиуса были уточнены в угоду сложившейся обстановке: в частности, в переводе был исключен раздел о наказании несправедливого правителя. Кроме того, взгляды Марсилиуса были далеки от абсолютистских, хотя он и допускал в качестве крайнего случая единоличное правление.

Трактат также оказал значительное влияние и на развитие последующих социально-политических теорий. Он пошел дальше средневековых теорий, либо отдававших первенство папству, либо исходивших из параллелизма светской и духовной власти. Трактат ясно показал независимость и самодостаточность светской власти в решении всех своих внутренних проблем. Указав на роль воли сообщества в установлении законов, Марсилиус заложил основу для теории «общественного договора». Указав на различие между материальным и формальным аспектами закона, он привлек внимание к изучению реального процесса законотворчества.

Список литературы:

1. Гергей Е. История папства. М.: Республика, 1996. — 464 с.
2. Норвич Д. История папства. М.: АСТ, 2014. — 606 [2] с.
3. Marsilius of Padua. The Defender of the Peace// Ed. and transl. by A. Brett. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
4. Sigmund Paul E. The Influence of Marsilius of Padua on XVth-Century Conciliarism// Journal of the History of Ideas. — Vol. 23, — № 3, — 1962. — P. 392—402.
5. Sikes J.G. A Possible Marsilian Source in Ockham// The English Historical Review. — Vol. 51, — № 203, — 1936. — P. 496—504.
6. Stout Harry S. Marsilius of Padua and the Henrician Reformation// Church History. — Vol. 43, — 1974. — P. 308—318.

1.2. ПОЛИТИКА В РОССИИ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ

Водопетов Сергей Вячеславович

*аспирант кафедры истории и теории международных отношений
Института международных отношений и мировой истории
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
РФ, г. Нижний Новгород.
E-mail: vodopetov@mail.ru*

POLITICAL DECISIONS OF POLITICAL ELITES

Vodopetov Sergey

*PhD, Nizhny
Novgorod State University in the name of N.I. Lobachevsky,
Russia, Nizhny Novgorod*

АННОТАЦИЯ

Термин «политическое решение» в современной политологии является одним из ключевых в связи с его как научной, так и практической значимостью. В статье рассматривается влияние механизма принятия политических решений на состояние политической элиты. Поэтапная схема позволяет сделать выводы о локализации процесса и оценить перспективы новых общественных институтов.

ABSTRACT

The term "political solution" in modern political science is one of the key due to its both scientific and practical importance. This article discusses the impact of the mechanism of political decision-making on the state of the political elite. Phased scheme allows to draw conclusions about the localization process and to evaluate the prospects of new social institutions.

Ключевые слова: принятие политических решений; управление государством; политическая элита; администрация президента.

Keywords: political decision-making; governance; political elite; the administration of the President.

Интерес исследователей ко всему, что связано политическими решениями, объясняется тем, что они во многом определяют устройство и характеристики политической системы, задают условия и направление политических процессов. Вдобавок к этому, политические решения вырабатываются в ответ на проблемы и вызовы, затрагивающие интересы больших групп людей, соответственно велики масштабы их последствий. В связи с этим исключительную важность приобретает механизм принятия решений, его способность учитывать все факторы и выдавать оптимальный для существующих условий результат.

Здесь у исследователей появляются сложности ввиду того, что процесс принятия решения, как и сама проблема зачастую остаются полностью или частично скрытыми от общественности и научно-экспертного сообщества. Кроме того, проблема поиска и реализации политических решений, оставаясь частью общих задач государственного управления еще далека от разрешения с методологической и научной точки зрения. Более того, по мнению одного из крупнейших российских политологов, она вряд ли может быть формализована в рамках даже упрощенных моделей, поскольку принятие и реализация политического решения не могут рассматриваться, как рациональный и логически обусловленный процесс создания и реализации и оптимального проекта. Напротив, процесс сложен, и окончательный вид решение принимает в результате взаимодействия многих факторов и баланса их интересов [4].

Отсюда следует, что в силу отсутствия жестких формальных алгоритмов механизм принятия политических решений может широко варьироваться, а его изучение к конкретной стране и в определенный момент всегда будет актуальным.

Общая схема принятия политического решения. Этапы

В современной политологии в зависимости от подхода и методологии применяются несколько толкований термина «принятие политического решения». Он может определяться как: процесс, совокупность действий, выбор альтернативы. Причем, во всех случаях, семантика термина подразумевает не только порядок и динамику процесса, но и его результат [2]. В нашем случае, в контексте изучения роли политической элиты целесообразно использовать третий вариант — выбор альтернативы. В этом случае под процессом принятия политического решения следует понимать выбор одного из альтернативных вариантов и его реализацию, а сам процесс может быть разложен на следующие этапы:

1. первичная обработка, анализ и классификация информации, выявление проблемы;
2. выработка нескольких альтернативных вариантов решения (минимум двух);
3. выбор оптимального политического решения;
4. фиксация в виде процедуры, обеспечивающая легитимность;
5. реализация полученного варианта политического решения;
6. Обратная связь — контроль и коррекция.

Если исходить из положения, что принятие политических решений по определению является одной из функций политической элиты, то предложенная последовательность позволяет сделать выводы об ее роли, характеристиках и эффективности. Также на основе этой последовательности можно объяснить появление различных негосударственных структур по типу Общественной палаты и всевозможных государственных агентств типа АСИ и других организаций, призванных улучшить систему госуправления.

Центры принятия решений, состояние элиты

Возвращаясь к этапам принятия решения, возможно предположить, что сегодня власть в избытке имеет массив данных, необходимых для первого этапа. Существует фиксированное количество каналов, по которым данные поступают в систему госуправления. В России это, прежде всего, сведения федеральной службы статистики, данные налоговой службы, доклады и отчетность министерств, региональной власти, Роспатента и федеральных агентств. На современном уровне они формируются в низовых звеньях этих структур, затем автоматически обрабатываются по жестким алгоритмам и сводятся в отчетность. Кроме этого политическая элита получает результаты исследований различных государственных и негосударственных центров (всевозможные институты стратегических исследований и т. д.).

Второй и третий этап — является, отчасти сакральным, не имеет фиксированных процедур. Понимание этого на высшем политическом уровне приводит к усилению президентской вертикали — Администрации Президента РФ. В структуре Администрации Президента, из 21 управления только 4 не имеют прямой обязанности по информационному обеспечению (управления протокола, наград, документального обеспечения, пресс-служба), остальные 17 собирают данные по своему профилю, обрабатывают их и выдают результат президенту [1]. Разумеется, имеется и отдельное экспертное управление. Добавим к этому, что президент еще напрямую получает информацию от разведывательных и силовых структур. Другие ветви

и уровни власти работают на территориальном или отраслевом уровне, поэтому легко сделать вывод, что в распоряжении президента находится крупнейший центр принятия политических решений.

В этом плане интересно сравнение численности администрации президента России — 1547 чел. (2012 г.) и ее аналога Executive Office of the President — 1796 чел. (2012 г.) [8]. В то же время, число работающих в аппарате Президента парламентской Франции менее 50 человек [5], в двух офисах канцелярии канцлера Германии (Берлин, Бонн) работает 480 человек [7], тогда как администрация президента малочисленного и явно президентского Казахстана насчитывает 366 человек [5]. При этом структуры администрации РФ, США и Казахстана идентичны. Т. е. в странах, где роль полномочия и роль президента велики, в его распоряжении имеется масштабный универсальный инструмент обработки и анализа информации, что явно указывает на центр принятия политических решений.

Важно, что вне зависимости от системы принятия решения, для сохранения ее равновесия требуется, чтобы нужное управляющее воздействие возникало при изменении входной информации, или появлении сигналов об изменении состояния системы. Это в значительной мере выполняют государственные органы и этого достаточно для ее стабилизации, но при желании обеспечить развитие, достичь нового состояния задача многократно усложняется. В этом случае мало обладать точными данными о состоянии среды и системы, их функциональных связях, необходимо еще в полном объеме владеть закономерностями ее развития. Здесь мы сталкиваемся с тем, что для моделирования стратегических решений в нескольких, альтернативных вариантах, и прогнозов внедрения каждого из альтернатив, для выбора оптимального политического решения (этапы 2 и 3) политические элиты не имеют четкого инструментария, формальных (математических, кибернетических) [4] и экспертных подходов к вопросу управления государством. Для прогнозирования, а значит и разработки альтернативных вариантов политических решений (воздействий на систему) с выбором оптимума недостаточно входной информации, необходима аналитическая работа с целью выявления закономерностей. В проекции на тему статьи это означает, что в распоряжении тех, кто принимает решения, должна быть система получения разработки информации. Развитие технологий, развитие информационного пространства предъявляет новые требования к развитию знаний и стратегии решений, настолько, что созданные военные, внешнеполитические и силовые ведомства, служившие ранее как раз теми аппаратами разработки альтернатив, сейчас, по сути

являются механизмом формализации ведомственной информации. В этой системе политическая элита сама по себе не создает информацию, она только использует то, что доступно на момент принятия решения. Сегодня мы наблюдаем все больший крен в сторону принятия индивидуалистических решений, которые, по сути усиливают роль «решателя» в структуре политической элиты России. Это приводит к тому, что фокус внимания политической элиты сосредоточен на распоряжении каналами получения и центрами обработки данных по какому-то направлению, оставляя в стороне межведомственное взаимодействие по выработке комплексных политических решений, избегая конкурировать с вертикалью Президента РФ.

Возвращаясь к российским реалиям необходимо отметить, что большая часть политической элиты на первых трех этапах может принимать участие только в разработке узконаправленных, практически ведомственных решений (через комитеты Государственной Думы, через отраслевые ведомства Правительства РФ или сходные по функциям подразделения региональных исполнительных органов) в остальном ей доверен 5 этап исполнителей и отчасти 4-й — процедура легитимизации некоторой доли решений президентского окружения. В настоящее время эта функция носит больше символический характер за счет подавляющего партийного большинства и жесткой дисциплины внутри правящей партии. В этом заключается кардинальное отличие, например, от США, где президенту приходится немало потрудиться за легитимность решения.

Следствием фактической отстраненности от принятия политически значимых комплексных решений, к которому можно отнести модернизационный процесс, становится безответственность, разобщенность, пассивность и замкнутость элиты, что негативно влияет на качество управления отражающаяся в низкой эффективности разрабатываемых решений. Она обусловлена ограниченностью круга, допускаемого к важнейшему этапу — выбору оптимального политического решения. И здесь важно понять, насколько свободными в своем проектировании оказываются те, кто вырабатывает альтернативы политических решений. Политика по определению А.И. Соловьева в отличие от просто управленческой деятельности ориентирована на приоритетное распределение ключевых ресурсов общества в пользу «наиболее перспективных (с точки зрения властвующих) структур и совмещения их групповых интересов с общеколлективными потребностями в целях дальнейшего развития социума (общности, властвующих)» [4]. Иными словами, выбор

происходит в соответствии с собственными представлениями о приоритетах и пользе. Отсюда следует, что пока не изменится мировоззрение и ментальность президентского окружения, не изменятся и принципы отбора.

Сегодня мы наблюдаем, что эффективная обратная связь о результатах политического решения, в силу своей недостаточности, является объектом внимания властей всех уровней. Работают формальные ведомственные линии (успехи и провалы отрасли, экономический результат деятельности отрасли, статистические показатели) и обращения граждан — по сути, индивидуальные жалобы, где, зачастую, ответ формируется тем органом власти, который, по сути, допустил предмет жалобы. В данном контексте весьма прогрессивным выглядит создание Общественной палаты РФ и сети общественных палат на уровне субъектов России. Рассмотрим, каким образом она может повлиять на принятие политических решений. По действующему сегодня законодательству Общественная палата Российской Федерации проводит экспертизу законопроектов, внесенных в Государственную Думу [6]. Т. е. Общественная палата подключается к процессу принятия политического решения в момент парламентской процедуры, обеспечивающей его легитимность. Согласно предложенной схеме— это уже 4-ый этап «фиксация», имеющий чисто формальный технический характер, если законопроект инициирован президентским окружением. Далее необходимо добавить, что участие Общественной палаты на 5 и 6 этапах не только разрешается, но и вменяется ей в обязанность. Таковой, например, является мониторинг исполнения указов президента. В ходе ее выполнения региональные палаты ежеквартально направляют свои отчеты и рекомендации направляются в рабочую группу при Президенте Российской Федерации. Здесь они поступают в канал мониторинга целевых показателей социально-экономического развития РФ, определенных опять же Президентом Российской Федерации. В целом, ОПРФ служит дополнительным инструментом контроля за исполнением действующего законодательства, и еще одной линией обратной связи между властью и обществом. Таким образом, Общественная палата, практически не влияя на принятие важных политических решений, повышает их легитимность и обеспечивает более высокий уровень исполнения. Последнее свойство отводит ей важное место в процессах модернизации, в целом повышая качество управления. Значение такого института может многократно возрасти, если он начнет принимать реальное участие на более ранних этапах принятия политических решений. Собственно, та же ситуация будет наблюдаться

и с любым другим источником альтернативного мнения — оппозиция, СМИ, открытое правительство и пр.

Таким образом, для роста качества политических решений понятны драйверы — усиление аналитической работы для формирования альтернатив и последствий выбора одного из вариантов и повышение включенности граждан в политический процесс через механизмы обратной связи. Сегодня эти вопросы решаются через подход «новая проблема — новая организация», когда под любую задачу правительство вынуждено создавать специальную организацию. Это происходит, поскольку ответственные решения может принять только узкий круг лиц, в других случаях ничего не происходит и система управления не работает в автоматическом режиме. Иллюстрацией может служить создание Агентства стратегических инициатив, которое призвано «улучшить предпринимательский климат», «ликвидировать административные барьеры» и «распространить лучшие практики» [3]. Неблагоприятная ситуация в малом и среднем бизнесе, в социальной сфере привела к созданию очередной организации, которая должна все исправить. Очевидно, что нужная и полезная деятельность поможет интересным проектам, но не сумеет оздоровить бизнес-среду в целом. Ее состояние — есть результат действующих политических решений, а они в свою очередь — продукт имеющейся техники их принятия.

Поскольку в данный момент иных, единых и универсальных механизмов содействия принятию политических решений не имеется, то вместо реальной политической модернизации можно ожидать только добавления консультирующих, контролирующих, помогающих и пр. организаций, или каких-то новых диалоговых площадок. Вместо этого необходима децентрализация принятия решений с привлечением территориальных, отраслевых и общественных институтов, соответствующим делегированием полномочий и ответственности.

Список литературы:

1. Администрация Президента // Президент России [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://state.kremlin.ru/administration/division> (дата обращения: 24.03.2012).
2. Дегтярев А.А. Принятие политических решений: учебно-методическое пособие. М.: МГИМО-Университет, 2004.
3. Об Агентстве // Агентство стратегических инициатив [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://asi.ru/about_agency/ (дата обращения: 25.03.2012).

4. Соловьев А.И. Принятие государственных решений // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.vshu.ru/files/ec0ba.doc (дата обращения: 23.03.2012).
5. Устройство власти // Коммерсант [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.kommersant.ru/pda/power.html?id=2164210> (дата обращения: 24.03.2012).
6. Экспертиза // Общественная палата Российской Федерации [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.oprf.ru/1449/1537/> (дата обращения: 23.03.2014).
7. Bundeskanzleramt // Bundesregierung [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.bundesregierung.de/Webs/Breg/DE/Bundesregierung/Bundeskanzleramt/_node.html (дата обращения: 24.03.2012).
8. Executive Office of the President Fiscal Year 2013 Congressional Budget Submission // The White House [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2013-eop-budget1.pdf> (дата обращения: 24.03.2012).

СТАТЬЯ УДАЛЕНА ПО ЗАПРОСУ ПРАВООБЛАДАТЕЛЯ

СТАТЬЯ УДАЛЕНА ПО ЗАПРОСУ ПРАВООБЛАДАТЕЛЯ

СТАТЬЯ УДАЛЕНА ПО ЗАПРОСУ ПРАВООБЛАДАТЕЛЯ

СТАТЬЯ УДАЛЕНА ПО ЗАПРОСУ ПРАВООБЛАДАТЕЛЯ

СТАТЬЯ УДАЛЕНА ПО ЗАПРОСУ ПРАВООБЛАДАТЕЛЯ

СТАТЬЯ УДАЛЕНА ПО ЗАПРОСУ ПРАВООБЛАДАТЕЛЯ

СТАТЬЯ УДАЛЕНА ПО ЗАПРОСУ ПРАВООБЛАДАТЕЛЯ

СТАТЬЯ УДАЛЕНА ПО ЗАПРОСУ ПРАВООБЛАДАТЕЛЯ

СТАТЬЯ УДАЛЕНА ПО ЗАПРОСУ ПРАВООБЛАДАТЕЛЯ

СЕКЦИЯ 2.

СОЦИОЛОГИЯ

2.1. МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД КАК МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОЦЕССОВ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ КОНВЕРГЕНТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аматова Нина Евгеньевна

*ассистент кафедры социологии и организации работы с молодежью
Белгородского государственного
национального исследовательского университета,
РФ, г. Белгород
E-mail: nina-amatova@ya.ru*

SOCIO-CULTURAL APPROACH AS A METHODOLOGY STUDIES OF SOCIAL PROCESSES IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF CONVERGENT TECHNOLOGIES

Amatova Nina

*assistant
of the Department of sociology and organization of work with youth
Belgorod National Research University,
Russia, Belgorod*

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 14-38-00047 «Прогнозирование и управление социальными рисками развития техногенных человекомерных систем в динамике процессов трансформации среды обитания человека» при участии НИУ «БелГУ», ИСПИ РАН, ЮЗГУ.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются методологические проблемы исследования общественных процессов на фоне развития и внедрения конвергентных наук и технологий. Обосновывается целесообразность использования социокультурного подхода, позволяющего с помощью интегративного потенциала социальной философии, социологии и антропологии выявлять закономерности социокультурных изменений. Исходя из специфики подхода, выделяются три уровня измерений, для каждого из которых определены перспективы и задачи исследования.

ABSTRACT

The article discusses the methodological problems of the study of social processes on the background of the development and implementation of convergent science and technologies. The article substantiates the expediency of using a sociocultural approach which allows to identify patterns of social and cultural changes using the integrative potential of social philosophy, sociology and anthropology. Based on the specifics of the approach, there are three levels of measurements, each of which has its own vision and objectives of the study.

Ключевые слова: социокультурный подход; конвергентные технологии; NBIC-технологии; институционализация.

Keywords: socio-cultural approach; convergent technologies; NBIC-technologies; institutionalization.

Наука со времени своего становления сопровождается двумя противоположными, но непрерывно взаимодействующими процессами — дифференциацией и интеграцией. При этом дифференциация, как следствие, вытекающее из расширения и усложнения знаний, имеет позитивные и негативные стороны. Традиционно к позитивным сторонам дифференциации относят возможность углубленного анализа при изучении тех или иных явлений, а к негативным — сужение кругозора исследователя, потерю связей и единства восприятия целого.

Начало XX в. ознаменовалось ярким проявлением интеграции научных знаний, которое выразилось в возникновении и развитии «пограничных» наук (биохимии, геофизики, экологии и др.), потребовавших междисциплинарных методов исследования. Дальнейшее развитие процесса интеграции привело не только к обобщению научной информации, систематизации и сближению знаний, но и к выработке нового стиля мышления, на формирование которого

большое влияние оказало осмысление процессов самоорганизации, происходящих в природе. То, что современное научное осознание Космоса гармонирует с осознанием наук о человеке, является проявлением парадигмы целостности и убедительным доказательством объективно существующего единства природы. Именно о таком развитии науки писал В.И. Вернадский: «Мы должны сейчас различать три реальности: 1) реальность в области *жизни человека*, природные явления ноосферы и нашей планеты, взятой как целое; 2) микроскопическую реальность *атомных явлений*, которая захватывает и микроскопическую жизнь, и жизнь организмов, даже посредством приборов не видную вооруженному глазу человека, и 3) реальность *космических просторов*, в которых солнечная система и даже галактика теряются, неощутимые в области ноосферического разреза мира» [2, с. 74].

Современный этап развития научно-технического знания характеризуется еще более высокой степенью интеграции, вызвавшей активизацию «прорывных», «инновационных» направлений, способных обеспечить создание принципиально новой социокультурной среды, оказывающей влияние не только на общественное бытие, но и на общественное сознание людей. Главным показателем перехода в постиндустриальное общество становится уровень развития технологической конвергенции. Особенно многообещающе звучат прогнозы, связанные с развитием NBIC-технологий, коренным образом меняющих представление о будущем человеческой цивилизации. Анализ протекающих процессов и связанные с этим горячие дискуссии не могут проходить эффективно без активного участия представителей социально-гуманитарного профиля.

В социологии используются разные подходы к анализу общественных процессов. Наиболее продуктивными из них считаются общественно-формационный (К. Маркс), системный (А.А. Богданов, Л. Фон Барталанфи), социокультурный (М. Вебер, П. Сорокин) структурно-функциональный (Т. Парсонс, Р. Мертон) и некоторые другие.

В условиях ярко выраженной тенденции к интеграции и теоретическому синтезу междисциплинарных знаний, наиболее целесообразным нам представляется использование социокультурного подхода, суть которого заключается в определенном универсализме, позволяющем с помощью аппарата социальной философии, социологии и антропологии выявлять закономерности социокультурных изменений.

При этом считаем необходимым заметить, что в современной социологии словосочетание «социокультурный подход» имеет весьма

широкое и не всегда оправданное употребление. Неслучайно Ж.Т. Тощенко, говоря о восстановлении критериев научности, указывает на чрезмерное использование термина «социально-культурный (ая, ое)» [6, с. 5]. Придерживаясь в этой части его мнения, мы в своем исследовании рассматриваем социокультурный подход, опираясь на идеи М. Вебера, П. Сорокина и дальнейшее их развитие в трудах А.С. Ахизера, Н.И. Лапина, Ю.М. Резника и других авторов. В этих работах понимание и описание социокультурного подхода сопровождается строгостью определений исходных понятий и обоснованием методологических принципов их дальнейшего использования.

Так, развивая идеи П. Сорокина о единстве личности, общества и культуры, как неразрывной триаде, в которой ни один компонент не может существовать без двух других, Н.И. Лапин подчеркивает, что социокультурный подход интегрирует три измерения человеческого бытия: человека в его взаимодействии с обществом, характер культуры и тип социальности [3, с. 4].

В свою очередь Ю.М. Резник, рассматривая социокультурный подход, как методологию социологических исследований, отмечает, что такой подход, выражая единство и взаимосвязь трех компонентов социального познания — социально-философского, социологического и антропологического, объединяет тем самым их познавательные и методологические возможности. Соответственно и в методологии социокультурного анализа автор выделяет следующие три уровня: *общетеоретический, социально-научный и конкретно-эмпирический* [5, с. 305], на рассмотрении которых мы и остановимся ниже.

При исследовании общественных процессов, связанных с развитием и внедрением конвергентных наук и технологий, общетеоретический компонент социокультурного анализа, на наш взгляд, может быть представлен социально-философскими основаниями исторического взаимодействия развития общества с развитием науки и технологий. Здесь можно не просто рассмотреть все многообразие социальных и культурных аспектов на разных этапах общественного и научно-технического развития, но и проследить влияние на этот процесс культурно-исторических особенностей каждой эпохи, а также разных стран и народов.

В частности, социокультурный анализ позволяет сделать вывод о том, что не всегда можно выделить в чистом виде три типа технологий, как представлено в известной интегральной концепции культуры Э.А. Орловой. В соответствии с этой концепцией культура технологична, и технологии разделяются в зависимости от того, на создание каких объектов они ориентированы. Таким образом,

выделяются три типа технологий: *технологии практической деятельности*, направленные на создание физических объектов; *технологии социального значения*, направленные на общество, на организацию социального взаимодействия; *технологии психологического значения*, направленные на внутренний мир человека (на порождение и трансляцию символов) [4]. При рассмотрении, например, NBIC-технологий можно проследить, как все эти три указанных типа конвергируют и взаимопроникают друг в друга.

Кроме того, на общетеоретическом уровне исследования возможно определения места и роли технологической конвергенции в общей картине мира. Так, в модели среды обитания человека, предложенной А.М. Якуповым, NBIC-конвергенция приходится на «максимум взаимодействия миров»: мира природы планеты Земля, мира социума и техногенного мира [8, с. 93].

Что касается социально-научного уровня, то здесь потенциал социокультурного подхода в первую очередь целесообразно направить на выделение и междисциплинарное исследование этапов институционализации конвергентных наук и технологий, а также на комплексный анализ влияния институциональных аспектов на социальную жизнь, поскольку в социологии эти связи практически не изучены. Тем не менее, характер таких связей может проявляться в двух направлениях: либо от постепенной трансформации спонтанных видов жизненной активности людей к образцам вполне организованного и общепринятого поведения, либо, наоборот — от общепринятых форм к отдельным спонтанным видам человеческой активности. В обоих случаях такие связи способствуют ослаблению социальной напряженности, вызываемой повышенной опасностью внедряемых технологий, а эффективность процесса внедрения становится в прямую зависимость от способностей ученых, общества и власти к взаимному доверию.

На сегодня институциональная логика технологического прогресса наилучшим образом разработана и представлена в экономической теории. И даже здесь, по мнению Д.П. Фролова: «приходится констатировать, что *эвристический потенциал институциональной теории в анализе глобальной эволюции технологий задействован в недостаточной степени*» (выделено автором) [7, с. 51].

Кроме реализации институционального потенциала, на социально-научном уровне можно оценить риски и ожидания, связанные с внедрением NBIC-технологий [1].

Наконец третий, конкретно-эмпирический уровень социокультурного анализа исследуемых общественных процессов может быть реализован через антропологический аспект социального познания. Здесь нам представляется целесообразной идентификация интересов и позиций различных социальных групп, поскольку успех или неудача новых технологий во многом обусловлены поддержкой их соответствующей заинтересованности.

В частности, к первой группе целесообразно отнести *специалистов* — ученых, разработчиков и исполнителей, непосредственно занимающихся исследованиями или разработками в соответствующих технологических областях. При этом следует учитывать, что эта группа людей заинтересована не просто в развитии конвергентных технологий, но и в достойном финансировании связанных с ними работ.

Вторая группа участников исследования может состоять из *заказчиков и потребителей* производимой продукции. Их интересы в значительной степени расходятся с интересами респондентов первой группы, по крайней мере, в части финансирования. Здесь котируются объективный анализ качества продукции, доступная себестоимость и низкая степень рисков.

Следующая группа может быть представлена *лоббистами* и состоять из управленцев и представителей крупного частного капитала. Эту группу респондентов, как правило, мало интересует объективный анализ преимуществ новой технологии или степень существующих рисков. Здесь главное — высокие показатели любой ценой. Именно такой подход должен вызывать настороженность исследователя, поскольку в конечном итоге способен привести к массовым фальсификациям.

Немалый интерес, на наш взгляд, представляет группа испытуемых, состоящая из *студенческой молодежи* непрофильных факультетов. Именно эта социальная группа в силу своей специфики (склонности к активному общению, поиску смысла жизни, к прогрессивным идеям и преобразованиям, потребности в социализации и др.) способна не просто оценить возможности NBIC-технологий, но и принять на себя определенную ответственность за их последствия.

Отдельные группы респондентов должны составлять *представители религиозных конфессий* и *сторонники трансгуманизма*. Кроме того, следует учитывать, что внутри каждой из вышеуказанных групп могут быть респонденты, ориентированные на разные точки зрения. Тем не менее, в условиях повышенной неопределенности и риска, связанного с внедрением конвергентных технологий, только учет

мнений респондентов самых различных групп, от ученого-исследователя до простого обывателя, может служить предпосылкой рационального выбора решений.

В целом социокультурный подход, синтезируя потенциалы социальной философии, социологии, антропологии и представляя собой многоуровневую систему теоретических и эмпирических методов, вполне способен составить методологическую базу исследования общественных процессов, связанных с развитием и внедрением NBIC-конвергенции.

Список литературы:

1. Аматава Н.Е. Социальные последствия внедрения NBIC-технологий: риски и ожидания // *Universum: Общественные науки: электрон. научн. журн.* — 2014, — № 8(9). [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://7universum.com/en/social/archive/item/1549>
2. Вернадский В.И. *Философские мысли натуралиста* / В.И. Вернадский. М.: Наука, 1988. — 520 с.
3. Лапин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры / Н.И. Лапин // *Социологические исследования.* — 2000. — № 7. — С. 3—12.
4. Орлова Э.А. *Культурная (социальная) антропология: Учебное пособие для вузов.* М.: Академический Проект, 2004. — 480 с.
5. Резник Ю.М. Социокультурный подход как методология исследований / Ю.М. Резник // *Вопросы социальной теории.* — 2008. — Т. 11. — Вып. 1(2). — С. 305—328.
6. Тощенко Ж.Т. О понятийном аппарате социологии / Ж.Т. Тощенко // *Социологические исследования.* — 2002. — № 9. — С. 3—31.
7. Фролов Д.П. Институциональная логика технологического процесса (случай нанотехнологий) / Д.П. Фролов // *Журнал институциональных исследований.* — 2012. — Т. 4, — № 1. — С. 49—63.
8. Якупов А.М. Среда обитания людей и «поля опасностей» в ней / А.М. Якупов // *Вестник НЦ БЖД.* — 2013. — № 4 (18). — С. 91—100.

2.2. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

КЛАССИФИКАЦИЯ ЗРИТЕЛЬСКОЙ АУДИТОРИИ ЗРЕЛИЩНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ СФЕРЫ МОДЫ

Нужина Ирина Александровна

аспирант

Московского городского педагогического университета,

РФ, г. Москва

E-mail: nuzhini@mail.ru

AUDIENCE CLASSIFICATION OF ENTERTAINING EVENTS IN THE FASHION INDUSTRY

Irina Nuzhina

post-graduate student

of Moscow City Teacher Training University,

Russia, Moscow

АННОТАЦИЯ

В данной статье предлагаются авторские варианты классификации зрелищных искусств, рассматриваются основные подходы к классификации зрительской аудитории зрелищных мероприятий сферы моды.

ABSTRACT

This article is invited author's variants of entertaining arts classification, is considered the basic approach to the audience classification of entertaining events in the fashion industry.

Ключевые слова: зрелищные искусства; зрелища; аудитории зрелищных искусств; критерии классификации зрительской аудитории; зритель; фанат; участник.

Keywords: entertaining arts; spectacle; entertaining arts audience; classification criteria of audience; spectator; fan; participant.

Трансформация зрелищных искусств как социального института на стыке XX—XXI столетий предопределила интерес к вопросам

изучения зрительской аудитории зрелищных искусств не только со стороны ученых-обществоведов, но и со стороны практиков, заинтересованных в повышении эффективности влияния зрелищ на зрительскую аудиторию. В то же время, немногие исследования зрительской аудитории, содержащие попытки ее классификации, в основном посвящены изучению зрительской аудитории отдельных видов зрелищных искусств, и имеют значительное количество специфических показателей, не позволяющих использовать данные критерии для классификации иных зрелищ. Недостаточность исследований характеристик аудитории зрелищных искусств в России в начале XXI века побудила автора к проведению исследования целевой аудитории зрелищного мероприятия сферы моды и разработке классификационных критериев для этого вида зрелищных искусств. В качестве предмета исследования рассматривалась зрительская аудитория зрелищного мероприятия сферы моды — Международного конкурса «Молодежная Мода — Новый Стиль Отношений».

По мнению автора, представляет интерес классификация зрительской аудитории по критерию сопричастности, отражающий глубину эмоционального восприятия зрелища, субъективную оценку сопричастности зрителя с собственно действием (рисунок 1).

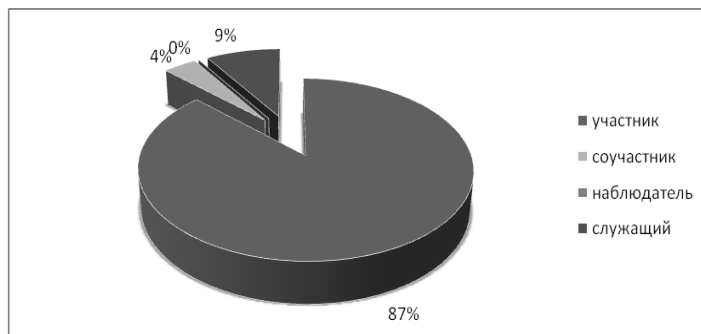

Рисунок 1. Анализ самооценки респондентов относительно их роли в зрелищных мероприятиях Международного конкурса

С точки зрения сопричастности зрителя автор исследования выделил следующие типы зрительской аудитории: участник зрелищного мероприятия — зритель, осознающий себя частью данного действия, воспринимающий себя как соавтор и непосредственный участник зрелища (87 %); соучастник зрелища — зритель, эмоционально воспринимающий действие как близкое какой-либо

контактной социальной группе (детям, родственникам, друзьям, коллегам и т. д.), однако не считающий себя непосредственным участником зрелища (4 %); наблюдатель — зритель, эмоционально не принимающий зрелища, не считающий себя его частью, довольствующийся ролью стороннего наблюдателя (0 %); служащий — зритель, посещающий зрелище с деловой целью (представители СМИ, спонсорских и меценатских организаций, государственного и муниципального управления и т. д.) (6 %).

Следующим критерием, который был избран автором для анализа, был критерий восприятия зрелищного мероприятия зрителем. Поскольку классификация аудитории зрелищных мероприятий мира моды по типу восприятия в настоящее время российской наукой не разработана, автор предлагает использовать критерий степени востребованности или степень выраженности потребности в постижении зрелищного искусства мира моды:

- фанаты конкурсов модельеров и модных показов(14 %);
- любители конкурсов модельеров и модных показов(72 %);
- пассивные потребители модных показов(5 %);
- разовые посетители (9 %);
- неинтересующиеся миром моды (0 %).

Заслуживающим внимания критерием классификации автор считает также содержательно-временную направленность интереса зрителя, при классификации по которой автор предлагает выделить следующие сегменты зрительской аудитории: потребитель-традиционалист; потребитель модерн и постмодерн-культуры и срединный потребитель (67 %).

Основываясь на типологии зрительской аудитории, предложенной Н.А. Терентьевой [4], и принимая в качестве критерия ориентированность социокультурного обращения к зрелищным мероприятиям, автор предлагает выделить следующие сегменты зрительской аудитории: фанатик моды, универсальный потребитель театрализованных действий и нетеатральный потребитель (рис. 2.).

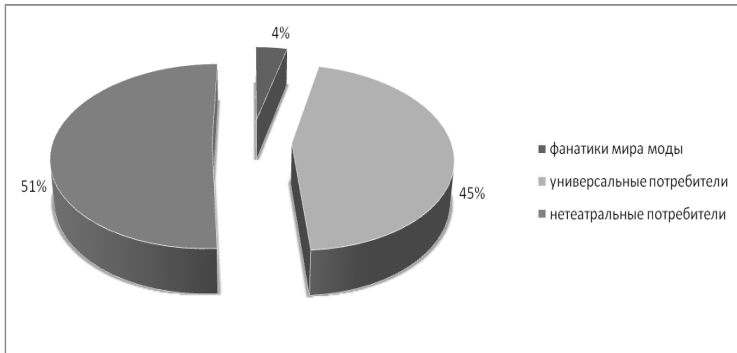

Рисунок 2. Анализ ориентированности социокультурного обращения к зрелищным мероприятиям

Согласно представленной на рисунке структуре, по критерию ориентированности социокультурного обращения, удалось выявить следующие типы зрителей: фанатики моды — 4%; универсальные потребители — 51%; нетеатральные потребители — 45%.

По мотивации обращения автор исследования предлагает выделить следующие типы зрительской аудитории: любознательный тип потребителя; развлекающийся тип потребителя; коммуникативный тип; духовно-эстетический тип и смешанный тип потребителя (рис. 3).

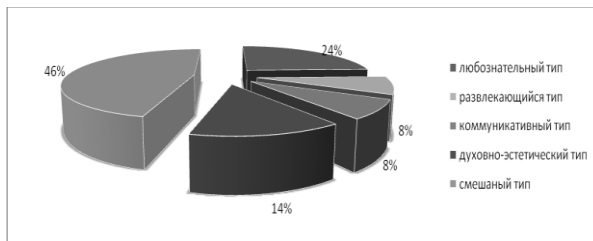

Рисунок 3. Исследования мотивации обращения зрительской аудитории Конкурса

Следующим критерием для классификации зрительской аудитории, представляющим весьма значительный практический интерес, автор исследования считает мнение зрительской аудитории о насыщенности рынка зрелищными мероприятиями мира моды. Исходя из этого критерия, можно выделить следующие типы зрителей: зритель

дефицитного предложения (47 %), зритель профицитного предложения (0 %) и зритель сбалансированного предложения (52 %).

Кроме того, основываясь на классификации, предложенной Н.А. Терентьевой [4], автор исследования считает возможным использовать для типологизации зрительской аудитории зрелищных мероприятий мира моды уровень освоения модных показов как произведений зрелищного искусства.

Резюмируя, следует подчеркнуть, что зрительская аудитория зрелищных искусств пребывает в постоянной трансформации, многократно усиленной ускорением передачи информации как последствия научно-технического прогресса, при этом отсутствие общепринятых критериев для классификации снижает возможности для накопления необходимой сопоставляемой информации и создание полноценных банков данных для изучения динамики изменений зрительских аудиторий зрелищных искусств.

Список литературы:

1. Илле М.Е. Музыкальные интересы и духовные потребности молодежи // Социс. — 1990. — № 12. — С. 94—102.
2. Сохор А.Н. Композитор и публика в социалистическом обществе // Музыка в социалистическом обществе: сб. ст. / сост. А.А. Фарбштейн. Л., 1975. Вып. 2.
3. Сурина И.А., Селиверстова Н.А. Московская аудитория концертов классической музыки // Социс. — 1996. — № 1. — С. 129—131.
4. Терентьева Н.А. Аудитория балета: типологический анализ // Теория и практика общественного развития. — 2013. — № 11. — С. 404—407.
5. Фохт-Бабушкин Ю.У. Искусство в жизни людей (Конкретно-социологические исследования искусства в России второй половины XX века. История и методология). СПб., 2001. — С. 260, 293.

2.3. СОЦИОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

ФОРМИРОВАНИЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ВРАЧА В УСЛОВИЯХ ГУМАНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО МЕДИЦИНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Шаповалова Наталья Александровна

*ассистент кафедры госпитальной хирургии
Государственного Бюджетного Образовательного Учреждения
Высшего Профессионального Образования «Воронежская
Государственная Медицинская академия имени Н.Н. Бурденко»
Министерства Здравоохранения и Социального развития Российской
Федерации, врач сердечно-сосудистый хирург кардиохирургического
отделения № 2 Бюджетного Учреждения Здравоохранения Воронежской
области «Воронежская Областная Клиническая Больница № 1»,
РФ, г. Воронеж
E-mail: nat.shapovalova2010@yandex.ru*

THE FORMATION OF SPIRITUAL AND MORAL COMPETENCE OF THE DOCTOR IN TERMS OF HUMANIZATION OF HIGHER MEDICAL EDUCATION

Shapovalova Natalya

*assistant Professor Department of hospital surgery
of the State Bygenerating Writenewmessage Professional Education
"Voronezh State Medical Academy named N.N. Burdenko" Ministry
of Healthcare and Social development of the Russian Federation, doctor
of cardio-vascular surgeon, cardiac surgery Department № 2 Fiscal Health
of the Voronezh region Voronezh Regional Clinical Hospital № 1",
Russia, Voronezh*

АННОТАЦИЯ

Духовно-нравственная компетентность врача — это одна из важнейших составляющих врачебного профессионализма. Под гуманизацией высшего образования следует понимать многоуровневый социокультурный процесс. Гуманизация высшего медици-

нского образования предполагает ориентацию будущих врачей на общечеловеческие гуманистические ценности и проблемы конкретного человека в системе медицинской помощи. Духовно-нравственная составляющая врачебной деятельности по-прежнему - одна из основ профессионализма современного врача.

ABSTRACT

Moral competence of the doctor is one of the most important components of medical professionalism. Under the humanization of higher education need to understand multi-level socio-cultural process. Humanization of higher medical education involves the orientation of future doctors on universal humanistic values and the problem of the individual in the system of medical care. Moral component of medical practice still is one of the foundations of professionalism of the modern doctor.

Ключевые слова: гуманизация высшего образования; духовно-нравственная компетентность врача; гуманистические ценности; гуманистические ценности; врачебный профессионализм.

Keywords: Humanization of higher education; spiritual and moral competence of the doctor; humanistic values; humanistic values; medical professionalism.

Духовно-нравственная компетентность врача — это одна из важнейших составляющих врачебного профессионализма. Со времен Гиппократа общепризнано, что духовно-нравственная составляющая личности врача одно из главных условий, определяющих его профессионализм. Самые различные биоэтические ситуации или нередко возникающие психологические трудности в общении с пациентами, требуют знания и понимания не только психологического, но и духовного состояния человека. Поэтому определение целей и задач, характера и содержания педагогических условий духовно-нравственного развития студентов медицинских вузов, умение создавать эти условия — это одна из актуальных проблем высшего медицинского образования в области этизации и гуманизации сознания и деятельности будущих российских врачей.

До революции 1917 года профессиональная подготовка врачей осуществлялась в системе университетского образования на фундаменте многогранной естественнонаучной и гуманитарной подготовки. Врачи, оканчивающие университеты, становились, как правило, врачами общей медицинской практики, что предполагало системный подход к оценке человеческого здоровья и к лечению болезней [1]. Такого рода медицинское образование имело два неоспоримых преимущества:

системный подход к пациенту в процессе лечения и оценка врачом своей профессиональной деятельности как служения долгу перед Богом и человечеством.

Суть русской медицинской традиции, складывающаяся столетиями, наиболее точно сформулирована отечественным философом И.А. Ильиным. Он отмечает: «деятельность врача есть дело служения, а не дело дохода»; безотказность в помощи; «в обхождении с больными ... не обобщающее, а индивидуализирующее рассмотрение»; «служение врача есть служение любви и сострадания»; деятельный характер помощи; творческий подход в исцелении; в лечении должна быть опора на «человеческий организм, как живую индивидуальность, таинственную систему самоподдержания, самопитания, самообновления»; обязателен учет «духовной проблематики своего пациента» [цит. по 5, с. 6].

В конце 90-х годов прошлого и в начале XXI века, вновь возникает научный интерес и появляются научные работы, посвященные философским, педагогическим и психологическим аспектам гуманизации высшего образования (Н.И. Бокачева, Л.А. Казанцева, А.Я. Кузнецова, Н.Ю. Максимова и др.). В этих публикациях определены наиболее общие подходы к изучению процесса гуманизации образования как элемента духовной жизни общества, обсуждаются детерминанты развития и отображено многообразие его содержания. Их анализ позволяет в общем виде определить сущность этого феномена [3].

Под гуманизацией высшего образования следует понимать многоуровневый социокультурный процесс, который наполняет образование современным гуманистическим содержанием, формирует основы гуманистического мировоззрения, выражаемого в конкретных, близких людям духовно-нравственных образцах, которые закрепляются в общественных нормах и ценностях и таким образом переводят идеи гуманизма из должного в общественную практику [4].

Гуманизация высшего медицинского образования предполагает ориентацию будущих врачей на общечеловеческие гуманистические ценности и проблемы конкретного человека в системе медицинской помощи. Углубление специальной подготовки современного врача в век информатизации и глобального научно-технического прогресса в целом, бесспорно, имеет объективный характер, но этот процесс должен оптимально уравниваться культурно-гуманитарной составляющей высшего медицинского образования. Только в этом случае можно реализовать компетентностную, креативную модель обучения и обеспечить высокий уровень профессиональной и социальной мобильности выпускника медицинского вуза, вооружить его необхо-

димыми компетенциями и способностями к самообразованию, творчеству в условиях непрерывного расширения круга профессиональных задач [2].

Модернизация высшего медицинского образования, предполагающая, в том числе и его гуманизацию, предъявляет и новые требования к преподавателю медицинского вуза. Современный преподаватель, работающий в медицинской высшей школе, должен быть не только профессионалом своего дела, но и обладать развитым педагогическим сознанием с присущими ему качественными характеристиками. Гуманистическая направленность, духовно-нравственная культура, рефлексивность, креативность, диалогичность являются теми существенными характеристиками, которые подчеркивают особый характер педагогического сознания преподавателя высшей школы на современном этапе развития общества [2].

Однако, обсуждение проблемы гуманизации подготовки современного врача, формирования его духовно-нравственной компетентности было бы неполным вне ее деонтологической составляющей. Отношения врача и пациента во все времена рассматривались как фактор, оказывающий существенное влияние на конечный результат лечения. Сегодня ситуация сложилась таким образом, что здравоохранение в большинстве стран мира (в том числе и в нашей стране) становится объектом, прежде всего, рыночных, финансовых интересов. Следует признать, что медицина во все возрастающей степени утрачивает свою гуманистическую функцию [6].

Между тем, духовно-нравственная составляющая врачебной деятельности по-прежнему — одна из основ профессионализма современного врача. Следовательно, межличностные отношения врача и пациента не могут носить чисто медицинский характер. Они способствуют институционализации социального благополучия в целом, формируя у пациентов благоприятное социальное самочувствие и позитивные социальные установки. Социально формирующую роль взаимоотношений, складывающуюся в процессе профессиональной деятельности представителей «помогающих профессий», отмечают как зарубежные, так и отечественные социологи (Н. Смелзер, Е.В. Решетникова и др.). Данное обстоятельство, по мнению Л.В. Музалевской, дает основание для того, чтобы поставить профессию врача в один ряд с такими профессиями как социальный работник, учитель, психолог [1], [3].

И хотя функция утверждения гуманистических отношений в обществе, если ее оценивать с позиций современного медицинского образования, не имеет прямого отношения к профессиональным обязанностям врача, социальная жизнь дает немало примеров

гражданского служения врачей, активнейших там, где имеет место непосредственная угроза практическому гуманизму. Имена таких врачей, выполняющих свой профессиональный долг на основе гражданской позиции, составляют гордость не только отечественной, но и мировой медицины — Н.И. Пирогов, С.П. Боткин, Л.М. Рошаль, С.Н. Федоров и многие другие.

Таким образом, гуманизацию высшего медицинского образования следует понимать как стратегическое инновационное направление в функционировании и развитии медицинских вузов, вектор которого направлен на подготовку нового поколения врачей. Врачей, способных учитывать в процессе медицинского обслуживания населения не только медико-биологические, но также и социальные, и духовные детерминанты здоровья человека; врачей, способных включать позитивное и ослаблять негативное влияние биологических, социальных и духовных факторов в целях успешного развития и воспроизводства человека и человеческой культуры.

Список литературы:

1. Музалевская Л.В. Решение проблемы гуманизации медицины в рамках реформы сестринского образования / Л.В. Музалевская // Методологическое обеспечение современных философских проблем: сб. науч. тр. Иркутск : Иркут. гос. ун-т., — 2006. — Вып. 5. — С. 213—226.
2. Набродов Г.М. Духовно-нравственная компетентность врача / Г.М. Набродов, А.А. Филозоф. // В сборнике: Современные тенденции в образовании и науке сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 26 частях, 2013. — С. 105—106.
3. Плотникова И.Е. Реализация компетентного подхода в системе повышения квалификации научно-педагогических работников медицинского вуза. / И.Е. Плотникова, А.А. Филозоф, С.Ю. Комова// Наука и бизнес: пути развития, — 2014. — № 6(36). — С. 11—14.
4. Плотникова И.Е. Проблемы и перспективы гуманизации высшего медицинского образования / И.Е. Плотникова, А.А. Филозоф, Л.В. Бут // Современная педагогика— 2014. — № 2(15)— С. 3.
5. Харченко Е.В. О призвании врача: учебно-методическое пособие для врачей на факультативном занятии по этике и деонтологии врачебной деятельности. /Е.В. Харченко, Е.Г. Романова, А.Ю. Яковлева Барнаул, 2009. — 108 с.
6. Черницкая А.Л. Гуманизация высшего образования: сущность и перспективы: Автореф. дис. ...к-та философ. наук / А.Л. Черницкая; Современная гуманитарная академия. М., 2008. — 22 с.

2.4. СОЦИОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИЙ

КОММУНИКАЦИИ И ИНТЕРВЕНЦИИ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Трофимова Ольга Александровна

*преподаватель кафедры экономической социологии,
рекламы и связей с общественностью «Саратовского
социально-экономического института» РЭУ им. Плеханова,
РФ, г. Саратов
E-mail: trofimova2006@mail.ru*

COMMUNICATION AND INTERVENTION IN VIRTUAL SPACE: PROBLEMS OF THEORETICAL INTERPRETATION

Olga Trofimova

*lecturer of the Department of economic sociology, advertising and public
relations "Saratov socio-economic Institute" REU them. Plekhanov,
Russia, Saratov*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается влияние сети Интернет на поведение человека, анализируется интерактивный характер коммуникации, осуществляемой посредством сети Интернет. Делаются выводы, что необходимо новое теоретическое осмысление новых технологий, оказывающих влияние на поведение человека.

ABSTRACT

In this article we discuss the influence of the Internet on human behavior and analyze the interactive nature of communication through the Internet. The conclusions that requires a new theoretical understanding of the new technologies that affect human behavior.

Ключевые слова: средства массовой коммуникации; интернет; интерактивность; влияние.

Keywords: mass media; Internet; interactivity; influence.

В настоящее время средства массовой коммуникации активно развиваются, появляются новые способы получения и распространения информации, возникают новые достижения в области информационно-коммуникационной техники. Всё это приводит к росту возможностей оказания влияния на поведение человека. В век информационных технологий мощнейшим агентом поведенческих изменений является Интернет. Теоретическое осмысление коммуникаций без учета роли новых информационных технологий становится просто невозможным. Наиболее интересным представляется аспект партисипативного участия сети Интернет и потребителей информации в виртуальном пространстве. Всё большую роль при воздействии на массовое сознание играет обратная связь с аудиторией. Первоначально способы и средства передачи информации в массовой коммуникации при отсутствии обратной связи характеризовались односторонностью. С развитием всемирной компьютерной глобализации стало возможным определять вид коммуникации как взаимно направленный. Таким образом, организация массовой коммуникации оказывается под влиянием осуществления обратной связи с реципиентом. Если раньше для массовой коммуникации была характерна, так называемая, скрытая обратная связь, которая проявлялась в основном в письмах и звонках читателей, слушателей, зрителей, то в современное время обратная связь характеризуется высокой степенью интерактивности. Интерактивный характер взаимодействия пользователей в сети Интернет позволяет существенно повысить эффективность взаимодействия участников коммуникативного процесса. Ещё Г. Лассуэл выделял такую функцию коммуникации как корреляцию с социальными структурами общества, то есть воздействие на общество через обратную связь [7, р. 217]. Теперь появился новый способ мобилизовать людей к активным действиям при проведении различных кампаний, будь то рекламные, маркетинговые или политические. С помощью интеракции возможно влиять не только на потребительские желания аудитории, но и производить более глобальные изменения социальных и политических предпочтений на уровне целых стран. «СМК с одной стороны, отражают происходящие изменения в обществе, с другой — влияют на эти изменения с различной степенью интенсивности. Эта взаимозависимость базируется на функциональной основе массовой коммуникации и актуализируется в конкретных социальных условиях, характерных для различных сфер деятельности людей» [3, с. 293].

Современный уровень СМК характеризуется многоканальностью осуществляемых коммуникаций и вариативностью коммуникативных

средств. Сеть Интернет имеет уникальные и отличные от традиционных СМИ (телевидение, печатные издания, радио) характеристики: интерактивность, глокальность, сиблрированность, оперативность, возможность онлайн-корректировки информации; для общения характерны прямой индивидуальный контакт (форматы один-к-одному, один-ко-многим, многие-к-одному), высокий уровень вовлеченности, значительная личная свобода [5]. Ещё американские исследователи Дж. Брайт и С. Томпсон говорили: «Характеристики новых технологий заставляют нас выйти за пределы традиционной коммуникации. Эту новую область можно назвать транзактной медийной коммуникацией. Транзактная означает смену ролей — переход к межличностным коммуникационным отношениям, в которых каждая сторона может выступать по очереди в роли отправителя, получателя и передатчика информации. Таким образом, происходит обмен информацией, определенными знаками, а в результате и конкретными знаниями. Медийная означает, что эти технологии по-прежнему включают в себя медиа. В большинстве медиасистем, поддерживающих транзактные коммуникации, возможна также массовая коммуникация. Другими словами, коммуникационными трансдействиями могут обмениваться много пользователей. Любой человек или организация могут обращаться к великому множеству других пользователей» [1, с. 396]. Из пассивных слушателей и наблюдателей пользователи превратились в активных участников, способных самостоятельно генерировать информацию через блоги, социальные сети, а также создавать контент и сервисы коллективно. Коммуникативная открытость сети Интернет и «эффект присутствия» создают у пользователя особое доверие к этому средству получения информации. Так, в 2013 году Интернет стал вторым по популярности и уровню доверия после телевидения источником получения информации россиянами. Лидером же по уровню доверия среди разных источников информации Интернет является среди тех, кто активно им пользуется (44 %) [6]. Имея возможность вносить свои соображения по поводу той или иной информации пользователи обеспечивают тем самым обратную связь. Они просматривают, оценивают, комментируют или выражают свое мнение, имеют возможность пометить содержание как неподходящее (оскорбительное, содержащее личные нападки и т. д.). Но в настоящее время практикуется система искусственного увеличения популярности информации и формирования общественного мнения — негативного или позитивного в отношении ситуации, личности, товара или услуги. Таким образом «эффект толпы» работает и в виртуальном

пространстве. Интерактивные коммуникации с пользователями дают возможность оказывать постоянное влияние на их социальное и экономическое поведение. Социологизированная модель экономического поведения [4] включает в себя следующее: во-первых, это действия, детерминированные коллективным выбором; во-вторых, иррациональные выборы индивидов, которые связаны с присутствием в структуре человеческой психики компонентов бессознательного; в-третьих, действия, детерминированные экономическими интересами и социальными стереотипами. Согласно этой модели, выбор индивидов в реальной ситуации определяется: состоянием баланса рационального и эмоционального в экономическом мышлении; подвижностью равновесия нормативного и индивидуального в социальном стереотипе; их экономическими интересами. Преследуя свои экономические интересы, люди приспосабливаются к поведению друг друга, соблюдая принятые правила игры, адаптируются к меняющейся ситуации, стремясь получить максимальную чистую выгоду в результате своих выборов [2]. В то время, когда происходит теоретическое осмысление одних воздействий на поведение человека, в виртуальном пространстве появляются уже новые возможности влияния.

Одной из целей массовой коммуникации является ратификация ценностей и идеологии современной российской рыночной экономики, рассмотрение этических и нравственных императивов экономической сферы общества и идеологическое, политическое, экономическое или организационное воздействие на оценки, мнения и поведение людей. Другими словами, информация оказывая влияние на общественность, изменяет её состояние. Сведения об этом передаются по каналам обратной связи и используются для коррекции последующих действий в рамках стратегии оказания влияния. Благодаря трансформации посредством средств массовой коммуникации интересы, ценности и нормы поведения общественности в виртуальном пространстве могут существенно отличаться от традиционных. Интернет как средство массовой коммуникации предоставляет своей аудитории возможность быть активной и избирательной благодаря многочисленности источников информации и диалоговым формам массовой коммуникации (несоизмеримым и несравнимым с традиционными средствами массовой коммуникации).

Таким образом, Интернет как средство массовой коммуникации, играет особую роль в выработке новых способов влияния в рамках виртуального пространства развитого информационного общества. В то время пока происходит теоретическое осмысление одних

воздействий на поведение человека, в виртуальном пространстве появляются уже новые возможности влияния. Разрабатываются новые технологии, сервисы, возникают новые виды как технических, так и логических составляющих. По мере развития каждого нового способа воздействия изучение их строится на использовании методов, применявшихся для более ранних технологий. Современные исследования воздействия новых медиатехнологий также следуют традициям, руководствуясь уже существующими теориями коммуникации, которые не в состоянии угнаться за развитием новых технологий. Другими словами, наблюдается тенденция запаздывания теоретического осмысления по отношению к развитию новых технологий, оказывающих влияние на поведение человека.

Список литературы:

1. Брайант Дж., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. М.: Вильямс, 2004.— 425 с.
2. ВЦИОМ: «Онлайн и офлайн: откуда получают информацию россияне». // Пресс-выпуск № 2370. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114345> (дата обращения 04.10.2014).
3. Демина И.Н. Методологические подходы к исследованиям роли экономических массовых коммуникаций в формировании экономического поведения. // «Медиаскоп. Электронный научный журнал Факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова». 2012. № 4. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.mediascope.ru/node/1222> (дата обращения 04.10.2014).
4. Зелинский С.А. Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание. Средства массовой коммуникации, информации и пропаганды — как проводник манипулятивных методик воздействия на подсознание и моделирования поступков индивида и масс. СПб.: Издательско-Торговый Дом «СКИФИЯ», 2008. — 403 с.
5. Соколова Г.Н. Экономическое поведение / Социологический словарь // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://mirslovari.com/content_soc/jekonomicheskoe-povedenie-10452.html (дата обращения 04.10.2014).
6. Шилина М.Г. Интернет-коммуникация и теоретические аспекты исследований масс-медиа. // «Медиаскоп. Электронный научный журнал Факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова». № 4, 2011. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.mediascope.ru/node/972> (дата обращения 05.10.2014).
7. Lasswell, Harold. The Structure and Function of Communication in Society. // Communication theory and research. Winter-Spring.— 2007. — № 24.— p. 215—228.

2.5. СОЦИОЛОГИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ОСОБЕННОСТИ И РИСКИ

Иванчикова Алиса Владимировна

*магистрант ФГБОУ ВПО
Кубанский государственный технологический Университет,
РФ, г. Краснодар
E-mail: i.morgan.de.toi@gmail.com*

Муха Виктория Николаевна

*канд. соц. наук, доцент кафедры Социологии,
правоведения и работы с персоналом, ФГБОУ ВПО
Кубанский государственный технологический Университет,
РФ, г. Краснодар,
E-mail: v.mukha@bk.ru*

IDENTITY CRISIS IN THE MODERN WORLD: FEATURES AND RISKS

Alisa Ivanchikova

*Undergraduate
of Kuban State Technological University,
Russia, Krasnodar*

Viktoriya Mukha

*master of Sociology, Assistant Professor of a Chair of Sociology,
Jurisprudence and Work with the Personnel
of the Kuban State Technological University,
Russia, Krasnodar*

*Работа выполнена в рамках проекта «Идентификационные
риски в полиэтническом пространстве региона», поддержанного
грантом Президента РФ (МК-4165.2013.6)*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается кризис идентичности, а также социальные риски, порождаемые последним. Приводятся результаты социологического исследования населения Краснодарского края по определению самоощущения современного человека посредством иерархии идентичностей. Обозначаются закономерности зависимости ощущения респондентами идентичности по возрастным группам.

ABSTRACT

The article considers information about the identity crisis, and social risks posed by identity crisis. Presents the results of sociological research of the population of Krasnodar region, by definition, self-awareness of modern man through the hierarchy of identities. Indicated patterns dependence respondents feelings of identity by age groups.

Ключевые слова: идентичность; кризис идентичности; риски; самоощущение; возрастные группы.

Keywords: identity; identity crisis; risks; self-awareness; age groups.

Идентичность не есть свойство, данное индивиду от рождения. Тожественность себе, своей целостности он приобретает сам, живя среди других и взаимодействуя с ними [3, с. 90].

Если раньше идентичность была обусловлена принадлежностью к группе и ее культуре, то современного человека невозможно отнести не только к двум, но и к большему числу групп. Его мобильность стала чрезвычайно высокой, и от нее зависит успех, благополучие самого индивида и его семьи. Он меняет профессии, специальности, специализации, место жительства, своих коллег, друзей, культуру и т. д. [3, с. 88].

Нестабильным является и сам современный социум — его текучесть позволяет до неузнаваемости трансформировать даже привычные социальные ориентиры, что в свою очередь, может привести к потере индивидом привычного места в социальном пространстве.

Идентичность развивается на протяжении всей жизни человека. Ее развитие проходит через преодоление кризисов, которые вызываются не только внешними кризисными условиями, но и онтологией личностного развития. Разумеется, личностные кризисы идентичности усиливаются в кризисном мире [1, с. 28].

В современных условиях кризис идентичности связывают с невозможностью большинства людей дать ответ на вопрос «Кто Я?». Кризис идентичности носит постоянный характер, будучи присущ как индивидам, так и группам. Из-за несоответствия человека

или группы социальной реальности он проявляется в росте пессимизма, повышенного интереса к иррациональным проблемам, неадекватности восприятия себя и других, обострении и актуализации проблем поиска основ для идентичности [2, с. 122]

В данном контексте можно обратиться к результатам социологического исследования населения Краснодарского края, проведенного в рамках реализации проекта «Идентификационные риски в полиэтническом пространстве региона» (грант Президента РФ МК-4165.2013.6), выборка 1000 человек, метод — анкетный опрос.

В рамках данного исследования блок вопросов был посвящен определению самоощущения современного человека посредством иерархии идентичностей (таблица 1).

Таблица 1.

Ощущение единства респондентов с определенными группами, %

Ощущение единства...	Ощущаю в полной мере	Ощущаю в определенной степени	Не ощущаю	Затрудняюсь ответить	Общий итог
с жителями России	61	29	7	2	100
с людьми моего поколения	60	31	6	4	100
с людьми моей национальности	58	30	8	5	100
с людьми одной со мной профессии, рода занятий	52	34	8	6	100
с людьми, проживающими со мной в одном селе/городе	50	35	9	5	100
с людьми моего вероисповедания	46	34	13	7	100
с жителями Краснодарского края	44	39	11	5	100
с людьми близкими мне по политическим взглядам	41	33	16	10	100
с жителями Юга России	39	39	14	8	100
с жителями Северного Кавказа	27	33	30	9	100
с жителями стран СНГ	21	36	31	11	100
с жителями Европы	21	30	37	12	100

По данным, полученным на основе ответов респондентов, можно сделать вывод о том, что наиболее явно единство прослеживается

с такими группами, как жители России (90 %), представителями одного поколения (91 %), представителями одной национальности (88 %) и представителями одного рода деятельности (86 %). При этом большой процент ответов респондентов — около трети — не ощущает единство с такими группами, как жители Северного Кавказа (30 %), жители стран СНГ (31 %) и жители Европы (37 %).

Анализ данных показал, что можно проследить закономерность — увеличение выбора варианта ответа «ощущаю в полной мере» по большинству критериев идентичности происходит параллельно с «увеличением» возрастной группы, т. е. другими словами, чем в более «старшую» группу попадает респондент, тем «уверенней» он ощущает единство с представленными в опроснике группами. Так среди возрастной группы старше 60 лет респонденты больше ощущают единство по политическим взглядам (71 %), по месту проживания (жители Краснодарского края / жители одного населенного пункта) и по возрастному признаку (представители одного поколения) по 64 % соответственно.

И наоборот, увеличение выбора варианта ответа «не ощущаю» — параллельно с «омоложением» группы респондентов, т. е. более «молодая» возрастная группа дала больше ответов о не ощущении единства с группами-критериями идентичности. Например, 40% представителей возрастной группы 18—29 лет единства с жителями Юга России / Краснодарского края не ощущают и 34 % респондентов с жителями одного населенного пункта.

Здесь может играть роль жизненный опыт респондентов, ведь формирование идентичности происходит вместе с процессом социализации. В этой связи интерес вызывает другой блок вопросов — который включал степень значимости определенных критериев для респондентов (таблица 2).

Таблица 2.

Значимость критериев идентичности для респондентов, %

Значимые критерии	Значимо	Значимо в определенной степени	Не значимо	Затрудняюсь ответить
Значимость гражданства	65	28	7	1
Значимость национальности, этнической принадлежности	63	24	9	3
Значимость национальной культуры, истории	60	26	11	3
Значимость проживания на территории России	59	27	11	2
Значимость вероисповедания	53	32	10	5
Значимость проживания на территории края	50	29	18	4

Согласно данным, представленным в таблице 2, можно отметить, что для респондентов значимыми критериями являются все предложенные в опроснике — другими словами, нет критериев, незначимых для респондентов.

Здесь также есть некоторая закономерность по возрастным группам: возрастная градация по вариантам ответа «значимо» «увеличивается» с возрастом, а по варианту ответа «значимо в определенной степени» — наоборот, с возрастом «омолаживается». Другими словами, более взрослые респонденты «уверенней» ответили на вопрос о значимости критериев, чем более молодые респонденты.

Закономерности, отмеченные по возрастным группам могут косвенно указывать на то, что с возрастом при накоплении жизненного опыта идентичность становится более целостной, осознанной, возможно поэтому ответы более старших возрастных групп становятся более определенными («осознаю в полной мере» или «значимо»).

Однако, это может быть также связано с постоянно изменяющимися условиями современного социума. Условия формирования идентичности у более старших возрастных групп сильно отличаются от условий того же формирования у молодежи.

Многие исследователи декларируют кризис идентичности, как актуальное современности явление. При этом, по мнению некоторых, имеет место уже не кризис, а разрушение. Так, по мнению О.Н. Римской, современное разрушение идентичности как наиболее болезненное и зримое проявление антропологического кризиса обнаруживает себя в различных формах депрессии и апатии, бессмысленной жестокости, различных формах зависимости и беспомощности, стремлении убежать от реального мира, в проявлениях избыточной властности и агрессии, разных формах нигилизма и нарциссизма, в алкоголизме и наркомании, сексуальных и гедонистических извращениях [1, с. 28].

Все вышеперечисленное является явными социальными рисками кризиса, социальной идентичности. В целях минимизации последствий последнего необходим постоянный мониторинг и изучение данного явления.

Список литературы:

1. Римская О.Н. Кризис личностной идентичности в постсовременной культуре // Наука Искусство Культура.— 2014.— № 3.— С. 25—33.
2. Хамнаева А.Ю. Характеристики идентичности в меняющемся мире // Аналитика культурологии.— 2007.— № 7.— С. 117—124.
3. Яременко С.Н. Иллюзии идентичности человека // Вестник Донского государственного технического университета. 2009. — Т. 09. — № 2. — С. 344—355.

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Самсонкина Елена Александровна

*лаборант-исследователь,
Кубанский государственный технологический университет,
РФ, г. Краснодар
E-mail: elenagevaro@yahoo.com*

Муха Виктория Николаевна

*канд.соц.наук, доцент,
Кубанский государственный технологический университет,
РФ, г. Краснодар
E-mail: v.muha@bk.ru*

RISKS OF ETHNIC IDENTITY

Samsonkina Elena

*assistant of Kuban State University of Technology,
Russia, Krasnodar*

MukhaViktoria

*candidate of sociological sciences, associate professor
of Kuban State University of Technology,
Russia, Krasnodar*

*Работа выполнена в рамках проекта «Идентификационные
риски в полиэтническом пространстве региона», поддержанного
грантом Президента РФ (МК-4165.2013.6)*

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены понятие, виды социальных рисков, представлены выводы изучения основных социальных рисков россиян.

ABSTRACT

The article describes the concept, types of social risks, the study presents the findings of basic social risks russians.

Ключевые слова: социальные риски; отношение к рискам; восприятие.

Keywords: social risks; risks related to the perception.

В настоящее время люди все чаще подвергаются воздействию различного рода рисков: экономических, природных, политических, техногенных, идентификационных и др. Отдельно можно выделить риски связанные с процессами идентификации и формирования идентичности. Именно они, в последнее время, рассматриваются учеными в качестве угроз, влияющих на самоопределение, культуру, образ жизни и взаимоотношения между членами социума. Указанные риски тесным образом связаны между собой и могут быть определены как социальные риски.

Социальные риски — риски, в преодолении которых участвует все общество, и большая часть членов общества подвержена им; для них характерна вероятность всеобщих потерь, затрагивающих элементы качества жизни людей и минимизируемых при условии реализации социальной ответственности всех членов общества [3, с. 119].

В современном российском обществе существуют следующие типы социального риска: безработица; маргинализация; вынужденные миграции; преступность; глубокое расслоение населения по уровню доходов; низкий уровень жизни населения; дезадаптация и низкий уровень адаптационного потенциала населения страны и др. [2, с. 5]. Все эти риски активно воздействуют на социальное положение людей.

Кроме самого понятия социальный риск, интересным представляется изучение понимания и отношения к риску самих членов общества. В рамках реализации проекта «Идентификационные риски в полиэтническом пространстве региона» (грант Президента РФ МК-4165.2013.6) проводился социологический опрос населения Краснодарского края (выборка 1000 человек), в анкету был включен блок вопросов о социальных рисках.

Для начала респондентам предлагалось выразить свое отношение к понятию «риск». Большинство респондентов, принимавших участие в опросе, предпочитают «рассчитывать, а не рисковать» и поддерживают точку зрения «тише едешь — дальше будешь» (32 % и 22 % ответивших соответственно). Однако 22 % опрошенных готовы пойти на риск и 16 % респондентов воспринимают риск как благородное дело. Само понятие «риск» у респондентов, в основном, ассоциируется с неизвестностью (29 %), действием (19 %), ущербом (8 %).

В ситуациях, когда есть несколько вариантов выбора модели поведения, 18 % опрошенных идет на риск с уверенностью в положи-

тельном результате, в то время как 58 % ответивших понимают, что результат может быть и отрицательным, 24 % участников вообще предпочитают не рисковать.

По мнению респондентов (24 %) они рискуют потому, что не хотят потерять возможности, которые им предоставляются, 23 % воспринимают риск как способ получения жизненного опыта, 20 % респондентов рискуют ради выгоды, только 5 % опрошенных совершают рискованные поступки ради азарта, также, есть категория респондентов (4 %), которые всегда делают выбор в пользу риска.

Интересным представляется мнение респондентов о факторах, влияющих на принятие решения в ситуации риска. Так, большинство опрошенных (33 %) обращают внимание на наличие информации и ее достоверность, 29 % опираются на свои личные интересы, выгоду. На общепринятые нормы и ценности обращают внимание 16 % опрошенных, 12 % респондентов разделяют бремя принятия решения с напарником, либо другими участниками, только 9% берут во внимание внешнюю среду, окружение.

Также, респонденты выделили факторы, которые мешают принимать решение в ситуации риска: 33 % — страх ошибки, 30 % — недостаток информации, необходимой для принятия решения, финансовые сложности (16 %), 14 % респондентов выбрали недостаток времени, в свою очередь переизбытку информации, как фактору мешающему принятию решения в ситуации риска, отдали предпочтение 7 % респондентов.

Далее, респонденты высказывались о возможности (невозможности) присутствия определенных рисков в собственной жизни. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Допустимость определенных угроз, %

Угрозы	Допустимы	Допустимы при определенных обстоятельствах	Недопустимы	Затрудняюсь ответить	Итого
Социальные (потеря работы, положения в обществе)	24	44	23	9	100
Духовные (игнорирование гуманистических идеалов)	13	26	46	15	100

Гражданские (невозможность реализации гражданской позиции)	12	32	39	17	100
Национальные (невозможность, отождествления себя со своим народом, предками)	7	28	47	18	100
Материальные (потеря имущества)	22	40	31	7	100
Физические (ухудшение, утрата здоровья)	28	44	23	5	100
Психологические (стресс)	24	41	27	8	100
Моральные (изменение жизненного уклада)	18	32	40	10	100
Экономические (финансовые потери)	18	42	31	9	100

Как видно, к наиболее допустимым, при определенных обстоятельствах, рискам респонденты относят возможность потери положения в обществе, работы, имущества, финансовые потери, риски утраты здоровья, стрессы. Недопустимыми рисками считаются: духовные, гражданские, моральные, национальные, к которым можно отнести и идентификационные риски. Можно сказать, что опрошенные респонденты в качестве значимых и возможных рисков определяют наиболее материальные с экономической (финансовой) точки зрения. Однако, при ответе на следующий вопрос большинство респондентов (47 %) больше всего боятся потери близких.

Рассмотрим с какими из социальных рисков сталкиваются россияне чаще всего.

Таблица 2.**Частота столкновения с профессиональными рисками, %**

Виды рисков	Несколько раз в неделю	Несколько раз в месяц	Несколько раз в год	Не подвергаюсь совсем	Итого
Опасность не устроиться на работу	6	6	23	65	100
Опасность не получить образование	2	7	14	77	100
Опасность быть неудовлетворенным своей работой (оплата и условия труда)	10	13	28	49	100

Как видно из таблицы 2, опасностям, связанным с невозможностью получения образования, отсутствием работы респонденты подвергаются крайне редко. Необходимо отметить, что для 28 % опрошенных несколько раз в год возникает опасность неудовлетворения своей работой, в ответах респондентов именно данный риск фигурирует чаще всего.

Таблица 3.**Подверженность экономическим рискам, %**

Виды рисков	Несколько раз в неделю	Несколько раз в месяц	Несколько раз в год	Не подвергаюсь совсем	Итого
Опасность утраты общественного положения или престижа	4	8	21	66	100
Опасность оказаться за чертой бедности или стать не нужным окружающим	3	8	26	63	100

Тоже можно сказать и об экономических рисках: опасности утраты общественного положения и возможности оказаться за чертой

бедности несколько раз в год подвергаются только 21 % и 26 % респондентов, принимавших участие в опросе.

Таблица 4.

Риски утраты здоровья, %

Виды рисков	Несколько раз в неделю	Несколько раз в месяц	Несколько раз в год	Не подвергаюсь совсем	Итого
Опасность стать алкоголиком и/или наркоманом	6	4	10	80	100
Опасность природного бедствия	2	6	30	62	100
Опасность здоровья и жизни, связанные с плохой экологией города или страны	7	7	38	47	100
Опасность аварии на ближайшем промышленном предприятии	7	5	20	68	100

Несколько раз в год подвергаются экологическим рискам 38 % респондентов, 30 % опасается возможности природного бедствия и аварии на промышленном предприятии (20 %).

Таким образом, риск всегда социален, поскольку производится социальными субъектами, а его последствия влияют на их существование и взаимодействие [1, с. 123]. Социальный риск можно рассмотреть как опасность, возникающую и проявляющуюся в рамках социальной сферы общества и которая может отрицательно сказываться на жизнедеятельности отдельных социальных групп. Рассматриваться риск может в совокупности с социальными изменениями, и выступать как результат несоответствия действий субъекта и объекта риска изменениям социальной среды.

В ходе проведенного исследования было выяснено, что большинство респондентов предпочитают не рисковать в определенных ситуациях, если все же риск неизбежен, то очень важно владеть достоверной информацией о сложившейся ситуации. В рискованной ситуации значимыми факторами принятия решений выступают собственные цели, блага. Респонденты боятся потерять здоровье, финансовую, экономическую стабильность, но сталкиваются

с подобными рисками редко. Однако, не смотря на это, воздействие социальных рисков требует от государства продуманных механизмов и экономических основ социальной защиты граждан.

Современное понятие «общество» сопряжено с понятием «риск». Особое влияние риск имеет на процессы идентификации индивидов и может выливаться в идентификационные кризисы, охватывающие различные стороны жизни людей. Поэтому данная тема требует дальнейшего всестороннего изучения.

Список литературы:

1. Тарасов В.В. Социально-философский взгляд на социальные риски в условиях информационного общества // Вестник МГТУ Станкин. — 2013. — № 3 (26). — С. 122—125.
2. Хисматулин Р.А. Социальные риски и необходимость социальных гарантий для населения // Вестник Казанского государственного финансово-экономического института. — 2008. — № 3. — С. 4—6.
3. Шарин В.И. Социальные риски как угрозы социальному положению и защита от них // Известия Уральского государственного экономического университета. — 2013. — № 6. — С. 118—124.

СЕКЦИЯ 3. ФИЛОСОФИЯ

3.1. ДИНАМИКА СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

КУЛЬТУРА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: ОСНОВАНИЕ ДЕФИНИЦИИ

Исмаилов Анвар Юрьевич

*доцент, канд. филос. наук,
доцент кафедры «Средства массовой информации»
Южно-Уральского государственного университета,
РФ, г. Челябинск
E-mail: auisma@gmail.com*

THE CULTURE OF HISTORICAL MEMORY: BASE DEFINITION

Ismailov Anvar

*associate Professor, candidate of philosophical Sciences,
associate Professor of "media" South Ural State University,
Russia, Chelyabinsk*

АННОТАЦИЯ

В статье предлагается один из возможных вариантов дефиниции понятия «культура исторической памяти». В рамках предложенного подхода предварительно рассматриваются такие понятия как: «культура», «память», «историческая память». Публикация содержит некоторые ответы на вопросы круглого стола.

ABSTRACT

The article offers one possible definition of the notion of "culture of historical memory". In the framework of the proposed approach are reviewed by concepts such as: "culture", "memory", "historical memory". The publication contains some answers to the questions of the round table.

Ключевые слова: культура; история; память; историческая память.

Keywords: culture; history; memory; historical memory.

Предметный разговор по вопросам круглого стола [4] может состояться, только если в предполагаемом дискурсе чётко определены оперируемые понятия, ведущим из которых является «культура исторической памяти». Между тем именно данное сложное, многосоставное понятие имеет статус неопределённости. Таким образом, первичной, насущной задачей становится определение этого понятия, содержание которого включает в себя смысл (значение) таких слов и языковых образований как культура, история и память, историческая память.

Сложность решения поставленной задачи начинается уже с попытки разобраться с понятием «культура». Сегодня наличествует неимоверное количество (несколько сотен) различных, часто конкурирующих между собой, дефиниций этого понятия, при этом контекстуально каждое из них претендует быть истинным. Культура понимается и как «система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой деятельности, поведения и общения...» [8], и как «форма деятельности людей по воспроизведению и обновлению социального бытия, а также включаемые в эту деятельность её продукты и результаты» [3, с. 433], и даже «в переносном смысле ... уход, улучшение, облагораживание телесно-душевно-духовных склонностей и способностей человека» [7, с. 229], и многие другие определения, которые можно найти в различных словарях и энциклопедиях, в работах отечественных и зарубежных авторов.

Не менее проблематичной можно назвать ситуацию, сложившуюся в области изучения феномена исторической памяти. Обозначенный феномен до сих пор изучается, штудировается и используется научным сообществом, обрастая всё новыми терминами; он активно муссируется средствами и в средствах массовой информации, становится объектом различного рода спекуляций, агитации, пропаганды, и прочее. Например, один из первых, кто стал заниматься теорией исторической памяти, Морис Хальбвакс, противопоставил историю и историческую память (коллективную историческую память), а также ввёл в научный оборот понятие «места памяти», «мнемонические места» [9, с. 22.]. Активный проводник его идей, Пьер Нора, уточнил понятие «места

памяти», переводящийся на русский с французского также как «территория памяти» [6]. П.Х. Хаттон использовал термин «коммеморация»¹. Лидер Франкфуртской школы Теодор Адорно, в аспекте исторической памяти, для объяснения трагических событий второй мировой войны, оперировал понятием «ослабленная память» [1]. Один из представителей постмодернизма философии, Мишель Фуко, констатируя, что современными учёными история «конструируется», применил понятие «контрпамять».

В рамках культурно-исторических исследований исторической памяти можно выделить работы Я. Ассмана «Культурная память» [2], Патрика Х. Хаттона «История как искусство памяти» [10]. Из отечественных исследователей примечательна в этом аспекте работа О.Б. Леонтьевой [5].

Таким образом, необходимо отталкиваться от того факта, что наличествует определённая сложность в понимании искомого понятия — «культура исторической памяти». Выходом из такой патовой ситуации может послужить следующий методологический приём.

Базисные положения. Во-первых, необходимостью становится использование в допустимом объёме редукции, принятие допущений, применение аксиоматического метода. Во-вторых, в рамках онтологии, используя субстанциональный подход, нужно будет исходить из того положения, что при анализе любого явления в нём в явной или скрытой форме всегда присутствует некое атомарное начало (первопричина), которое существует до возникновения этого явления, является необходимым условием его возникновения, существует в бытие этого явления, и может существовать после него. В-третьих, в силу упоминавшейся сложности в однозначном понимании «культуры исторической памяти», с целью раскрытия внутреннего содержания этого абстрактного и неопределённого понятия, будет задействована процедура экспликации. В общих чертах такой метод на начальном этапе подразумевает условную селекцию множества признаков изучаемого явления.

Это позволит, в том числе, дать первые, предварительные ответы на вопросы, определяющие тематический характер круглого стола. При этом, обозначенная фабула исследования не претендует

¹присутствие в коллективном сознании памяти о каких-либо значимых событиях прошлого.

на прерогативность, напротив, должным образом признаётся момент субъективности, когда те или иные, в том числе, промежуточные выводы, определяются исключительно самим исследователем, его интуицией, общим уровнем развития, иными сопутствующими факторами.

Итак, рассмотрение «культуры исторической памяти» нужно начать со следующего допущения. Термином «предмет» будут обозначаться любые предметы, отношения, явления, события или действия окружающего мира. Таким образом, вещь есть предмет, природа есть предмет, человек есть предмет, отношения между ними есть предмет, метафизические высоты, например, бог, любовь, совесть, будут называться, также, предметом. Такое допущение в самом начале позволит абстрагироваться от многих существенных признаков, определяющих форму и содержание, но не являющихся важными (по субъективному мнению) в контексте решения предложенной задачи.

Сложность в определении понятия культура связано с его многоаспектностью. В любом случае, в каждом феномене культуры, в его материальном и духовном воплощениях, явственно присутствуют такие трансцендентальные (в широком смысле) сущности, как человек и то, что носит такие названия как, «неестественное», вторичное, искусственное. Культура есть всё то, что создано человеком. Такое понимание культуры можно найти, например, в космоцентрическом сознании даосистов или древних греков. Последние обозначали культуру как вторую природу. Таким образом, в контексте заданного формата разговора, опуская аксиологический, деятельностный, функциональный, культурологический и иные известные подходы, в широком смысле, культура может пониматься как «множество предметов искусственного происхождения». Множество при этом подразумевает самостоятельное существование как одного предмета, так и наличие всякого рода соответствий и соотнесённости между собой самих предметов. В антропологическом измерении человек, также может считаться предметом искусственного происхождения, в том смысле, что рождаясь естественным путём, собственно, человеком он может стать, только если будет помещён в определённую культурную среду, где сама культура (предметы искусственного происхождения) становится границей самореализации человеком своей потенции.

Далее рассмотрим в предполагаемом ключе «историческую память». Исходными пунктами анализа здесь становятся такие понятия как, «история» и «память». Субстанциальным началом истории

выступает также человек. Собственно, сама история началась, когда появился человек (сообщество). Предыстория, надысторический или постисторический периоды характеризуются отсутствием человека как такового. Вторым, не менее существенным субстанциальным началом выступает время, причём не во всём его объёме, а то, что соответствует, так называемому, прошлому, отсутствию «здесь-и-сейчас». Феноменально, история проявляет себя через сведения, факты, материальные объекты и прочее.

Таким образом, в широком смысле, история есть «множество предметов, сущее которых недоступно непосредственному эмпирическому наблюдению». В такой экспликации понятия различие между культурой и историей выглядит достаточно условно: в культуре выделяются человек и искусственность, в истории — человек и прошлое. Обозначенные магистрали не могут быть отделены друг от друга, они создают в бытии культурно-исторический континуум. Не случайно, поэтому, например, в философии вплоть до конца восемнадцатого века, предметно не разделяли философию культуры и философию истории. Однако, условно культуру и историю можно различать по этим двум основаниям: искусственность и временной интервал. Как исторический факт, например, гибель Помпей, в силу естественных, природных событий (извержение вулкана), не есть культурное событие, а предметы культуры в некотором смысле, находятся вне времени; их прошлое есть, одновременно, настоящее, и даже более того, нацелено на будущее, с целью сохранения и передачи традиций, кодов, смыслов, знаков, символов и прочее. История детерминирована, именно, прошлым, а оперирование историей, неважно, с целью её конструирования или реконструирования, есть оперирование тем, что уже состоялось с необходимостью или случайно.

Память. Атомарно память может быть представлена такими понятиями как, прошлое и информация. Памятью обладает всё то, что может накапливать, воспроизводить, производить (искажать) и забывать иную форму бытия предмета, представленную фактами и сведениями (данными) о нём. Однако память есть, на самом деле, только свойство, характерная черта, присущее предмету. Попытка гипостазировать данное понятие, т. е. придать ему статус самостоятельного значения, приводит к различного рода инсинуациям и спекуляциям на эту тему, так как нет памяти вообще. Таким образом, в широком смысле память «есть свойство предмета накапливать, воспроизводить, искажать и забывать информацию». Таким свойством обладает не только человек, с его материальным аппаратом в виде

человеческого мозга, но и различные предметы материального мира, не являющиеся носителями самосознания (накопительный диск, флешка, память животных).

Таким образом, исходя из первоначальной посылки о том, что человек в истории является её атомарным, трансцендентальным началом, историческую память можно будет определить как «свойство человека (человеческих сообществ) накапливать, воспроизводить, искажать и забывать факты и сведения о множестве предметов, сущее которых недоступно непосредственному эмпирическому наблюдению». Или «свойство человека и человеческих сообществ оперировать информацией о предметах, сущее которых недоступно непосредственному эмпирическому наблюдению». Оговоримся ещё раз, что непосредственными носителями исторической памяти выступают как живые люди или их сообщества, объединённые в различного рода группы или коллективы, так и более крупные объединения, представленные обществом, государством, иными основополагающими социальными институтами.

При этом разговор о соотношении «исторической памяти», «коллективной памяти», «культурной памяти», памяти поколений, исторической науки и др. может состояться только, если в этом, заданном ключе определить указанные понятия. Например, культурная память может пониматься как «свойство человека (человеческих сообществ) накапливать и воспроизводить информацию о множестве предметов искусственного происхождения». Соотнести понятия «историческая память» и «историческая наука», т. е. выделить некие свойства, обозначить отношение между ними, можно, если только принять то обстоятельство, что основанием любой науки, в т. ч. исторической, является объективная истина, её поиск (законов). Тогда историческая наука, предстаёт как «объективная истина о предметах человеческой экзистенции, сущее которых недоступно непосредственному эмпирическому наблюдению». При этом необходимо будет учитывать тот факт, что истина как таковая, может быть не только научной, она может выступать в её субъективном, религиозном, коллективном и прочее воплощениях, характеризующихся таким понятием, как иное мнение. Например, в исторической памяти конкретного сообщества существенными моментами выступает мифотворчество, процессы намеренного забывания неприглядных исторических фактов, искажение, из лучших побуждений, исторических сведений (пропаганда и идеология) и прочее.

Итого в заключении. Искомое понятие «культура исторической памяти» может быть определено как «свойство человека (человеческих

сообществ) накапливать и воспроизводить информацию о множестве предметов, в т. ч. искусственного происхождения, существование которых недоступно непосредственному эмпирическому наблюдению». Тогда, отвечая на вопрос круглого стола о возможности воспитания культуры исторической памяти, можно сказать, что ключевой фигурой процесса воспитания остаётся человек, в том числе, и как объект манипуляции, суггестии со стороны других людей, различных сообществ, общества и государства. Это значит в свою очередь, что воспитание культуры исторической памяти не только возможно, но и является необходимым условием формирования органично целостной личности.

Предложенная дефиниция, чётко определяет грань допустимого в отношении культуры исторической памяти: накапливать и воспроизводить, а не накапливать, воспроизводить, искажать или забывать. Последнее будет характеризовать феномен пропаганды, имманентным признаком которой являются, намеренное в том числе, забывание, искажение каких-либо исторических фактов.

Список литературы:

1. Адорно Т. Что значит «проработка прошлого» [Электронный ресурс] //Русский журнал [сайт]. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ado4.html>(дата обращения: 30.07.2014).
2. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом, и политическая идентичность в высоких культурах древности [Текст] / Я. Ассман. М. Языки славянской культуры, 2004. — 368 с.
3. Кемеров В.Е. Культура [Текст] / В.Е. Кемеров // Современный филос. сл. / под общей ред. В.Е. Кемерова. Лондон-Минск.: Панпринт, 1998.— С. 1064.
4. Культура исторической памяти: между забвением, воспоминанием и мифологией [Электронный ресурс]// Лабиринт журнал социально-гуманитарных исследований [сайт]. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL:<http://journal-labirint.com/?p=3642> (дата обращения: 10.09.2014).
5. Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX— начала XX вв. / О.Б. Леонтьева. Самара: ООО «Книга», 2011. — 448 с.
6. Нора П. Проблематика мест памяти [Текст] / Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999, — с. 17—50.
7. Философский энциклопедический словарь [Текст] / ред. сост. Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. М.: Инфра-М, 2004. — 576 с.

8. Философия [Текст]: энцикл. сл. / под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. — 1072 с.
9. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память [Текст] // М.: Неприкосновенный запас, 2005. № 2—3.
10. Хаттон П.Х. История как искусство памяти [Текст] / П.Х. Хаттон. СПб.: Владимир Даль, 2004. — 424 С.

3.2. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

ДИАЛЕКТИКА ТЕОРИИ «ЗАКОНОВ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ» ТОМАСА РОБЕРТА МАЛЬТУСА

Вялых Владимир Владимирович

*канд. полит. наук, заведующий кафедрой философии
ОРГМА (Оренбургская государственная медицинская академия),
РФ, г. Оренбург
E-mail: vylix@mail.ru*

Бадреева Алина Рифовна

*студент факультета клиническая психология
ОРГМА(Оренбургская государственная медицинская академия) ,
РФ,г. Оренбург
E-mail: badreeva_alinochka@mail.ru*

DIALECTICS THEORY "PRINCIPLE OF POPULATION" THOMAS ROBERT MALTUS

Vladimir Vyalykh

*candidate of political Sciences, head of the philosophy Department
of Orenburg State Medical Academy,
Russia, Orenburg*

Alina Badreeva

*student of clinical psychology
of Orenburg State Medical Academy,
Russia, Orenburg*

АННОТАЦИЯ

Теория «законов народонаселения» Томаса Роберта Мальтуса является одной из ключевых общественно-политических теорий в европейской науке конца XVIII-го века. В статье раскрывается

диалектический характер этой теории: с одной стороны, теория Мальтуса затрагивает одну из наиболее актуальных глобальных проблем современности; с другой стороны, неправильное восприятие данной теории порождает множество псевдонаучных спекуляций. Особое внимание авторы статьи уделяют рассмотрению основных положений теории Мальтуса и показывают ее влияние на современное восприятие проблемы перенаселения.

ABSTRACT

The theory of the laws of the population" Thomas Robert Malthus is one of the key socio-political theories in European science the end of the 18th century. This concept has not lost its relevance to this day, however, it has to be viewed dialectically: on the one hand, the theory of Malthus touches one of the most pressing global issues of our time; on the other hand, the wrong perception of this theory raises many pseudo-scientific speculations. The purpose of this paper to consider the statements of the theory of Malthus and show its influence on modern perception of the problem of overpopulation.

Ключевые слова: народонаселение; диалектика; закон народонаселения; проблемы народонаселения; теория Мальтуса.

Keywords: population; dialectics; law of population; population problems; Malthusian theory.

Одной из глобальных проблем современности для человечества является перенаселение Земли. На сегодняшний день не существует внятного алгоритма ее решения, однако создан целый ряд концепций, объясняющий, какие последствия для человечества могут быть при отсутствии ее решения. Эти концепции в основном создаются при помощи методологии таких наук, как экономика, социология, политология и т. д. Однако значительный опыт в осмыслении проблемы перенаселения есть и в философии. В нашей статье мы будем вести речь прежде всего об основополагающих в данной области исследованиях: концепции Джамариа Ортеза, изложенной им в книге "Размышления о народонаселении в его отношении к национальной экономии", и теории Томаса Роберта Мальтуса, основные положения которой раскрыты им в труде "Опыт о законах народонаселения". Цель данной статьи: рассмотреть диалектический характер теории Мальтуса и ее влияние на современное восприятие проблемы перенаселения.

Следует заметить, что на формирование научного мировоззрения и Мальтуса, и Ортеза оказала влияние эпоха Нового времени. В эту

эпоху формировались новые взгляды человека на общество, государство, мир и на самого себя. Если в эпоху Возрождения в центре внимания наук была разумно-чувственная сторона человека, то в Новое время основное внимание было уделено активной, деятельной стороне человеческой природы. В науке укрепляется вера в способность человека не только изучать мир, но и воздействовать на него. В качестве моделей мироздания в науке начинают использовать не абстрактную антропоцентрическую, а механистическую картину мира, в соответствии с которой все события в мире происходят согласно законам механики. В связи с этим ко всем наукам, в том числе и к гуманитарным, эпоха предъявляет требование быть более конкретными в своих изысканиях, создавать интеллектуальный продукт, способный принести практическую пользу.

Именно в эту эпоху итальянский философ Джамариа Ортес (1713—1790 гг.) издает книгу «Размышления о народонаселении в его отношении к национальной экономике». По его мнению, численность населения определяется плодородием почвы. Задолго до Мальтуса Ортес утверждал, что рост населения совершается в геометрической прогрессии. Среди животных существует стремление к такому быстрому размножению, но природа задерживает его «силой», у людей сдерживающим началом является «разум»—*ragione*. Поэтому для человеческого общества в определенные периоды истории безбрачие бывает столь же необходимым, как и брак [3, с. 76].

В 1798 году современник Ортеса Томас Мальтус выдвинул научную гипотезу, согласно которой население планеты растет в геометрической прогрессии, а средства поддержания жизнедеятельности — в арифметической. Именно он одним из первых попытался определить так называемую «несущую способность Земли», которая оценивалась в разное время разными исследователями от 1 миллиарда до 1 триллиона человек [1, с. 23]. В конце XX века этот разброс сузился до интервала от 8 до 16 миллиардов человек. Два столетия прошедшие после смерти Мальтуса подтвердили правоту его высказываний об увеличении народонаселения Земли. В XX веке население росло с экстраординарной скоростью: от 1,6 миллиарда в 1900 году — до 7 миллиардов в 2011 году. При этом 84 % населения планеты проживает в развивающихся странах [4, с. 145].

В отличие от Ортеса, Мальтус не верил в способность человека контролировать свои инстинкты — прежде всего инстинкт к размножению — при помощи разума. Английский философ был убежден в необходимости искусственного создания механизма такого контроля со стороны государства. Еще меньше, по сравнению с Ортесом,

Мальтус верил в возможность равновесия между периодами естественного роста и естественной убыли населения. Его позиция была непреклонна: неконтролируемое увеличение населения способно привести лишь к необратимым последствиям.

Главный тезис теории Мальтуса основан на утверждении, которое было известно до него — количество людей на планете растет очень быстро, приблизительно в геометрической прогрессии, а количество продуктов питания — гораздо медленнее, в арифметической прогрессии [1, с. 56]. В перспективе это может привести не только к голоду, но и к войне. По его мнению, увеличение числа населения напрямую связано с ограниченностью ресурсов и войной как средством их завоевания и удержания. Впрочем, к войне английский философ относился достаточно прагматично — по его мнению, военный конфликт издревле являлся естественным способом сокращения населения.

Но со вступлением на арену общественной жизни христианства во взглядах на семью, на брак и на роль государства в вопросе о народонаселении происходит полный переворот. Брак объявляется отныне делом личным, не подлежащим государственной регламентации; вступление в супружеский союз признается вопросом совести; что же касается роста числа населения, то, по мнению ряда христианских теологов, оно регулируется не человеческими, а божественными законами. Государственная политика в этой области сменяется религиозной, покровительство увеличению народонаселения со стороны государства — невмешательством в эту область [4, с. 87].

Как уже было написано выше, взгляды Мальтуса формировались под влиянием философии Нового времени. Такие представители этой философии, как Ф. Бэкон и Дж. Локк были убеждены в том, что способность человеческого разума познать мир и понять суть каких-либо социальных явлений ограничена, равно как и способность контролировать свои инстинкты. В связи с этим Бэкон считал основой познания опыт, а Локк — чувства. Их взгляды нашли свое отражение и в теории Мальтуса, критически относившегося к способностям человеческого разума, прежде всего — в сфере контроля над проявлением основных инстинктов.

Если подводить итог всему выше сказанному, то можно выделить несколько основных моментов теории Мальтуса. Прежде всего он свел причину бедности к простому соотношению темпа прироста населения с темпом прироста жизненных благ, определяющих прожиточный минимум — при благоприятных условиях (отсутствие болезней и нищеты) население растет в геометрической прогрессии, удваивается

каждые 20—25 лет, а производство пищи и необходимых предметов существования растет в арифметической прогрессии.

По мнению Томаса Мальтуса, всякая попытка усовершенствования человеческого общества с помощью законов в области ограничения рождаемости не способна повлиять на демографическую ситуацию в обществе. Сам Мальтус объяснял свое предположение биологическими способностями человека к продолжению роста, сводя его природные инстинкты к животным.

Наряду с этим Т.Р. Мальтус считал, что, несмотря на угрозу перенаселения, в современном ему обществе не существует людей, которые не могли бы принести ему пользу. В частности, ситуация ограниченности ресурсов — прежде всего продуктов питания — может быть преодолена при условии равномерного участия разных слоев общества в производстве материальных благ [3, с. 54].

Теория Мальтуса оказала определенное влияние на создание теории «Золотого миллиарда» — понятия из демографии и социологии, отражающего современный дисбаланс в уровне жизни и потребления между населением развитых и развивающихся стран мира в условиях ограниченности мировых ресурсов. Название связано с суммарной численностью населения развитых капиталистических стран: США (311 млн.), Канада (34,3 млн.), Австралия (22,5 млн.), страны Евросоюза (28 стран, суммарно 500 млн.), Япония (127,4 млн.), а также Израиля, Южной Кореи и перспективах его роста в XXI веке [3, с. 56]. Данная концепция часто критикуется за излишнюю брутальность и утилитарный характер. Но наряду с этим необходимо помнить, что эта концепция стала своеобразным научным ответом на объективную проблему невозобновляемости ресурсов и переизбытка населения на планете Земля. Кроме того, данную теорию можно считать примером утрированного восприятия теории Мальтуса. Необходимо помнить, что Т.Р. Мальтус изучал проблему перенаселения исключительно на примере Великобритании, и рассматривал эту же проблему в масштабе планеты чисто гипотетически.

Теория Мальтуса часто и не без основания подвергается критике. По мнению американского исследователя Дж. Паркера некоторые рассуждения Мальтуса являются попытками не решить проблему, но уйти от необходимости делать это. В частности, Паркер подвергает сомнению один из главных тезисов Мальтуса — тезис о взаимосвязи между численностью населения и ростом агрессии на политическом уровне. Паркер уточняет, что есть большая разница между конфликтами локального и глобального масштаба. Так к 2010 году наряду с увеличением населения мира с 3 до 7 млрд. человек увеличилось

число суверенных государств. За тот же период времени количество развязанных войн между государствами снизилось. Уменьшилось и количество гражданских войн: число смертей в ходе военных действий на каждые 100 тыс. человек в год уменьшилось с 20 в конце 1940-х гг. до 0,7 в конце 2000-х. Следовательно, по мнению Паркера, тезис о взаимосвязи роста населения и агрессии на политическом уровне достаточно сомнителен [2, с. 24].

Российский исследователь Н. Моисеев утверждает, что зачастую ученые, равно как и обыватели, склонны преувеличивать масштабы проблемы перенаселения. Он признает рост народонаселения в качестве фактора возрастания социальной напряженности лишь в том случае, если превосходит экономический рост. По мнению Н. Моисеева, разумная политика ограничения рождаемости способна предотвратить переход проблемы перенаселения в стадию кризиса [2, с. 20].

Проблема перенаселения, по мнению Мальтуса, способна привести к возникновению угрозы голода в планетарном масштабе. Проблема невозобновления пищевых ресурсов может обостриться, если к 2050 году население планеты продолжит расти прежними темпами. Прирост населения способен повысить конкуренцию за продукты питания, что существенно повысит на них цены. По данным Дж. Паркера, до 2050 года количество производимых в мире продуктов питания должно возрасти примерно на 70 %. Однако эти показатели недостаточны для прокорма населения. Все это приводит к нагнетанию обстановки в СМИ и спекулированию на ценах на продовольствие. Вместе с тем существует целый ряд способов разрешения данной проблемы, ни одни из которых не связан с жесткими мерами по контролю за рождаемостью. Речь идет о более эффективном использовании водных и иных ресурсов, лучшем выборе посевных культур посредством их генетической маркировки, сокращении отходов производства и т. д. [2, с. 26].

Самым значительным вкладом Т.Р. Мальтуса в науку является то, что ему удалось предугадать демографические последствия смены технологий и неизбежное воздействие численности населения на уровень жизни общества. Наряду с этим английский ученый подчеркнул взаимосвязь между проблемой перенаселения и такими глобальными проблемами, как всемирный голод, невозобновляемость ресурсов и т. д. Теория народонаселения Мальтуса продолжает оказывать влияние на экономическую мысль и сегодня — ее отголоски можно встретить и в публицистике, и в политических дискуссиях, и в экономическом моделировании.

Главная ценность теории Томаса Мальтуса — в ее непреходящей актуальности, а главная опасность — в излишне упрощенном восприятии, открывающем возможность для манипуляции общественным мнением в масштабах не только отдельно взятых общества и государства, но и всей планеты. Данная концепция должна — как и любая научная теория — восприниматься диалектически прежде всего для того, чтобы избежать ее упрощенных трактовок, способных привести к откровенной спекуляции на страхе людей перед глобальными проблемами современности.

Список литературы:

1. Мальтус Т.Р. Опыт о законе народонаселения. Петрозаводск, 1993. — 347 с.
2. Моисеев Н.М / Дж. Форрестер. Мировая динамика. М.: «АСТ»,2003. — 376 с.
3. Паркер Дж. Не только судьба // Мир в 2050 году. М.: Эксмо, 2012. — 353 с.
4. Рубин Я.И. Теория народонаселения (мальтузианское и антимальтузианское направления). М.: «АСТ» 2008. — 420 с.
5. Хайлбронер Р. Философы не от мира сего. М.: «Астрель»,2011. — 427 с.

3.3. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

ПОНИМАНИЕ ОПЫТА КАК ПОЗНАНИЯ И КАК ИНТУИЦИИ

Давлетишина Анна Маратовна

*аспирант кафедры онтологии и теории познания
Департамента философии УрФУ
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
РФ, г. Екатеринбург
E-mail: davletshina.anna@gmail.com*

UNDERSTANDING OF EXPERIENCE AS KNOWLEDGE AND INTUITION

Anna Davletshina

*post-graduate student of Ontology and Epistemology of Philosophy
Department, Ural Federal University
named after the first Russian President B.N. Yeltsin,
Russia, Yekaterinburg*

*Работа выполнена при финансовой поддержке УрФУ в рамках
реализации Программы развития УрФУ для победителей конкурса
«Молодые ученые УрФУ»*

АННОТАЦИЯ

«Опыт» представляет собой одно из самых сложных понятий в философии. Несмотря на длительную историю этого термина, можно говорить, что оно определено еще не совсем четко и в своем содержании предполагает наличие множества смысловых значений. В рамках статьи рассматриваются два основных понимания опыта, а именно опыта познания и опыта интуиции. В итоге делается вывод, что необходима новая концепция опыта, которая органично включала бы в себя оба смысла, при этом не уменьшая значимости каждого из них.

ABSTRACT

Experience is one of the most complicated notions in philosophy. Despite the long history of this term, it is not defined clearly and has a variety of semantic meanings. Within the article two conceptions of experience are considered as experience of knowledge and intuition. As the result, it is concluded that a new conception of experience is necessary which naturally includes both meanings without reducing their significance.

Ключевые слова: опыт; опыт познания; опыт интуиции; эмпиризм; рассудочный опыт.

Keywords: experience; experience of knowledge; experience of intuition; empiricism; rational experience.

«Опыт» представляет собой одно из самых сложных понятий в философии. Когда в философии говорят об опыте, как правило, ему приписывается значение знания, приобретенного в процессе череды наблюдений, число которых не может быть ограничено. Так приверженцы рационалистической философии считали, что любое приобретенное знание уже предполагает участие разума, рассудка, а любой факт, который мы используем в своей деятельности, сконструирован нашим разумом. Но открывая, например, книгу Л.С. Франка «Человек и реальность», мы читаем о существовании духовного, внутреннего опыта, получаемого не чувственным путем. В итоге можно говорить, что понятие опыта определено еще не совсем четко и в своем содержании предполагает наличие множества смысловых значений. Также можно говорить, что существует два основных понимания опыта, а именно опыта познания и опыта интуиции. Обратимся к опыту познания.

Рассудочный опыт или опыт познания предполагает суждение, и именно в этом смысле термин «опыт» употребляется в дискуссиях о научном опыте. Всякий опыт, понимаемый как познание, является рассудочным и искусственным опытом.

Здесь можно отметить, что многие философы (например, А. Пуанкаре), согласны с тем, что опыт, а точнее научный опыт, является всего лишь конструкцией нашего рассудка, который в целях удобства, проникновения и сосредоточения на отдельном участке действительности отграничивает нас от целостной и исключительно качественной действительности, непосредственно переживаемой нами. Особенно хорошо это видно на примере эксперимента.

Что же представляет собой эксперимент? Смысл новоевропейского эксперимента, по Хайдеггеру, состоит в том, что в основу кладется определенный закон. «Поставить эксперимент означает представить такое условие, в согласии с которым можно будет проследить за определенной динамической взаимосвязью во всей закономерности ее протекания и, следовательно, наперед овладеть этим движением, приспособив его для расчета» [5, с. 140]. Эксперимент — это метод, который во всем своем замысле и во всем своем проведении основывается на положенном в фундамент законе, руководствуется им, и только таким путем доставляет факты, оправдывающие закон или же отказывающие закону в оправдании. А. Койре писал: «наблюдение или опыт в смысле спонтанного опыта здравого смысла не играли преимущественной роли... в основании науки Нового времени... Не «опыт», а «экспериментирование» сыграло... существенно положительную роль» [3, с. 129].

Если мы обратимся к представителям эмпиризма, которые заявляют о том, что единственным основанием нашего знания является опыт, они, очевидно, подразумевают не прошедший через рассудок, непосредственный и спонтанный опыт и его данные. Здесь опыт представляет собой интуицию, и можно говорить, что интуицию чувственную. В этом опыте нам дается материальная действительность, а не конструируемая. Уже здесь можно заметить, что опыт присутствует в двух своих видах — опыт как интуиция (первоначальный, неосознанный) и опыт как познание (сконструированный нашим рассудком, разумом).

Но мы не можем сводить рассудочный опыт к спонтанному, и наоборот, нельзя также и отождествлять их между собой. И. Кант показал как раз пример разделения двух значений опыта в своей философии. Понимание опыта И. Кантом мы находим в «Критике чистого разума», где он говорит о том, что наше познание исходит из опыта. Но, несмотря на то, что наше познание берет начало в опыте, это не значит, что оно целиком исходит из него [2, с. 41]. Термин «опыт» он использует для обозначения рассудочного опыта, который приравнивается им к научному опыту или познанию, тогда как для спонтанного опыта Кант сохраняет термин «чувственная интуиция».

И наоборот, Локк и Юм, об опыте, рассматривают его именно в смысле спонтанного и непосредственного опыта. Д. Юм пишет, что для науки о человеке (на которую опираются все остальные науки) «единственное прочное основание, на которое мы можем поставить саму эту науку, должно быть заложено в опыте и наблюдении» [6, с. 57].

Изначальным пунктом рассуждений Д. Юма является убеждение, что есть факт непосредственной данности ощущения, а отсюда, следовательно, и наших эмоциональных переживаний. Мы не можем знать, существует ли материальный мир как внешний источник наших ощущений. «...Природа держит нас на почтительном расстоянии от своих тайн и предоставляет нам лишь знание немногих поверхностных качеств» [6, с. 114]. В итоге можно говорить, что философия строится им как теория познания, описывающая факты сознания, и этим она интересна в контексте рассмотрения опыта. Делая ощущения абсолютным «началом» познания, он и структуру субъекта изучает в изоляции от его деятельности.

Правильнее было бы сохранить термин «опыт» исключительно за спонтанным опытом непосредственно данного, а рассудочный опыт обозначить как познание. Вместе с тем, поскольку общепринятым считается признание только чувственного опыта, рассудочный опыт нужно будет определить как чувственное познание, наиболее характерной разновидностью которого является научный опыт.

Но все же мы не должны заниматься одним видом опыта, отказывая в существовании другому. Если не обеднять и не деформировать опыт по произвольным критериям, сводя его к механизму изолированных ощущений, что является чистым конструктивизмом, то получается намного более четкая и широкая концепция опыта — опыта идей, ценностей, духовности, множественности в той же степени, что и единичности. И приходится интегрировать в такой опыт то, что некоторые хотели бы полностью из него исключить: интегральный опыт, и особенно религиозный или мистический опыт, метафизический опыт, герменевтический опыт, моральный опыт, феноменологический опыт идей и ценностей.

В качестве примера обратимся к герменевтике. Герменевтический опыт в его понимании не имеет прочной привязки к опыту восприятия. Опыт выражает позицию духовного обстояния человека перед миром, поэтому представляет собой форму духовной данности мира. Наиболее ярко духовный мир человека дан нам в опыте искусства, философии и истории. Другим важным моментом в осмыслении опыта для Гадамера является принципиальная открытость опыта. Благодаря этой открытости возможно обновление опыта.

Или обратимся к представителю американского прагматизма — Дж. Дьюи, который расширяет понимание опыта: «Опыт включает сновидения, нездоровье, болезнь, смерть, труд, войну, смятение, двусмысленность, ложь и заблуждение, он включает трансцендентные системы, равно как и эмпирические; магию и суеверия так же,

как и науку» [4, с. 31]. На основе данных современной психологии «вполне уместным указать на ту степень, с которой социальная, равно как и биологическая организация участвует в формировании человеческого опыта» [1, с. 88]. Дьюи приводит следующий пример. Контакты маленького ребенка, в связи с его физической слабостью, опосредованы другими людьми. Мать, отец и более взрослые дети определяют, какой опыт получит ребенок. Они постоянно указывают ему на значение того, что он делает и претерпевает. Понятия, данные ему «значимыми» людьми, становятся для ребенка принципами интерпретации и оценки задолго до того, как он достигнет контроля над своим поведением. Эти мнения формируют его ум. Они создают центры, вокруг которых упорядочиваются его личностные реакции и восприятия. «Здесь мы имеем «категории» связи и объединения, настолько же важные, как и категории Канта, но эмпирические» [1, с. 88].

В итоге можно говорить о том, что существует два основных значения опыта — опыта как познания и опыта как интуиции. Все это говорит о существующей проблеме — необходима новая концепция опыта, которая органично включала бы в себя оба смысла, при этом не уменьшая значимости каждого из них.

Список литературы:

1. Дьюи Дж. Реконструкция в философии. М.: «Логос», 2001. — 168 с.
2. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского сверен и отредактирован Ц.Г. Арзаканяном и М. И. Иткиным; прим. Ц.Г. Арзаканяна. М. : Эксмо, 2010. — 736 с.
3. Койре А. Очерки по истории философской мысли. О влиянии философских концепций на развитие научных теорий. М.: Прогресс, 1985. — 286 с.
4. Томюк О.Н. Концепция опыта в инструментализме Джона Дьюи / Эпистемы: Сб. науч. ст. Вып. 6: Опыт / науч. ред. Д.В. Котелевский, отв. ред. О.Н. Томюк. Екатеринбург: Изд-во «Ажур», 2011. — С. 28—34.
5. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. Пер. с нем. / Составл., переводы, вступ. статья, пример А.В. Михайлова. М.: Издательство «Гнозис», 1993 — 464 с.
6. Юм Д. Трактат о человеческой природе. Минск: Попурри, 1998. — 720 с.

ФОТОГРАФИЯ И КИНО КАК ФОРМЫ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Самойлова Елена Олеговна

*аспирант, ассистент кафедры инноватики, маркетинга и рекламы,
Пятигорский государственный лингвистический университет
РФ, г. Пятигорск
E-mail: blu_sky_angel@mail.ru*

THE FORMS OF VIRTUALREALITY: PHOTOGRAPHY AND CINEMA

Elena Samoylova

*postgraduate student,
assistant of department of innovatics, marketing and advertisement,
Pyatigorsk State Linguistic University,
Russia, Pyatigorsk*

*Исследование выполнено в рамках Государственного задания
«Исследование знака и смысла в структуре дискурса виртуального
пространства» (Проект № 2695)*

АННОТАЦИЯ

В данной статье анализируются такие феномены современного искусства как кино и фотография с точки зрения виртуалистики. Они рассматриваются, как явления способные конструировать и моделировать виртуальную реальность. Описываются специальные средства (программы) позволяющие реализовать это, а также влияние виртуальной реальности на общество.

ABSTRACT

In this article are examined such phenomena of modern art as cinema and photography from the point of view of virtualistics. They are regarded as a phenomenon capable of designing and simulate virtual reality. We describe the special tools (programs) which allow to realize this, and analyze the impact of virtual reality on society.

Ключевые слова: кино; фотография; виртуальная реальность; виртуальный дискурс; 3-D.

Keywords: cinema; photography; virtual reality; virtual discourse; 3-D.

Развитие общества с каждым веком все больше и больше убыстряется. Появляются новые феномены культуры, которые до этого казались фантастическими и нереальными. Еще Ж. Верн отмечал, что настанет время, когда наука опередит человеческую фантазию. Сейчас, уже с определенной долей уверенности можно сказать, что данный момент наступил. С каждым годом появляются новые технологии, которые упрощают жизнь современного человека, делают ее более комфортной. К одной из таких технологий, относится технология создания виртуальной реальности.

Виртуальная реальность — сравнительно недавно появившееся явление в современной науке. Несмотря на свой молодой «возраст», виртуальная реальность нашла свое отражение практически во всех гуманитарных науках: лингвистике, психологии, философии, социологии, политологии, культурологии и др. Отечественные и зарубежные ученые не раз писали о ней, давали ей различные определения, наделяли разными свойствами. В данной статье мы остановимся на мнении, что виртуальная реальность — это особая виртуальная среда, созданная при помощи компьютерных средств и с которой так или иначе может взаимодействовать человек. Рамки взаимодействия человека и виртуальной реальности довольно широки: от простого просмотра фильма до погружения в реалистичный 3-D (или 4-D и 5-D) мир.

В отечественную науку большой вклад в изучение виртуальной реальности внес Н.А. Носов, который был одним из первых, кто переосмыслил понятие виртуальной реальности с философской, а не с технологической точки зрения (такая позиция балы присуща западным исследователям). В своем «Манифесте виртуалистике» (от 22 мая 2001 года), он обозначил следующие характеристики виртуальной реальности, в независимости от ее природы (физическая, психологическая, техническая и др.):

«Порожденность. Виртуальная реальность продуцируется активностью какой-либо другой реальности, внешней по отношению к ней. **Актуальность.** Виртуальная реальность существует актуально, только «здесь и теперь», только пока активна порождающая реальность. **Автономность.** В виртуальной реальности свое время, пространство и законы существования (в каждой виртуальной реальности своя «природа»). **Интерактивность.** Виртуальная реальность может взаимодействовать со всеми другими реальностями, в том числе и с порождающей, как онтологически независимая от них» [3].

Мир виртуального, в настоящий момент настолько проник в реальный, что порой человек и сам не замечает, как виртуальная реальность вплетается в его жизнь. Так, такие привычные слова как «фотография», «кино», «компьютерная игра» — являются яркими примерами виртуальной реальности.

Фотография и кино — два вида фиксирующих искусств, которые являются лишь проекцией нашей реальности. Зигфрид Кракауэр — американский философ, отмечал, что «кино становится собой, когда фиксирует и раскрывает физическую реальность [1]. Однако если раньше кино и фотография были проекцией мира «перед камерой», то сейчас благодаря развитию информационных технологий, появилась возможность создавать практически полностью «автономные» вселенные.

Если говорить о фотоискусстве, то создание новых миров стало возможным благодаря развитию различного рода графических редакторов (Adobe Photoshop, Adobe Lightroom). В графических программах при использовании различных манипуляций и эффектов (или использование дополнительных гаджетов — планшетов), можно создать полностью автономный виртуальный мир, любые явления природы, или даже магические силы. Человек, запечатленный на фотографии, может кардинально измениться: от изменений пропорций тела до кардинальной трансформации образа в целом (человек на фотографии при помощи фото манипуляций может стать магом, ангелом, демоном, да и в принципе кем угодно).

Фотография тем самым становится уже не просто застывшим «отпечатком» реальности, но и обретает дополнительный смысл, становится своего рода культурным знаком. Современные американские теоретики по философии, считают, что и фотография и кино не являются иконическими знаками, но по существу своему они есть знаки культурные, специально сконструированные для экрана.

Современное кино, также как и фотография активно использует компьютерные технологии для расширения своих возможностей. Сейчас сложно представить какой-либо фильм без надлежащих спецэффектов или компьютерной графики. Само использование компьютерной графики стало своего рода символом эталона и качества. Вся современная киноиндустрия направлена на то, чтобы привлечь в полном объеме компьютерные технологии. Так, редко какой фильм сейчас выпускается в 2-D графике, все чаще используется 3-D, да и современный человек настолько привык к компьютерной графике, что будь у него выбор, он непременно бы выбрал фильм со спецэффектами или компьютерной графикой. Как мы уже отмечали, что само использование данного вида технологий является символом

хорошего качества, современности и «тренда». Так, мировой гигант киноиндустрии — студия «Дисней» — в настоящий момент полностью перешел от производства рисованных мультфильмов, к производству компьютерных, объяснив этот переход тем, что производство компьютерных мультфильмов занимает меньше времени и привлекает больше потенциальных клиентов. Другим примером может стать само создание современных фильмов, в которых зачастую даже отсутствуют декорации или даже (!) локации для съемок. Все это замещает студийное помещение с циклограмой (зеленым фоном), на который в последующем, при обработке видео будет добавлен весь необходимый фон. Так, при съемках фильма «Хоббит» режиссёр использовал как раз подобную методику, что позволило ему избежать съемок на «живой» локации. Все горы, леса и реки являются полностью компьютерными. Они являются особыми знаками именно этой виртуальной действительности. Зачем же режиссер решил поступить таким образом? Мир, описанный в произведении Толкина, конечно имеет сходство с окружающей нас действительностью, однако его флора и фауна уникальна, поэтому П. Джексон (режиссер) решил перенести картинку из «своей головы» и мира Толкина в мир компьютерный, в котором реализовать свои идеи и задумки намного проще. Более того, использование компьютерных технологий экономически выгоднее, и позволяет всей съемочной команде постоянно находиться в одном месте, не теряя времени на перемещения.

Современная киноиндустрия направлена, таким образом, на то, чтобы сделать человека не сторонним наблюдателем, а полноценным участником событий. «Погружение» в виртуальную реальность (кино и компьютерные игры) наполненную знаками и различными смыслами стало возможным при использовании специальных гаджетов: очков, шлема, перчаток и др. Сражения и поиск сокровищ теперь не просто сцены в кино, а человек — не только лишь наблюдает, как главные герои воюют или путешествуют, а он является непосредственным участником этих событий.

Таким образом, можно сделать вывод, что киноискусство и фотография являются формами виртуальной реальности, которые обладают особой предметностью и бытийностью. Фотография и кино позволяют человеку ощутить себя частью моделируемого мира, прикоснуться к нему, и зачастую реализовать в нем свои мечты и фантазии.

Список литературы:

1. Кракауэр Э. Природа фильма. Реабилитация физической реальности. М.: Искусство. 1974. — С. 9.
2. Маньковская Н.Б. Виртуалистика: художественно-эстетический аспект. Виртуалистика: экзистенциальные и эпистемологические аспекты. М., 2004. — С. 328—341.
3. Носов Н.А. Манифест виртуалистики. М.: Путь, 2001. — 17 с.
4. Шаев Ю.М. «Натурализация» знака и тенденции в современной философии. Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. — 2013. — № 4. — С. 300—304.

ОБЪЕКТИВНОЕ И СУБЪЕКТИВНОЕ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Тукаева Роза Абдулхаевна

*ассистент кафедры философии и истории науки
Башкирский государственный университет
РФ, Республика Башкортостан, г. Уфа
E-mail: tukaeva.rza@rambler.ru*

OBJECTIVE AND SUBJECTIVE IN VISUAL REALITY

Roza Tukayeva

*assistant of Department of Philosophy and History of Science,
Bashkir State University,
Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa*

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается проблема существования произведения искусства, выявляется соотношение в нём объективного и субъективного, выясняется к какой из реальностей, объективной или субъективной, принадлежит изобразительная реальность. Рассматривается субъективное отношение к произведениям искусства автора и реципиента, сознательные и неосознанные моменты в процессе творчества и восприятия.

ABSTRACT

This article considers the problem of piece of art existence; correlation of objective and subjective in piece of art is revealed; belonging of visual reality to either objective or subjective reality is clarified. Subjective attitude towards pieces of art of author and recipient are considered as well as conscious and unconscious moments in the process of creativity and perception.

Ключевые слова: художественное произведение; изобразительная реальность; субъективная реальность; объективная реальность; творчество; сознание; бессознательное.

Keywords: work of fiction; visual reality; subjective reality; objective reality; creativity; consciousness; unconscious.

Исходя из того, что категория «бытия» является исходной категорией в философском понимании мира, и все предметы окружающего мира, мысли, чувства, психические состояния находятся в бытии, или существуют, считаем необходимым рассмотреть произведение изобразительного искусства как составляющую бытия и выявить особенности его существования. По способу существования бытие делится на две реальности: материальный мир — объективную реальность и внутренний мир человека, мир сознания — субъективную реальность. Наша задача — выяснить к какой из этих реальностей можно отнести реальность изобразительную и выявить соотношение объективного и субъективного в произведении искусства.

Относительно понимания сущности произведения искусства исторически сложилось немало концепций. Не углубляясь в историю, приведём лишь некоторые, показательные, на наш взгляд, высказывания. Так один из историков, художественный критик, теоретик модернизма Рене Юиг писал: «Живопись не есть большое зеркало, общее для всех, отражающее внешний мир, присущий самому художнику; задача состоит в том, чтобы сделать из живописи объект. Создать произведение — это значит создать новую реальность, которая не тождественна ни с природой, ни с художником и которая прибавляет к обоим то, чем каждый из них обязан другому. Создать произведение — это значит прибавить к репертуару известных предметов некую непредвиденную вещь, которая не имеет никакого другого назначения, кроме эстетического, и никаких других законов, кроме законов пластики» [цит. по кн. 4, с. 172]. Близких взглядов придерживается и современный российский философ Н.И. Киященко.

По его мнению, зародившееся в глубокой древности искусство — это «не какая-нибудь конкретика, а нечто в реальности не существующее, воображенное, образное, иллюзорная форма квазибытия» [2, с. 138]. Однако в этом квазибытии есть нечто, что можно рассматривать как бытие, это материал, свой для каждого вида искусства: слова, цвет и свет, звук и т. п. За художественной реальностью «на самом деле крылось небытие, хотя любой художественный замысел обязательно материализуется в таких материалах, которые человек осваивает в процессе своего художественного развития» [2, с. 138].

Действительно, в живописи объективно существует холст, натянутый на подрамник и покрытый красками(то есть веществом определенного химического состава), кисти, палитра, и непосредственно сам объект — это может быть природа, любой предмет материального мира. Соответственно холст и краски служат «как бы фильтром для падающего на него светового потока. При этом часть светового потока поглощается веществом, и только часть отражается. Спектр отраженного излучения зависит и от природы вещества, и от характера излучения» [3]. Но цвет — то, что является главным изобразительно-выразительным средством живописи, — возникает лишь как субъективное ощущение в сознании воспринимающего этот объект человека. Выразительные особенности цвета, света наполняют зрителя эмоциями, одухотворенностью. Холодные и теплые цвета, веселые и мрачные обладают соответствующими свойствами. Выразительное значение цвета осознается и используется в искусстве. Таким образом, цвета могут вызывать как приятные ощущения, так и неприятные.

Перед художником стоит задача — на двухмерной плоскости (лист бумаги, холст, картон) передать объемный трехмерный мир. Так же в его задачу входит создание нового художественного образа. При этом очень важно, какие материальные средства использует художник, так как именно от их качества будет зависеть степень выразительности картины и её сохранность. К примеру, картина, написанная на картоне или бумаге в сравнении с написанной на холсте более подвержена разрушительному воздействию времени, а степень выцветания картины зависит от использованного красителя. Все эти факторы говорят о том, что произведение изобразительного искусства является частью материального, объективного мира, или объективной реальности. Однако за внешней объективно-материальной стороной произведения всегда стоит особая субъективная реальность, возможно даже более значимая, чем объективная.

Итак, созданная художником картина — материальный предмет, существующий объективно, но в нём одном может быть заложено множество смыслов или субъективных значений. Художник в произведении реализует свои ассоциативные представления. З. Фрейд, рассматривая роль искусства в психике художника, зрителя или читателя, приходит к выводу, что искусство является свидетельством бессознательных конфликтов художника. Для Фрейда искусство — это подлежащий расшифровке символ некоего состояния психики, прежде всего проявление бессознательного, которое нужно осознать. С точки зрения Фрейда, к искусству его создателя побуждают глубокие бессознательные переживания, а эффект художественного произведения связан с освобождением зрителя или читателя от аналогичного душевного напряжения. Но художник не просто выражает своё бессознательное, так можно даже оттолкнуть зрителя. Свои бессознательные влечения он в процессе творчества смягчает, маскирует с помощью средств, вызывающих эстетические удовольствия, то есть художественной формы, техники и т. п. «Такое наслаждение, предложенное нам, такую предлагаемую нам привлекательность, делающую возможным рождение вместе с ней большего удовольствия из глубоко залегающих психических источников, можно назвать заманивающей премией или предварительным удовольствием. По моему мнению, все эстетическое удовольствие, доставляемое нам художником, носит характер такого предварительного удовольствия, а подлинное наслаждение от художественного произведения возникает из снятия напряженностей в нашей душе» [6, с. 12—13]. Таким образом, эстетическое удовольствие — это лишь внешнее «предварительное» удовольствие, можно даже сказать, некая верхушка айсберга, а истинное наслаждение скрыто гораздо глубже. Истинное наслаждение и для художника, и для зрителя состоит в снятии душевного напряжения, решении своих каких-то внутренних проблем, часто не осознаваемых им самим.

Некоторое сходство с идеями Фрейда относительно творчества есть у Н.А. Бердяева, хотя есть и заметные различия. «...Творческое горение, Эрос божественного, побеждает похоть и злые страсти. Сублимация и преображение страстей означает освобождение страсти от похоти и утверждение в ней свободной творческой стихии» [1, с. 508]. Н.А. Бердяев также связывает творческую деятельность с сублимацией и преображением страстей, но вместе с тем, по его мнению, творчество близко к деятельности божественной, освящается Богом. «Творец забывает о себе и заинтересован прежде

всего в самом акте и в результатах своего творчества. Творящий всегда бескорыстен: он любит свое творение, как Бог любит мир. Творящий больше не скован религиозным страхом, он раскрывает в себе божественную энергию. Человеческая творческая сила освящается в нем божественным вдохновением» [1, с. 508]. Иначе говоря, искусство, художественное творчество способно преобразовать жизнь, причём преобразование это, через создание нового, так или иначе, воплощает вечное.

Творчество художника имеет как объективную, так и субъективную сторону. С одной стороны, творчество — это порождение нового, постижение новых, неизвестных ещё связей между предметами и явлениями внешнего или внутреннего мира. С другой — материалом для создания и постижения нового «является накопленная и закрепившаяся в мозге информация, фонд следов памяти — энграмм. Энграммы оказываются в конечном счете «заготовкой впрок». Эти следы-энграммы формируются, закрепляются и хранятся ради использования в будущем» [5, с. 26]. Информация поступает в мозг, в первую очередь, из окружающего мира, то есть из объективной реальности. В индивидуальном сознании информация перерабатывается в соответствии с личностными особенностями психики и мировоззрения. Соответственно объективно существующие предметы и события окружающей действительности превращаются в субъективные представления, которые, в свою очередь, в определённый момент воплощаются в художественное произведение. Так создаётся изобразительная реальность, которую можно рассматривать как совокупность художественных образов. Эта реальность сконструирована, объективирована и существует благодаря деятельности человека, но обладает определенным соответствием внешнему миру, а также предполагает вариативность интерпретаций, так как каждый зритель, воспринимая произведение искусства, вкладывает в его смысл нечто своё. Этот индивидуальный смысл также зависит от энграмм, хранящихся в памяти реципиента, особенностей его психики и мировоззрения и даже от эмоционального состояния, в котором находится человек в данный конкретный момент времени.

Итак, изобразительная реальность — это реальность, которая совмещает в себе черты объективной — материальной реальности и субъективной — идеальной реальности. Изобразительная реальность, или существование произведения искусства, невозможна без материальных средств, при помощи которых художник реализует, воплощает в жизнь свои идеи и замыслы. Но и никакие материальные средства

никогда не станут произведением искусства, если в сознании автора не сложится образ его будущего творения. Создавая изобразительную реальность, художник может решать какие-либо свои проблемы, азритель, воспринимая произведение искусства, соответственно, свои (по Фрейдю — снятие душевного напряжения). Каждый видит в картинах что-то свое — особенное и субъективное. Иначе говоря, изобразительная реальность, неся в себе идеи, заложенные её создателем, всякий раз раскрывается по-новому при её индивидуальном «прочтении» новым зрителем. Таким образом, субъективная и объективная составляющие в произведении искусства взаимно дополняют друг друга, а само художественное произведение, несомненно, есть результат взаимодействия авторского субъективизма в реализации своих творческих замыслов (в том числе и при подборе материальных средств) и зрительского субъективизма при восприятии конкретного произведения.

Список литературы:

1. Бердяев Н.А.: *pro et contra*. Кн. 1 / Сост., вступ. ст. и прим. А.А. Ермичева. СПб.: РХГИ, 1994. — 573 с.
2. Киященко Н.И. Эстетика — философская наука. М.: Издательский дом «Вильямс», 2005. — 592 с.
3. Малышев И. Эстетика. Электронный ресурс. // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.proza.ru/2010/03/09/1042>(дата обращения: 15.08.2014).
4. Овсянников М.Ф. Эстетика и жизнь. [Сборник статей]. Вып. 4. Ред. Коллегия М.Ф. Овсянников и др. М.: «Искусство», 1975. — 288 с.
5. Панов М.И. Интуиция, логика, творчество. М.: «Наука», 1987. — 176 с.
6. Фрейд З. Художник и фантазирование: Пер. с нем./ Под ред. Р.Ф. Додельцева, К.М. Долгова. М.: Республика, 1995. — 400 с.:ил.

ПРОБЛЕМА ФИЛОСОФСКОГО ЯЗЫКА (ТРАНСГРЕССИЯ И ТРАНСЦЕНДЕНЦИЯ В ФИЛОСОФСКОМ ВЫСКАЗЫВАНИИ)

Фаритов Вячеслав Тависович

канд. филос. наук, доцент

Ульяновского государственного технического университета,

РФ, г. Ульяновск

E-mail: vfur@mail.ru

THE PROBLEM OF THE PHILOSOPHICAL LANGUAGE (TRANSGRESSION AND TRANSCENDENCE IN A PHILOSOPHICAL STATEMENT)

Vyacheslav Faritov

candidate of Science, assistant professor

of Ulyanovsk State Technical University,

Russia, Ulyanovsk

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена онтологическим проблемам специфики философского языка. Философские высказывания конституируются с помощью перевода языковых единиц в план трансценденции или трансгрессии. В первом случае слово отсылает не к спектру означаемых, детерминированных тем или иным конкретным дискурсом, но к метадискурсивному пространству трансценденции, превосходящему любой отдельный дискурс. Во втором случае слово утрачивает связь с определенным означаемым и переходит в режим бытийно-смысловой неопределенности, характеризующийся блужданием по различным потенциальным траекториям актуализации смысла.

ABSTRACT

The article deals with the ontological problem of specific of philosophical language from the. The philosophical utterances constituted by transfer of linguistic units in the plan or transcendence transgression. In the first case, the word refers not to the spectrum means determined by a given discourse, but to the metadiscursive space transcendence, transcending any particular discourse. In the second case, the word is no longer linked to a specific signifier and enters existentially-

semantic uncertainty characterized walks on various potential trajectories actualization sense.

Ключевые слова: трангрессия; трансценденция; дискурс; бытийно-смысловая определенность; фиксация смысла; горизонт философствования.

Keywords: transgression; transcendence; discourse; existentially-sense certainty; the fixation point; the horizon of philosophy.

Основная задача предлагаемой статьи состоит в постановке проблемы философского языка и предложении варианта ее разрешения в свете некоторых концептуальных разработок современной неклассической философской мысли. Язык непосредственно связан с таким феноменом, как дискурс: с одной стороны, его специфические особенности детерминированы структурами того или иного дискурса, с другой стороны — язык определенным образом выражает, осуществляет структуры данного дискурса. Единый и универсальный язык представляет собой только инвариантную схему, сконституированную лингвистикой. Однако такая схема не является фактом языкового существования. Напротив, бытие языка разворачивается в дискурсах, каждый из которых выстраивает собственную языковую модель, характеризующуюся многочисленными отклонениями от инвариантной лингвистической модели. Применительно к философии в данной статье ставится следующий вопрос: возможно ли выделение собственно философского языка и, соответственно, философского дискурса? В качестве материала для рассмотрения данного вопроса мы возьмем проблему языка философии Ницше.

Артур Данто обращает внимание на афористичность ницшевского языка, которая нередко порождает двусмысленность в понимании того, что собственно хотел сказать мыслитель: «Стиль его письма и философствования отчасти заключался в том, чтобы расширить, а затем внезапно ограничить значение слова, хотя, похоже, он не всегда делал это сознательно и временами был столь же подвержен магии текста, как и его озадаченные читатели. Насильственное перемешивание тончайших лингвистических несовместимостей порождало прозу, которая в своих лучших проявлениях была искрящейся и взрывоопасной и в то же время служила средством освобождения человеческого сознания» [1, с. 14].

Первый вопрос, который следует здесь поставить, состоит в следующем: что означает «слово, имеющее ограниченное употребление», и какое «значительно более широкое значение» мог

придать этому слову Ницше? Любое слово имеет ограниченное употребление, и ограничено оно дискурсом, который определяет спектр возможных смысловых коннотаций данного слова. В случае с текстами Ницше в качестве таких слов нередко выступают биологические, социологические и психологические термины, значение которых изначально ограничено соответствующими дискурсами.

Как теперь можно «неимоверно расширить объем» данных дискурсивных единиц? Разумеется, одно и то же слово может быть компонентом разных дискурсов. Но в этом случае оно является одним и тем же только с формальной, лингвистической точки зрения. С онтологической точки зрения здесь имеют место принципиально различные слова как единицы различных дискурсов. Поэтому помещение одного слова в пространство сразу нескольких дискурсов не приводит к его «расширению», а только осуществляет конституирование других дискурсивных единиц, других слов. Так, например, слово «жизнь» совсем не одно и то же в рамках биологического научного дискурса, дискурса гуманитарных наук и дискурса повседневности. В дискурсе повседневности это слово характеризуется достаточно расплывчатой определенностью и многозначностью, в дискурсе биологических наук — имеет более четкое определение, частично устраняющее многозначность (во всяком случае, стремящееся к этому), в дискурсе гуманитарных наук оно приобретает многозначность иного рода, тяготеющую к метафизическим коннотациям.

Возможны два пути «неимоверного» расширения объема слова, приводящего к концептуальной перегруженности контекста. Первый — метадискурсивный трансценденталистский путь. Здесь слово приобретает значение метафизического термина, отсылающего к трансцендентальному означаемому, которое с точки зрения предметно ориентированного мышления является отсутствием, ничто. Никогда не достигаемая, недостижимая в принципе субстанция, — вот, что полагается в качестве означаемого метафизического термина. Но поскольку сама эта субстанция всегда отсутствует, никогда не выражается прямо и непосредственно, но лишь косвенно и опосредованно, то метафизический термин становится знаком отсутствия — отсутствующее выступает его означаемым и референтом. Р. Карнап обозначил подобные слова термином «псевдопонятие», подчеркивая тем самым, что слово, с одной стороны, не обладает значением, а с другой стороны, претендует на такое обладание, симулирует значимость [3]. Мы будем называть слово этого типа трансценденталистским псевдословом. Чтобы слово стало знаком трансцендентного, т. е. знаком отсутствующего, от него должна остаться только пустая

оболочка, а его обычное значение должно быть изъято как отсылающее к дискурсивной реальности. Так, термин «субстанция» в химии отсылает к вполне определенному классу объектов, в то время как в метафизическом ракурсе этот термин употребляется лишь как метафора, замещающая отсутствие референта. Что такое субстанция? Нечто высшее и первоначальное, являющееся причиной самого себя и т. п. Однако слова «высшее» и «первоначальное» здесь только метафоры, как, впрочем, и слово «нечто» — предложение состоит из одних метафор.

Второй путь предполагает перевод слова в трансгрессивный режим: в этом случае оно становится знаком ускользающего и перетекающего в иное состояния. Репрезентативная модель языка предполагает наличие устойчивых и фиксированных явлений и состояний, каковые поддаются выражению посредством лингвистических знаков. Но всякий раз, когда мы пытаемся выразить посредством слова то, что не поддается приведению к идентичности, а именно, трансгрессивный режим существования, происходит подобное «неимоверное расширение» его объема, которое приводит к самоуничтожению этого слова как единицы дискурса и рождению *блуждающего слова*. Смысловая соотнесенность с пространством того или иного дискурса в таком слове полностью исчезает, но внешняя оболочка дискурсивной единицы сохраняется и в этом случае. Это приводит к выходу слова из репрезентативного означающего режима: оно больше не может рассматриваться как знак, отсылающий к идентичному с самим собой означаемому. Означаемое рассеивается среди множества возможных путей, по которым оно блуждает в любых направлениях, переходя от одного к другому без какой-либо поддающейся определению системы. Такое блуждающее означаемое перестает быть доступным выражению, вследствие чего, в конце концов, перестает существовать в качестве означаемого.

Блуждающее слово возвращается в контекст дискурса в качестве вируса, который «разъедает» дискурсивную сеть и задает горизонт нивелирования дискурсивных структур. Так одновременно возникают *философский псевдодискурс*. В случае с Ницше именно это и приводит к рождению прозы, которую Данто называет искрящейся и взрывоопасной, которая служит «средством освобождения человеческого сознания». Сознание здесь освобождается от власти заданных теми или иными дискурсами траекторий смыслообразования, получает возможность смещать и перемещать перспективы.

Слово, по выражению П. Клоссовски, ставшее «схватыванием убегающего бытия» [4, с. 84], и есть в нашем понимании блуждающее

слово. Так же можно сослаться на предложенное Делезом и Гваттари-понятии «концепта» [2].

Таким образом, употребляемые в философии языковые единицы отсылают либо к горизонту трансценденции (трансценденталистское псевдослово), либо к горизонту трансгрессии (трансгрессивное блуждающее слово). Оба этих горизонта превосходят любые дискурсы: как *онтологический горизонт* трансценденция метадискурсивна, трансгрессия — антидискурсивна. В первом случае дискурсы превосходятся в направлении, претендующем на охват сразу всех дискурсов в метафизической тотальности (отсюда — метадискурсивность). Во втором случае замкнутость дискурсов ниспровергается трансгрессивным движением, нарушающим границы дискурсивных формаций (отсюда — антидискурсивность).

Поскольку ни один дискурс не перекрывает всех спектров возможных актуализаций бытийно-смысловой определенности, в основе любого дискурсивного пространства всегда остается нечто, нетождественное структурам именно *этого* пространства. Именно на этот элемент неразрешимости и направлена философская рефлексия. И по этой причине сама философия не может быть дискурсом. Но, с другой стороны, философия также не может обойтись без дискурса, поскольку именно дискурс является той точкой отсчета, исходя из которой философия разворачивает движение трансценденции или трансгрессии. Путь философии — это путь *нейтрализации*, осуществляемой в отношении того или иного дискурса. Благодаря этой дискурсивной нейтрализации философ и получает возможность выйти к другим возможностям актуализации бытийно-смысловой определенности и удерживать такую возможность открытой. Такой нейтрализованный (но не уничтоженный) дискурс, дискурс, ставший открытым, мы предлагаем определять как *псевдодискурс*. Философия и представляет собой такой псевдодискурс.

Обобщая сказанное можно сделать вывод, что собственный специфический язык есть только в пространстве того или иного дискурса. Но философия не является дискурсом. Первый уровень философского псевдодискурса должен иметь языковое оформление для дальнейшей нейтрализации дискурсивных структур. Как правило, это языковое оформление конституируется из единиц того дискурса, который подвергается философской рефлексии. Соответственно, первый уровень философии может быть представлен языком различных научных дисциплин (от математики и физики, до биологии, социологии, психологии и лингвистики), языком логики, богословия,

мистики и эзотерики. Но в пространстве философского псевдодискурса все эти языки за счет образования псевдослов или блуждающих слов подводятся к горизонту собственного исчезновения и нивелирования. Дискурсивные единицы утрачивают сущностную связь с пространством конституировавшего их дискурса. Язык, образующий первый уровень философии, существует только для того, чтобы проходили *сквозь*, *через* него, а не останавливались на нем. Любая попытка поставить во главу угла язык, то, что *сказано*, ведет либо к абсолютизации первого уровня, либо к бесплодной критике, выявляющей всевозможные противоречия и несогласованности на первом уровне. Но противоречия в философии неизбежны и не-обходимы, поскольку, как отмечает Ясперс, философия «хочет в конечных формах высказать бесконечное» [5, с. 202]. Выявление таких противоречий ничего не прибавляет и не убавляет в философии, поскольку ее суть — в движении нейтрализации дискурсивной определенности. Так, в свое время Аристотель выявил целый список противоречий в учении Платона, однако здание платоновской философии от этого не только не разрушилось, но и не пошатнулось. Критика философских концепций имеет смысл только в том случае, если она направлена против абсолютизации первого уровня философского псевдодискурса.

Язык в философии значим лишь постольку, поскольку он отсылает за пределы могущего быть высказанным в тех или иных дискурсах, размывает устанавливаемую дискурсами определенность. Философия показывает, что высказанное в своей определенности не есть то, что оно есть, или, что оно могло бы быть и иным и содержит в себе потенции этого иного как не менее значимые по сравнению с актуальным состоянием. Этим объясняется обилие метафор в философских текстах. Строго говоря, любое слово, в том числе и научные термины, попадая в сферу философского псевдодискурса, становятся метафорами. Поэтому, например, перегруженный специальными терминами язык «Бытия и времени» ничуть не более философичен, чем образный, полу мистический, полу поэтический язык позднего Хайдеггера. Всякий язык в философии должен быть превзойден, должен быть подведен к границам собственного исчезновения. В этом смысле философия обнаруживает свое родство с искусством, особенно с поэзией.

Поэзия подвергает дискурсивный язык еще более радикальной нейтрализации, чем философия. Если в философии дискурсивные единицы определенным образом фиксируются хотя бы на первом уровне псевдодискурса, ввиду их дальнейшей нейтрализации,

то в поэзии отсутствует и этот первый уровень. Любое слово, попадая в зону притяжения поэтического бытия, моментально перестает существовать в качестве единицы дискурса. Оно сразу же взрывается расходящимися в разные стороны векторами возможного смысла, ломающими любую определенность (так, при расщеплении атома высвобождается огромное количество энергии).

В этом плане Р. Карнап прав, сближая философию с поэзией и музыкой, отчасти прав он и в определении философии в качестве неадекватного заместителя искусства, в котором «имитируется теоретическое содержание, хотя... таковое отсутствует» [3, с. 25]. Однако мы не согласны с его характеристикой направленности искусства и философии на «выражение чувства жизни». Искусство и философия выходят из зоны действия репрезентативной модели, они раскрывают другой — нерепрезентативный — режим бытия.

Список литературы:

1. Данто А. Ницше как философ. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2001. — 280 с.
2. Делез Ж. Что такое философия? М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. — 288 с.
3. Карнап Р. Преодоление метафизики // Вестник МГУ, сер. 7 «Философия», — № 6, — 1993. — С. 11—26.
4. Клоссовски П. Симулякры Жоржа Батая // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль XX века. СПб: Мифрил, 1994. — С. 79—91.
5. Ясперс К. Всемирная история философии. СПб.: Наука, 2000. — 272 с.

3.4. ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СВЕТЕ ГУМАНИЗАЦИИ ПЕДПРОЦЕССА В МЕДИЦИНСКОМ ВУЗЕ

Иващенко Анна Петровна

*ассистент кафедры истории и философии
Ростовского государственного медицинского университета,
РФ, г. Ростов-на-Дону
E-mail: an.ivaschencko@yandex.ru*

Шаповал Галина Николаевна

*канд. филос. наук, доцент кафедры истории и философии
Ростовского государственного медицинского университета,
РФ, г. Ростов-на-Дону
E-mail: sgalinka@rambler.ru*

THE PROBLEM OF ETHNIC IDENTITY IN THE CONTEXT OF MEDICAL HIGHER EDUCATIONAL PROCESS HUMANIZATION

Ivashchenko Anna

*assistant of history and philosophy department
of Rostov-on-Don State Medical University,
Russia, Rostov-on-Don*

Shapoval Galina

*candidate of Science,
associate professor of history and philosophy department
of Rostov-on-Don State Medical University,
Russia, Rostov-on-Don*

АННОТАЦИЯ

Автор рассматривает особенности процесса формирования идентичности при обучении студентов-медиков. Особое внимание уделяется такому аспекту, как взаимосвязь профессиональной

и этнической идентичности будущего врача. Автор приходит к выводу о том, что включение студентов-медиков в различные виды общественно значимой деятельности в процессе межличностного общения студента и преподавателя существенно расширяет сферу социального общения, возможности усвоения социальных ценностей и формирования нравственных качеств личности будущих врачей.

ABSTRACT

The author considers peculiarities of ethnic identity formation in the process of medical students' education. A special attention is given to such an aspect as interconnection of professional and ethnic identity of a future doctor. The author concludes that participation of medical students in different kinds of social activity in the process of interpersonal communication of a student and a teacher greatly enlarges the sphere of social communication, possibilities of social values assimilation and future doctors' moral qualities formation.

Ключевые слова: этническая идентичность; личность; общение; волонтерство; компетентностный подход; гуманизация; гуманитаризация.

Keywords: ethnic identity; personality; communication; volunteering; competence building approach; humanization; humanitarization.

Одной из стабильных тенденций в современном российском обществе является актуализация социально-культурной проблематики в сфере медицины. Современное общество диктует новые требования к личности, в которой должны гармонично сочетаться: высокая квалификация, виртуозное владение техникой, должный уровень компетентности в своей специальности в сочетании с социальной ответственностью и нравственными общечеловеческими ценностями [6, с. 132].

Внедрение Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) оказало существенное влияние на образовательный процесс в целом — изменились требования к результатам освоения основных образовательных программ (ООП) в логике компетентностного подхода, увеличилась доля самостоятельной работы студентов, изменилась роль преподавателя — от позиции транслятора знаний к позиции тьютора. Главной же целью развития системы медицинского образования в свете введения нового образовательного стандарта является формирование специалиста, готового к самостоятельной врачебной практике в условиях современного уровня материально-

технической оснащенности здравоохранения [15, с. 217]. Ориентиром гуманизации педпроцесса медицинского вуза должно стать формирование врачебного менталитета [2] посредством повышения уровня правосознания [4] и гражданской активности [13] студентов-медиков. Это представляется возможным во многом благодаря имеющимся духовным скрепам [1] и использованию, в том числе, регионального компонента [5] в преподавании учебных дисциплин. Базисным критерием оценки качества медицинского образования выступает в данном случае профессиональная компетентность как «интегральная характеристика специалиста, которая определяет его способность решать профессиональные проблемы и типичные профессиональные задачи, возникающие в реальных ситуациях профессиональной деятельности с использованием знаний и жизненного опыта, ценностей и наклонностей» [14, с. 202].

Гуманитаризация высшего медицинского образования ставит своей целью формирование нравственно и духовно развитого человека — будущего специалиста, вне зависимости от его национальной и культурной принадлежности, готового и способного гармонично сочетать образованность, профессионализм, духовность, нравственную воспитанность; это процесс, направленный на усвоение личностью гуманитарного знания, гуманитарной культуры, гуманитарного потенциала медицины. Таким образом, задача гуманитарного знания в свете обучения студентов — сформировать у будущего врача осознанную потребность в нравственном совершенствовании, укрепить его веру в возможность использования гуманитарных знаний во благо человека, убедить его в существовании четких критериев зла и добра, что особенно важно для представителей различных культур и конфессий. Иначе неизбежно возникает опасность искажения идеалов, традиционно принятых в медицине, когда принцип «все для блага пациента» подменяется принципом «пациент для блага медицины и конкретного врача». Именно поэтому реалии современной жизни настоятельно диктуют необходимость обращения к проблемам гуманности, нравственности.

В процессе обучения в вузе студент находится в интенсивном процессе личностной идентификации. Немаловажной частью этого процесса является и складывающаяся профессиональная идентичность. Мы считаем, что успешность будущей профессиональной деятельности напрямую и во многом зависит от этого процесса, его интенсивности, вектора, а, следовательно, на педагога вуза ложится дополнительная ответственность, связанная с его влиянием на формирование профессиональной идентичности. Причем, согласно последним

исследованиям на вопрос о том, что студенты больше всего ценят в учебе, при опросе более 20 % из них отвечают: сам процесс обучения и подход к преподаванию, а 45 % отмечают что поддержка, признание со стороны преподавателей являются наиболее значимым из «ресурсов», предоставляемых средой обучения [12].

Одним из актуальнейших на сегодня вопросов, в обозначенном нами проблемном поле, является взаимосвязь профессиональной и этнической идентичности современного врача. Значительной частью этой проблемы является существование этнического компонента во взаимоотношениях врач-пациент. Безусловно, степень наличия этнического содержания в этом взаимодействии напрямую зависит от специализации врача, и глубины их культурно-личностного общения. Так для взаимодействия психотерапевт-пациент, этническая идентичность зачастую имеет решающее значение. Эффективность психотерапии зависит от совпадения этнической идентичности психотерапевта и пациента, их способности понять и принять наличие национальных, культурных, этнических различий, обусловленных, в том числе, и языком психотерапии [7, с. 116]. Однако не будем забывать, что медицина как область профессиональной деятельности невозможна без межличностного общения в любой из своих сфер. Так, согласно статье 17 Кодекса профессиональной этики врача Российской Федерации деятельность врача имеет личный и социальный характер; каждый врач ответственен за свои решения и действия [10].

Мы выделяем вторую составляющую сторону этой проблемы, возвращаясь к процессу формирования профессиональной идентичности врача, этническая проблематика во взаимоотношениях педагог-студент медицинского вуза. Тем более существенное значение влияние педагога приобретает сегодня, в рамках современной социокультурной ситуации, которую чаще всего определяют через понятие «кризис». Кризисные явления обнаруживаются в современной культуре, теоретическом мышлении, массовом и индивидуальном сознании, т. е. кризисные явления наблюдаются во всех сферах существования человека, что в свою очередь порождает, такой феномен который сегодня называют «кризис идентичности» [9, с. 222]. В подобных условиях, без какого-либо авторитетного руководителя, без определенных стандартов современный человек тяжело интегрируется в общественные и профессиональные отношения [8, с. 20].

Безусловно, внеклассные мероприятия, организованные преподавателем как носителем культуры, ретранслятором знаний, такие, как, например, волонтерское движение, являются одним из значимых направлений духовно-нравственного воспитания будущих

медицинских работников, так как проведение благотворительных акций, уход за тяжелобольными детьми, забота о ветеранах Великой Отечественной войны и труда, участие в компаниях по сдаче донорской крови учит милосердию, способности сопереживать чужую боль, способствует обучению молодых людей новым формам поведения, воспитывает личность, устойчивую к стрессам, способную самостоятельно и эффективно строить свою жизнь [11, с. 103]. Знакомство студентов-медиков с историей нашей страны, с русской религиозной философией и приобщение их к морально-нравственному наследию отечественной медицины также будет способствовать формированию мировоззрения студентов, их нравственному воспитанию и развитию национального самосознания, самоидентификации и самодетерминации личности, что, в конечном счете, приведет к трансформации нравственного сознания в нравственное отношение, а затем в конкретные дела на благо Родины [6, с. 131]. Эти знания, умения и навыки выпускнику медицинского вуза пригодятся при трудоустройстве, поскольку социально-практическая компетентность врача, его нравственная и этически-правовая зрелость — важнейшие факторы качества оказываемой медицинской помощи [3, с. 84—85].

Список литературы:

1. Агеева Н.А. Духовные скрепы общества как главный ориентир гуманизации высшего образования//Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. — 2013. — № 31. — с. 57—61.
2. Агеева Н.А. Менталитет врача в контексте гуманизации высшего образования//Universum: Медицина и фармакология. — 2014. — № 4 (5).— с. 5.
3. Агеева Н.А. Профессиональная культура как нравственный императив деятельности врача // Гуманитарные и социальные науки. — 2013. — № 6. — С. 77—86.
4. Агеева Н.А. Психолого-педагогические аспекты правового сознания личности//Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. — 2013. — № 30. — с. 79—83.
5. Агеева Н.А. Региональный компонент образования как эффективное средство социализации личности студентов российских вузов//Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. — 2014. — № 38. — с. 37—42.
6. Агеева Н.А. Этический аспект проблемы взаимоотношения врача и пациента // Гуманитарные и социальные науки. — 2012. — № 5. — С. 131—139.

7. Гатупов Р.Р. Русскоязычная психотерапия. Этническая идентичность психотерапевта и пациента//журнал «Психотерапия» — 2010 г. — № 10 — (94), — с. 116—122.
8. Иващенко А.П. Духовный кризис и этническая идентичность // Социальные и гуманитарные науки: теоретические и прикладные исследования. Сборник научных статей. Ростов-н/Д., 2013. — с. 19—22.
9. Иващенко А.П. Значение этнической идентичности в современных социокультурных условиях //Актуальные вопросы современной науки. — 2013. — № 26. — С. 213—222.
10. Кодекс профессиональной этики врача Российской Федерации.//Первый национальный съезд врачей Российской Федерации /г. Москва, 5 октября 2012, [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.nacmedpalata.ru/?action=show&id=11268>
11. Крамская С.В. Роль воспитательного потенциала преподаваемых учебных дисциплин в педпроцессе медицинского вуза // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. № 40: сборник статей по материалам XI международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2014. — С. 99—103.
12. Сухова Е.Н. Трансформация социопрофессиональной идентичности в медицине, Нижний Новгород, 2013. — 178 с.[Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://discollection.ru/article/25052013_122512_suhova
13. Шаповал Г.Н. Воспитание гражданских качеств в ходе становления гражданско-правовой активности студентов-медиков. //Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. — 2014. — № 40. — с. 53—58.
14. Шаповал Г.Н. О понятии «профессиональная компетентность» в современной педагогической науке// Успехи современного естествознания. — 2011. — № 8. — С. 201—202.
15. Шаповал Г.Н., Камалова О.Н. Оптимизация обучения иностранных студентов медицинских вузов в условиях культурной адаптации в рамках ФГОС третьего поколения //Гуманитарные и социальные науки. — 2013. — № 4. — С. 216—226.

СЕКЦИЯ 4.

ИСТОРИЯ

4.1. ИСТОРИЯ РОССИИ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СЛУЖБЫ ПЕТРА НИКОЛАЕВИЧА ВРАНГЕЛЯ В ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КОННОМ ПОЛКУ

Болиевская Оксана Анатольевна

аспирант кафедры отечественной истории,

Южный Федеральный университет,

РФ, г. Ростов-на-Дону.

E-mail: ok.bolievskaya@yandex.ru

SOME ASPECTS OF PETER WRAGELL IN LEYB-GUARD MOUNTED REGIMENT

Bolievskaya Oksana

postgraduate student of the Native History Department

at the Southern Federal University,

Russia, Rostov-on-Don

АННОТАЦИЯ

Целью нашего исследования являлось рассмотрение начала военной карьеры П.Н. Врангеля впоследствии главнокомандующего Русской армией на завершающем этапе гражданской войны. Рассмотрению подвергались особенности подготовки офицерских кадров и необходимые этапы получения чинов. Результатом стали выводы о том, что начало военной карьеры П.Н. Врангеля было традиционным и успешным. Но импульсивный характер молодого барона способствовал увольнению в запас и освоению гражданской карьеры.

ABSTRACT

Object of scientific research was shown consideration begin military quarries of Peter Wrangell afterwards Commander-in-Chief Russian army on terminating stage of the civil war. Consideration was subjected to the training of personnel and necessary stages of the reception rank. The Result become conclusion about that begins military quarries of Peter Wrangell was traditional and successful. But impulsive nature of the young baron promoted transfer to the reserve and assimilation civil career.

Ключевые слова: Петр Врангель; Лейб-гвардии; конный полк; офицер; юнкер; чин; гвардия.

Keywords: Peter Wrangle; Leyb-guard Mounted regiment; officer; cadet; rank; Guards.

Фигура Петра Николаевича Врангеля — главнокомандующего Русской Армией на завершающем этапе гражданской войны — вызывает интерес в исторической науке. Исследователями достаточно подробно изучена биография периода гражданской войны и эмиграции, но дореволюционный этап жизни требует более детального рассмотрения. Одним из малоизученных моментов является служба в лейб-гвардии конном полку. Период службы важен с точки зрения становления личности барона с точки зрения исканий в профессиональной сфере деятельности.

П.Н. Врангель — потомственный дворянин петербургской губернии знатного старинного рода датского происхождения, начало которого датируется XI веком [3, с. 20]. Его знатность подтверждается шведскими королевскими грамотами 1653 и 1680 гг. Согласно их содержанию, три представителя Врангелей за особые заслуги получили баронский титул. Кроме того, род был записан в эстляндский матрикул в 1764 году [8, с. 19].

До начала военной карьеры П.Н. Врангель получил гражданское образование в Ростовском на Дону Петровском реальном училище и Горном институте имени Императрицы Екатерины II. После окончания последнего учебного заведения было решено начать военную карьеру.

В сентябре 1901 года барон П.Н. Врангель поступил в Лейб-гвардии конный полк рядовым на правах вольноопределяющегося 1-го разряда [5, л. 1]. Это звание было традиционным для обучающихся в военных училищах юнкеров [2, с. 153]. Разряд указывал на срок пребывания в полку на период обучения. Вольноопределяющиеся первого разряда, служили 1 год, второго разряда — 2 года [6, с. 10].

Зачисление было возможным только после сдачи вступительных испытаний. П.Н. Врангель был успешно экзаменован в строевой подготовке, а также прошел комплексную проверку чтения, письма и знания арифметики в объеме ротной школы [2, с. 155].

Целью обучения было получение унтер-офицерского чина. Возможны были два варианта. Первый предполагал службу в учебных командах [2, с. 155]. Второй — испытание в строевом образовании и экзамен по программам служебных предметов [2, с. 153].

П.Н. Врангель для получения чина выбрал первый вариант. Он обучался в полковой учебной команде в период от конца одного летнего сбора до начала другого [52, л. 1].

После перехода в режим сбора войск распорядок дня менялся. П.Н. Врангель вспоминал, что весной всех отправили в Красносельский лагерь [1, с. 310]. Пребывание в нем было насыщено событиями. Дни проходили в верховой езде и застольях. Столовая помещалась в большом деревянном доме, где кроме нее находились читальный зал с библиотекой, не пользовавшиеся популярностью в связи наличием в фондах одних журналов [1, с. 310].

Ежедневно проходили занятия верховой ездой. П.Н. Врангель писал: «... чуть свет мы уже были в седле и в час пополудни, смертельно уставшие, наспех перекусив, спали до обеда...» [1, с. 311].

По завершении обучения в учебной команде нужно было сдать экзамены [2, с. 153]. Согласно положению об аттестации генералов, штаб- и обер-офицеров и классов чин строевого состава армии определение служебных качеств офицеров армии основывалось на аттестациях, которые давали полную характеристику служебных, физических, умственных и нравственных качеств аттестуемого, как военнослужащего, занимающего определенное служебное положение [2, с. 141]. Испытание состояло из офицерского экзамена. Обязательным условием предоставления удостоверения об окончании полного курса было соблюдение хорошего поведения и знания строевой службы как до, так и после окончания обучения [7].

Согласно обязательным требованиям к получению чина П.Н. Врангель в апреле и в мае месяцах 1902 года прошел установленные законом экзамены, состоящие из военных предметов учебного курса Военных училищ, а также и практических занятий по ним, и получил оценку в общей сумме 108 баллов, средний балл — 9,82 [4, с. 59]. Это давало ему право на производство в офицеры, так как подготовку П.Н. Врангеля признали удовлетворяющую условиям. Данное положение основывалось на Своде военных постановлений 1869 года, книга VIII, статья 112, пункт «А» [4, с. 59].

Таким образом, аттестационная комиссия признала достижения барона Врангеля удовлетворительными.

Окончание службы, согласно послужному списку, ознаменовалось присвоением звания эстандарт-юнкера 2 июля 1902 года [5, л. 1]. Далее последовал Высочайший приказ от 12 октября 1902 года, который произвел П.Н. Врангеля в корнеты с зачислением в запас гвардейской кавалерии [5, л. 1].

Пополнение офицерского состава согласно положению о комплектовании войск заведений и учреждений военного ведомства проходило в особом порядке. Согласно п. бст. 85 замещение вакантных должностей в частях проходило ежегодно на основании выпуска юнкеров из военных училищ до первого апреля последующего года на открытые вакансии во всех частях Гвардии [6, с. 24].

Следовательно, у П.Н. Врангеля была достаточно реальная перспектива военной карьеры. Успешная служба предвещала продвижение вверх по служебной лестнице. Но этому помешал случай, произошедший накануне дня повышения.

После успешной сдачи экзаменов по 1-му разряду Врангелю Высочайшим приказом от 12.10.1902 г. присвоили звание корнета. Это было своего рода боевым крещением, так как в соответствии с положение об офицерских собраниях в отдельных частях войск приказ по военному ведомству № 279 от 1884 года вольноопределяющиеся в офицерское собрание не допускались [2, с. 158].

После праздника П.Н. Врангель с друзьями возвращался домой. Его путь проходил мимо дома полкового командира. Вдоль аллей были высажены молодые деревья, которые Врангель изрубил саблей [1, с. 311].

Как и во всех гвардейских полках, «прием в ряды» производился на основании голосования офицеров полков, на которое никто не имел влияния [2, с. 143]. Действительно, согласно положению об аттестации генералов, штаб- и обер-офицеров и классовых чинов строевого состава армии аттестационное заключение выяснялось голосованием членов совещания, начиная с младшего, причем прямые начальники, несогласные с постановлением совещания, должны приложить свои мотивированные мнения. Председатель совещания в голосовании не участвовал [2, с. 143].

Полковник, князь Трубецкой, был строги любил деревья, срубленные Врангелем. Данное обстоятельство повлияло на голосование, в результате которого его кандидатура была забаллотирована [1, с. 311].

В данном случае ярко выражен характер П.Н. Врангеля, проявляющийся в таких чертах, как горячность и необдуманность

поступков, а также их возможных последствий. Было и положительное качество: никогда не оглядываться назад [1, с. 311]. Сожалея, что не удалось поступить в полк, П.Н. Врангель начал новую карьеру — инженером в Сибири.

Таким образом, данный малоизученный в исторической науке период биографии барона хронологически занимает небольшой отрезок времени, но является достаточно значимым. В результате анализа законодательных аспектов военного образования с целью присвоения офицерского чина, согласно Своду военных постановлений, было выявлено, что П.Н. Врангель начал военную карьеру в соответствии со всеми требованиями. Он прошел обучение в полковой команде. Успешно сдал выпускные экзамены. Это дало возможность получения офицерского чина с дальнейшей возможностью создания военной карьеры. Но субъективные обстоятельства не дали Врангелю такой возможности. В силу сложившихся обстоятельств, решение начать гражданскую службу было единственно возможным.

Список литературы:

1. Бароны Врангели. Воспоминания. М., ЗАО: Центрполиграф, 2006 — 527 с.
2. Военное законодательство Российской империи: Кодекс русского военного права. М.: Военный университет, 1996. — 410 с.
3. Врангель Н.Е. Воспоминания: От крепостного права до большевиков./Вступ. Статья, коммент. и подгот. текста Аллы Зейде. М.: Новое литературное обозрение, 2003.—512 с.
4. Ковригина И.А., Костров А.В. П.Н. Врангель в Иркутске (1902—1906 гг.) «Документальные жизнеописания» и архивные документы// Новый исторический вестник № 32 2012 г.
5. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) ф.3543 оп. 1. д. 312 л. 1.
6. Свод военных постановлений 1869 г. Книга 6. Санкт-Петербургская государственная типография. 1907 г. — 83 с.
7. Свод военных постановлений 1869 года. СПб.: Гос. тип. , 1879 [Ч. 2]: Кн. 7: Прохождение службы по военному ведомству: (По 1 янв. 1907 г.). 1907// URL Русская армия: история и современность. Дата обращения 22.06.2014 г.
8. Черкасов-Георгиевский В.Г. Генерал Петр Николаевич Врангель. Последний рыцарь Российской империи. М., Центрполиграф., 2004.— 511 с.

П.А. СОРОКИН В ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Назаров Владилен Викторович

*канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой экономики и права
Балашовского института (филиала) Саратовского государственного
университета им Н.Г. Чернышевского,
РФ, г. Балашов
E-mail: nvv1975RSB@mail.ru*

P.A. SOROKIN IN THE SOCIALIST REVOLUTIONARY PARTY

Nazarov Vladilen

*Ph. D. in History, Associate Professor, Head of the Department
of Economics and Law Balashov Institute (Branch) of Saratov State
University named after N.G. Chernyshevsky,
Russia, Balashov*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается деятельность выдающегося российско-американского социолога П.А. Сорокина в качестве члена партии социалистов-революционеров. В работе прослеживаются основные этапы его участия в политической борьбе вплоть до вынужденной эмиграции из России в 1922 г.

ABSTRACT

The article deals with the activities of the prominent Russian-American sociologist P.A. Sorokin as a member of the Socialist Revolutionary Party. The paper traces the main stages of his involvement in the political struggle until the forced emigration from Russia in 1922.

Ключевые слова: П.А. Сорокин; партия социалистов-революционеров; неонародничество; социальная мобильность.

Keywords: P.A. Sorokin; Socialist Revolutionary Party; neoropulism; social mobility.

Питирим Александрович Сорокин (1889—1968) родился 19 февраля 1889 г. (по новому стилю) в с. Турья Вологодской губернии в крестьянской семье. Уже с детских лет он вынужден был много

трудиться, занимаясь вместе с отцом и братом ремонтом и украшением храмов [3, с. 17—26].

Благодаря своему таланту, неиссякаемому стремлению к знаниям, живому интересу к изучению общества П.А. Сорокин стал ученым с мировым именем. Он известен в первую очередь как крупнейший российско-американский социолог и культуролог, один из основоположников теорий социальной стратификации и социальной мобильности. Определенное место в его жизни занимает также и политическая деятельность [1, с. 70].

Впервые интерес к политике проявился у П.А. Сорокина во время учебы в Костромской губернии, в Хреновской церковно-учительской духовной семинарии. Чтение книг Н. Михайловского, П. Лаврова, В. Чернова, М. Бакунина, П. Кропоткина, Г. Плеханова, В. Ленина, Ф. Энгельса, К. Маркса, общение с представителями различных политических партий привело его к мысли о вступлении в партию социалистов-революционеров. В автобиографии «Дальняя дорога» П.А. Сорокин в частности отмечал: «Эсеровские взгляды отводили большую роль в социальных процессах и человеческом поведении таким важным неэкономическим факторам, как созидательные идеи, личностные усилия, борьба за индивидуальность вместо марксистской борьбы за существование. Мое прежнее мироощущение было более созвучно этому, чем пролетарской, материалистичной, экономической идеологии марксистских социал-демократов. Духовной близостью и объясняется, почему я выбрал именно партию социалистов-революционеров и почему на протяжении всей последующей жизни не имел ничего общего с марксизмом» [4].

П.А. Сорокин принимал активное участие в организации партийных ячеек, выступал с популярными лекциями и на многочисленных митингах, несколько раз находился под арестом. На одном из таких митингов, в результате столкновения с полицией, погибли двое рабочих, многие получили ранения. П.А. Сорокин снова попадает в поле зрения полиции, несколько раз избегая ареста. Напряженная политическая деятельность сказалась на состоянии его здоровья. Сорокин был вынужден провести два месяца на родине в д. Римье у своей тети Анисьи [1, с. 70].

Свое образование он решил продолжить в Санкт-Петербурге. Здесь Сорокин учился на общеобразовательных Черняевских курсах. Они являлись аналогом современных вечерних школ, в них готовили к сдаче экзамена на аттестат зрелости. Затем Сорокин обучается в Психоневрологическом институте и Санкт-Петербургском университете. Одновременно он проводит большую культурно-просвети-

тельскую работу среди рабочих Путиловского завода, способствуя тем самым распространению неонароднических идей. Благодаря ученым и общественным деятелям М. Ковалевскому и Л. Петражицкому П.А. Сорокин познакомился со многими видными политиками, членами Государственной Думы, руководителями политических партий [5, с. 8—10].

В период первой русской революции 1905—1907 гг. проявился талант П.А. Сорокина как публициста. Он публикует большое число статей в эсеровских изданиях «Русское богатство» и «Заветы», широко участвует в политических дискуссиях, пропагандируя идеи своей партии. Эта деятельность создала Сорокину репутацию заметного неонароднического идеолога. Он устанавливает тесные контакты с руководителем трудовой группы А.Ф. Керенским [1, с. 71].

Определенные коррективы в политические взгляды П.А. Сорокина внесла начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война. Он становится на позиции социал-патриотов (оборонцев), выступавших против заключения сепаратного мира с Германией, за продолжение союза со странами Антанты, за учет внешнеполитических интересов всех союзников России.

П.А. Сорокин с энтузиазмом воспринял победу Февральской революции, приход к власти Временного правительства, которое объявило амнистию политическим заключенным, провозгласило свободу слова, печати, союзов, собраний, стачек, отмену всех сословных привилегий. В реальности все оказалось намного сложнее: вместе с «политическими» на свободу вышли уголовники, возросла преступность. Не соблюдалась свобода слова — нередко закрывались, теперь уже ставшие оппозиционными, монархические и некоторые другие газеты. Это еще больше накаляло и без того сложную политическую ситуацию в стране. Провал наступления русской армии на германском фронте вызвал массовые протестные настроения: петроградские рабочие, солдаты и матросы заполнили улицы столицы. Накануне этих событий представители кадетской партии вышли из состава правительства. В большинстве оказались социалисты. Одной из главных политических задач стала подготовка к созыву Учредительного собрания. После создания второго коалиционного Временного правительства во главе с А.Ф. Керенским П.А. Сорокин становится его секретарем [1, с. 71].

22 апреля 1917 г. в Петрограде на состоявшейся конференции произошел раскол партии социалистов-революционеров. Правые эсеры отказались от дальнейшего участия в ней. П.А. Сорокин вынужден был сложить с себя полномочия главного редактора газеты

«Дело народа». Вскоре П.А. Сорокин начинает издание новой эсеровской газеты «Воля народа». Социалисты-революционеры принимают решение о созыве Всероссийский крестьянского съезда. П.А. Сорокин совершил специальную поездку в Великий Устюг с партийным заданием изучить политические настроения крестьян Вологодской губернии. Его поездка имела большой успех: политическая и экономическая программа Временного правительства встретила поддержку и понимание.

Работа Всероссийский крестьянского съезда проходила в мае-июне 1917 г., в нем приняло участие около тысячи человек. Деятельность съезда подверглась резкой критике со стороны большевиков. На съезде было принято решение о создании крестьянского совета, исполнительного комитета, комиссии по выборам в Учредительное собрание. П.А. Сорокин был избран членом исполнительного комитета и комиссии по выборам в Учредительное собрание.

Большевистский переворот П.А. Сорокин воспринял как национальную трагедию. Он активно выступал против большевиков, победил с огромным отрывом на выборах в Учредительное собрание от Вологодской губернии, набрав около 90 % голосов. Однако принять участие в работе Учредительного собрания П.А. Сорокину так и не удалось. 2 января он был арестован по обвинению за попытку покушения на жизнь В.И. Ленина. Благодаря вмешательству знакомого Сорокина меньшевика Крамарова он был освобожден.

После выхода из тюрьмы П.А. Сорокин вместе с супругой уезжает в Москву, сотрудничает в газете П.Б. Струве «Возрождение», встречается с Керенским, перешедшим на нелегальное положение. Попытка организовать на Севере России эсеровский мятеж не увенчалась успехом. П.А. Сорокин вынужден был скрываться от преследований властей, вновь оказался под арестом и угрозой расстрела.

Вскоре П.А. Сорокин официально заявил о выходе из партии социалистов-революционеров. Очевидно, что это было вынужденное решение. В 1922 г. он в числе многих других ученых и деятелей культуры был выслан из России [3, с. 26].

Таким образом, российский период деятельности П.А. Сорокина был насыщенным и плодотворным. Именно в России сформировались его научно-философские и политические взгляды. Участие в политической борьбе, общение с политическими лидерами дали П.А. Сорокину бесценный опыт изучения социальных процессов, в определенной мере способствуя появлению его выдающихся научных работ.

Список литературы:

1. Возвращение Питирима Сорокина. Материалы Международного научного симпозиума, посвященного 110-летию со дня рождения Питирима Александровича Сорокина / Под редакцией Ю.В. Яковца. М.: Московский общественный научный фонд; МФК, 2000. — 244 с.
2. Дойков Ю.В. Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Том 1 (1889—1922). Рукопись.[Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL:http://www.doykov.1mcg.ru/data/books/Booklet_Sorokina.pdf—(Дата обращения: 29.07.2014.).
3. Питирим Сорокин: грани жизни и творчества (Неизвестный Сорокин). / Под ред. Ю.В. Яковца и А.О. Бороноева. Составители С.П. Сорокин, М.В. Ломоносова. М.: МИСК, 2009. — 488 с.
4. Сорокин П.А. Дальняя дорога: Автобиография (Предисл. и примеч. А.В. Липского).[Электронный ресурс] — Режим доступа. —URL: http://antimilitary.narod.ru/antology/sorokin/Sorokin_Journey_2.htm. — (Дата обращения: 29.07.2014.).
5. Сорокин П.А. Социология революции [сост., автор коммент. В.В. Сапов, автор вступ. ст. А.Н. Медушевский]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. — 552 с.

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭВАКОГОСПИТАЛЕЙ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941—1945 ГОДА (ПО ИТОГАМ РАБОТЫ ПЛЕНУМОВ ГОСПИТАЛЬНОГО СОВЕТА НАРКОМАТА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ СССР)

Свинцова Марина Николаевна

*ассистент кафедры всеобщей и российской истории
Вятского государственного университета,
РФ, г. Киров
E-mail: MarinaMamzel@yandex.ru*

**THE MAIN OBJECTIVES
OF THE EVACUATION HOSPITALS DURING
THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941—1945
(ON THE RESULTS OF THE PLENUMS OF THE HOSPITAL
COUNCIL THE PEOPLE'S COMMISSARIAT OF HEALTH)**

Svintsova Marina

*assistant Department of World and Russian history
Vyatka State University,
Russia, Kirov*

АННОТАЦИЯ

Статья представляет собой характеристику деятельности и структуры Госпитального совета в годы Великой Отечественной войны, целью которого являлись подведение промежуточных итогов работы сети эвакуогоспиталей, постановка задач их деятельности, а также обмен опытом и повышение качества медицинского обслуживания бойцов и офицеров Красной Армии.

ABSTRACT

The article is a description of the activities and structure of hospital council during the Great Patriotic War, whose purpose was summarizing subtotals of evacuation hospitals network, setting targets of their activities, and exchange of experience and quality of health care officers and men of the Red Army.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Госпитальный совет; эвакуогоспиталь.

Keywords: The Great Patriotic War; Hospital Board; base hospital.

Великая Отечественная война 1941—1945 гг. стала трудным испытанием для советского народа. Даже сегодня нельзя определить масштаб человеческих жертв, которые пришлось принести стране во имя великой Победы. По подсчетам исследователей, в этой кровопролитной войне погибло 27 миллионов человек.

Великая Отечественная война принципиально отличается от предыдущего военного опыта (Первой мировой, Гражданской, советско-финской войн) как по маневренности, тактике и стратегии ведения боевых действий, так и по использованию новых видов оружия, что влекло за собой другой объем и качество ранений и болезней пострадавших в боях.

Донесения фронтов, флотов, отдельных армий и флотилий Советского Союза сообщают о санитарных потерях 18 344 148 солдат, из которых 15 205 592 — раненые, контуженные и обожженные, 3 047 675 заболевших и 90 881 обмороженный. При этом медико-санитарная статистика называет цифру 22 326 905 тысяч человек [2, с. 134]. Разница объясняется тем, что медицинские учреждения учитывали в том числе и контингент раненых и больных, отчеты которых не сдавались в Генеральный Штаб (заболевшие в войсках не принимавших участия в боевых действиях, находившиеся в пути, участники партизанских отрядов, народных ополчений, гражданские лица и другие). Кроме того часть личного состава в течение войны имели от двух до семи ранений, после чего возвращались в строй, следовательно, были в списки санитарных потерь вписаны несколько раз.

Советская военная медицина за 4 военных года вернула 73 % пострадавших в строй — это высокий показатель. Благодаря медицинской службе, Великая Отечественная стала первой войной, в которой удалось избежать эпидемий и сохранить санитарное благополучие и на фронте, и в тылу, а военная медицина стала не просто средством помощи и призрения для больных и раненых, а источником пополнения действующей армии.

Огромная работа по восстановлению здоровья бойцов и командиров Красной Армии легла на тыловые эвакогоспитали.

С целью улучшения качества лечебной работы эвакогоспиталей, обобщения опыта их работы, а также внедрения новых методов лечения в практику Приказом № 100 Наркомата здравоохранения СССР от 5 марта 1942 года был учрежден Госпитальный совет при Главном управлении эвакогоспиталей под председательством заместителя наркома здравоохранения С.И. Миловидова [1, с. 61—62]. В Госпитальный совет вошли еще 57 членов, среди которых крупнейшие работники лечебного дела, профессора, сотрудники НИИ, крайздравотделов, облздравотделов, начальники эвакогоспиталей, начальники лечебных отделений.

Госпитальный совет был призван координировать деятельность эвакогоспиталей, формулировать задачи и вести работу по оценке качества выполнения организационной и лечебной работы.

За время войны состоялось заседание четырех Пленумов Госпитального совета при Главном управлении эвакогоспиталей НКЗ СССР, которые работали по секциям разной тематики. Труды каждого Пленума издавались в качестве сборников и были хорошим способом

для передачи современного опыта в военно-медицинской науке и практике.

I-й Пленум Госпитального совета прошел спустя 10 месяцев с начала Великой Отечественной войны. К этому моменту эвакуационными госпиталями был накоплен значительный опыт лечебной и организационной работы систем НКЗ, НКО и ВЦСПС СССР. Участники пленума признали работу эвакуационных госпиталей эффективной: высокий процент выписки в часть, низкий процент смертности, снижение количества раневых осложнений и ампутаций, широкое применение методов восстановительной хирургии и внедрение новейших методов лечения. Отмечалось, что восстановление здоровья в эвакуационных госпиталях проводится в комплексе с физиотерапией, грязе- и парафинолечением, в работе участвуют виднейшие деятели советской науки (проф. Джанелидзе, проф. Руфанов, акад. Бурденко, проф. Гирголав). За хорошую работу в эвакуационных госпиталях более 350 медицинских работников были награждены Орденами Трудового Красного Знамени и наградами НКЗ СССР.

II-м пленумом Госпитального совета был отмечен и ряд недостатков в работе эвакуационных госпиталей, в связи с чем были сформулированы основные задачи: требовалось быстро и качественно организовать сортировочные госпитали с принятием в них квалифицированного медицинского персонала с целью быстрой и правильной диагностики ранений и болезней; в кратчайшие сроки провести в жизнь приказ НКЗ СССР о специализации эвакуационных госпиталей, в связи с чем перераспределить аппаратуру, медикаменты и кадры; мобилизовать все внутренние ресурсы и направить их на сокращение времени пребывания раненых и больных в госпиталях; добиться скорейшего внедрения в лечебную практику новых методов лечения и новой аппаратуры [4, с. 4—5].

20—24 декабря 1942 года в Москве прошел II Пленум Госпитального совета, на котором обсуждались итоги работы эвакуационных госпиталей за полтора прошедших года войны и дальнейшие задачи их работы, а также единые принципы ведения лечебной работы. Пленум сформулировал следующие задачи: сократить сроки пребывания раненых в госпиталях, а негодных к строевой трудоспособных направлять на работу в промышленность, усовершенствовать сортировку и снизить многоэтапность в эвакуации, решительно улучшить постановку протезного дела для инвалидов войны, более активизировать хирургическую работу, подготовку и переквалификацию врачей [5, с. 3—5, с. 11].

III-й Пленум Госпитального совета прошел в октябре 1943 года и наряду с подведением итогов, изучал, в основном, вопросы медицинской практики. Членами Пленума перед эвакогоспиталями были поставлены следующие задачи: улучшить качество диагностики ранений и заболеваний, активизировать использование лабораторных методов исследования, лечебной физкультуры и комплексной терапии [3, с. 3—9].

Итоги всего накопленного опыта войны были обобщены на IV-м Пленуме Госпитального совета.

В целях организации квалифицированной лечебной помощи больным и раненым красноармейцам и командирам Красной Армии и для улучшения работы управлений и отделов эвакогоспиталей Приказом НКЗдрава СССР № 162 от 7 апреля 1942 года было решено создать госпитальные советы при управлениях наркомздравов союзных, автономных республик, облкрайздравотделов Киргизской, Таджикской, Казахской, Северо-Осетинской ССР, Кировской, Читинской и других областей [6, с. 35—36].

К примеру, в Кировской области приказом областного Облздравотдела № 175 от 18 июля 1942 года, соответствующим общесоюзному, при отделе эвакогоспиталей был создан свой госпитальный совет под руководством начальника управления эвакогоспиталей С.К. Слезина [7, с. 14]. Областной госпитальный совет также разработал план мероприятий по санитарной пропаганде населения, подготовке и повышению квалификации кадров, а также члены совета активно включались в научно-практическую и консультационную работу в эвакогоспиталях города Кирова и области.

Работа центрального и местных Госпитальных советов значительно повышала эффективность эвакогоспиталей, направляя их деятельность и способствуя обмену опытом и единому пониманию методики лечения бойцов и командиров Красной Армии.

Список литературы:

1. Госпитальное дело. — 1942. — № 1—2. — С. 61—62.
2. Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: статистическое исследование / В.М. Андронников, П.Д. Буриков, В.В. Гуркин и др.; Под общей ред. Г.Ф. Кривошеева. М.: Воениздат, 1993. — 415 с.
3. Итоги работы 3-го Пленума Госпитального совета НКЗдравов СССР и РСФСР // Госпитальное дело. — 1944. — № 1—2. — С. 3—9.

4. Миловидов С.И. Важнейшие задачи работы эвакогоспиталей (Итоги работы 1-го пленума Госпитального совета НКЗдрава СССР) // Госпитальное дело. — 1942. — № 7. — С. 3—12.
5. Миловидов С.И. Итоги работы второго пленума Госпитального совета // Госпитальное дело. № 2—3. — С. 3—11.
6. Пашинцев И.А. Формы обмена опытом и повышения квалификации работников в эвакогоспиталях Наркомздрава СССР // Госпитальное дело. — 1942. — № 11—12. — С. 35—38.
7. Шамова Л.Г. Подвиг во имя жизни. Из истории деятельности медицинских работников госпиталей. // Сборник докладов «Первые чтения И.И. Мышкина». Главного терапевта Облздравотдела по работе эвакуационных и специализированных госпиталей в годы Великой Отечественной войны в Кировской области 1942—1947 гг. Киров, 2010. — С. 13—19.

**ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕЙ
В ДОКЛАДЕ Н.В. МУРАВЬЕВА
О ПЕРЕСМОТРЕ ЗАКОНОПОЛОЖЕНИЙ
ПО СУДЕБНОЙ ЧАСТИ**

Щедрина Юлия Владимировна

*канд. ист. наук,
доцент кафедры предпринимательского и трудового права
Курского государственного университета,
РФ, г. Курск
E-mail: shchedrinaj@gmail.com*

**PROBLEMS OF PROVIDING INDEPENDENCE OF JUDGES
IN THE REPORT OF N.V. MURAVYEV
ABOUT LEGISLATIVE REVIEW IN JUDICIAL FIELD**

Yuliya Shchedrina

*candidate of historical sciences, associate professor of Department
of Business and Labour Law, Kursk State University,
Russia, Kursk*

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются предложения министра юстиции Н.В. Муравьева о совершенствовании системы гарантий независимости судей, изложенные в его докладе от 6 (7) апреля 1894 г., посвященном пересмотру законодательства в судебной сфере. Рассматриваются причины, требующие систематизации текущего законодательства. Делаются выводы о противоречивости позиции Н.В. Муравьева в отношении реформирования системы гарантий независимости судей.

ABSTRACT

The article analyzes proposals of Minister of Justice N.V. Muravyev about improvement of independence of judges' guarantee system set out in his report on 6th (7th) of April, 1894 which is devoted to legislative review in judicial field. Reasons requiring systematization of current legal system have been considered. Deductions about inconsistency of N.V. Muravyev's position towards reformation of guarantee system of independence of judges have been done.

Ключевые слова: Судебные уставы; суд; независимость судей; несменяемость судей; земские начальники; Н.В. Муравьев.

Keywords: judicial statutes; court; independence of judges; irremovability of judges; land captains; N.V. Muravyev.

20 ноября 1864 г. Александр II подписал четыре акта, вошедших в историю под названием Судебные уставы: «Учреждение судебных установлений», «Устав уголовного судопроизводства», «Устав гражданского судопроизводства», «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» [13—16]. Принятие этих актов положило начало судебной реформе (по мнению как современников, так и последующих исследователей – самой либеральной в череде Великих реформ).

Здесь следует отметить, что еще на стадии разработки Судебных уставов одним из основных принципов будущей реформы законодатель считал независимость судей. «Самостоятельность судей, избранных с осмотрительностью, — отмечали члены Государственного совета при рассмотрении проектов Уставов, — есть, без всякого сомнения, одно из надёжных ручательств в правильном совершении правосудия, а потому и одно из главных условий

хорошего судоустройства... Судьи должны быть поставлены в положение сколь возможно более независимое» [4, с. 334].

В итоге составители Судебных уставов выработали систему обширных гарантий, обеспечивающих независимость судей [см. об этом подробнее: 18]. Условно их можно разделить на организационно-правовые (особый порядок наделения судей полномочиями, отделение суда от администрации, несменяемость судей и особый порядок привлечения их к ответственности, несовместимость должностей); социально-правовые (установление высокого материального обеспечения судей, создание эмеритальной кассы судебного ведомства) и процессуальные (институт отвода судьи, отказ от вмешательства исполнительной власти в ход судебного процесса, тайна совещания судей, свободная оценка доказательств судей и т. д.)

Однако при реализации на практике данных гарантий возникли определенные сложности. По отзывам современников, стремление законодателя оградить судей от произвольного увольнения вызвало нормативное закрепление «гарантий несменяемости в объеме, исключительно широком по сравнению с законодательствами главнейших государств континента Европы... Судебные уставы поставили русских судей на высоту, недостижимую для западных стран» [6, с. 89]. В результате имело место установление фактически абсолютной несменяемости судей, что пагубно сказывалось на составе судейского корпуса (преимущественно на уровне мировой юстиции). Принятие закона 20 мая 1885 г. [8], расширившего перечень оснований, по которым судья мог быть уволен от должности и частично изменившего процедуру дисциплинарного производства путем учреждения Высшего дисциплинарного присутствия Правительствующего сената, имело скорее психологическое значение: хотя в среднем за год Высшее дисциплинарное присутствие рассматривало 18—20 дел [17, с. 104], но с 1891 по 1910 г. на основании ст. 295.2 УСУ были уволены лишь 11 и перемещены 6 членов судебного ведомства [12, л. 1—2].

Рост социальной напряженности, угроза терроризма, нависшая над Россией, неудовлетворительный состав мирового судейского корпуса, — эти и ряд других причин вынудили законодателя пойти на частичное ограничение принципа независимости суда от администрации на местном уровне в ходе неоднозначной реформы 1889 г. [подробнее о реформе см.: 5; 11].

Ухудшилась ситуация и с материальным обеспечением судей. Высокие судейские оклады, установленные в 1864 г., на протяжении

нескольких десятилетий в целом по России не индексировались за исключением отдельных судов или должностей [9; 10].

В итоге, стремление правительства к оптимизации норм Судебных уставов, их корректировка применительно к специфике тех или иных российских регионов привели к тому, что к середине 1890-х гг. в акты 1864 г. было внесено более 700 поправок, многие из которых, по мнению Министерства юстиции, «отвечая назревшей надобности, были более или менее существенными отступлениями от прообраза» [3, л. 2об—3].

Такая ситуация требовала систематизации разрозненного законодательства в судебной сфере. Эту непростую задачу взял на себя Н.В. Муравьев, назначенный 1 января 1894 г. на должность министра юстиции.

Новый министр активно взялся за проведение реформ. Уже 6 апреля 1894 г. он подготовил известный доклад «О необходимости изменения судебных учреждений и судебных порядков», с которым на следующий день, 7 апреля 1894 г., выступил перед Александром III.

Отметив в докладе «неудовлетворительность» судебной части, Н.В. Муравьев указал на основную причину: несоответствие отдельных начал Судебной реформы 1864 г. «особенностям нашего государственного и общественного быта» [2, с. 66]. Самого значения реформы министр не отвергает, признавая ее «безусловно настоятельной». Он отмечает положительную роль Судебных уставов 1864 г. для развития отечественной судебной системы и статуса судей: сокращение судебных инстанций, большее ограждение прав личности, «поднятие нравственного и умственного уровня судебных деятелей» [2, с. 66] и т. д. Одновременно автор ставит в вину составителям Уставов излишнее увлечение западным законодательством, благодаря чему «Россия получила весьма стройный процессуальный кодекс, вполне пригодный для действия в любом государстве Западной Европы, но недостаточно приспособленный к условиям нашего отечества с его историческим складом, огромными пространствами и сравнительно редким разноплеменным населением, стоящим на далеко не одинаковой ступени развития» [2, с. 66—67]. В момент издания Судебных уставов 1864 г. это расхождение не было заметно, но по мере их реализации неадаптированность ряда западных институтов к российским реалиям становилась все более понятной для правительства. Особенно отчетливо это проявилось при необходимости делать «сложные и многочисленные изъятия» при проведении судебной реформы в ряде местностей империи [2, с. 67].

Стремлением правительства адаптировать судебные уставы к российской действительности Н.В. Муравьев и объясняет частое внесение изменений в акты 1864 г.: «Почти не было года в течение этого времени, — пишет министр, — который не приносил бы с собою тех или иных изменений и дополнений в уставах, вызванных необходимостью устранить отдельные недостатки сего закона или приспособить его к условиям той или иной местности и в то же время увеличивающих тяжесть расходов на содержание судебной части» [2, с. 68]. Однако эти поправки принимались одновременно, бессистемно, неорганически, без связи, благодаря чему «наши судебные порядки в общем их составе не только не улучшались с течением времени, а постепенно ухудшились и усложнились, и в настоящее время достигли такой пестроты, сбивчивости и сложности, которые не были свойственны даже дореформенным порядкам» [2, с. 68].

Все вышеизложенное привело Н.В. Муравьева к мысли о необходимости отказаться от пагубной практики внесения частичных и разрозненных поправок в судебные уставы и приступить «к полному и систематическому пересмотру действующей у нас судебной организации в связи с теми изменениями и исправлениями, которые внесены уже в нее, а также и с теми, необходимость которых выяснилась уже на деле, но еще не вызвала соответствующих мер» [2, с. 69].

В основе будущей реформы, по мнению Н.В. Муравьева, должен был лежать принцип незыблемого утверждения государственного характера и правительственного направления судебного ведомства, что было поколеблено «неудачно сформулированным» в уставах принципом несменяемости и отделением суда от администрации.

Следует отметить, что Н.В. Муравьев ведет речь не об отмене указанных принципов: чуть ниже в своем докладе он указывает, что суд «может и должен быть самостоятелен и независим» [2, с. 71]. Да и в ходе дальнейшей работы по пересмотру уставов несменяемость судей была сохранена, а принцип независимости суда (в отношении уездных и коронных судей) от местной административной власти возведен в абсолют (так, губернатор окончательно лишился кадровых полномочий в ходе формирования судейского корпуса). Скорее, речь шла о проблемах в понимании судейским сообществом данных принципов, что вызвало проблемы в их реализации.

Вопрос о судейской несменяемости рассматривается Н.В. Муравьевым в контексте необходимости обеспечения надлежащего состава судейского корпуса. По его мнению, изменение действующих

норм, регулирующих вопросы несменяемости судей, должно стать одним из главных направлений будущего пересмотра, поскольку текущее законодательство не дает «высшей судебной администрации достаточных средств к устранению из судейской среды недостойных деятелей» [2, с. 72].

Что касается взаимоотношения судебной и административной властей, то, вероятнее всего, постоянные конфликты между ними и послужили поводом для написания следующих строчек Н.В. Муравьевым: «... При правильном устройстве суд должен быть прежде всего верным и верноподанным проводником и исполнителем самодержавной воли МОНАРХА, всегда направленной к охранению закона и правосудия... суд, как один из органов правительства, должен быть солидарен с другими его органами во всех законных их действиях» [2, с. 70]. При этом суд, по мнению министра юстиции, должен стоять вне политики и «обязан, чуждаясь всякой политической или общественной тенденции, руководствоваться лишь законом, правдой и справедливостью» [2, с. 71].

Вопросы отделения судебной власти от административной будут рассмотрены Н.В. Муравьевым и при освещении его позиции в отношении практических итогов реформы 1889 г.

Автор ставит проблему взаимодействия чинов Министерства внутренних дел и Министерства юстиции в новых судебно-административных учреждениях. На местах происходят серьезные «разномыслия и столкновения» между членами данных учреждений, причина которых заключается «в неизбежном до известной степени различии взглядов на свое назначение между чинами администрации, исполняющими судебными функциями, с одной стороны, и профессиональными судьями — с другой» [2, с. 76]. В связи с этим Н.В. Муравьев высказывает свои сомнения относительно целесообразности совместного участия чинов ведомства министерств юстиции и внутренних дел в одних и тех же судебно-административных органах.

Но министр не предлагает отменить акты 1889 г. и вернуться к судебной системе, установленной Уставами 1864 г. В этом случае Н.В. Муравьев твердо стоит на позиции поддержки реформ центральной власти. Он лишь рекомендует реформировать судебные присутствия уездного съезда и губернского присутствия, устранив участвующих в них городских и почетных мировых судей, уездных членов и председателей окружных судов. В состав реорганизованного судебного присутствия уездного съезда под председательством уездного предводителя дворянства должны были войти исключи-

тельно земские начальники, а губернского присутствия под председательством губернатора — губернский предводитель дворянства и другие представители губернской администрации, входящие в настоящий момент в состав присутствия. В отношении иных местных судебных органов — городских судей, уездных членов окружного суда, судебных следователей — Н.В. Муравьев вносил предложение об объединении их в одном учреждении, в частности, в виде уездного отделения окружного суда [2, с. 77—78].

Настаивая на сохранении независимости суда, Н.В. Муравьев рекомендовал пересмотреть и социально-правовые гарантии судебной независимости: улучшить материальное обеспечение судебных чинов «с наименьшим обременением казны» [2, с. 73].

Такова была цель и программа будущих преобразований в части реформирования системы гарантий независимости судей, предлагаемая министром юстиции [Более подробно о планах преобразований судебной части вообще в докладе 6 (7) апреля см.: 7, с. 166—167]. Для ее осуществления в целом он настаивал на учреждении при Министерстве юстиции особой комиссии под председательством министра юстиции.

Император одобрил предложения Н.В. Муравьева, наложив резолюцию на доклад: «Твердо уверен в необходимости всестороннего пересмотра наших судебных уставов, чтобы наконец действительное Правосудие царило в России. Итак, с божьей помощью начинайте эту работу» [1, с. 38].

Итогом стало решение Александра III об учреждении при Министерстве юстиции особой Комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Возглавил её ожидаемо Н.В. Муравьев.

Анализируя доклад Н.В. Муравьева, ставший безусловно программным документом, положенным в основу работу Комиссии для пересмотра законоположений по судебной части, отметим следующее. В докладе явно прослеживаются две противоположные тенденции: с одной стороны, оптимизировать и упрочить путем реформирования существующие гарантии независимости судей, исправив наряду с этим ошибку авторов Судебных уставов, которые, дав права судьям, не позаботились о необходимом закреплении их обязанностей. С другой — сохранить итоги реформы 1889 г., тем самым пойдя на осознанное нарушение принципа независимости судебной и административной властей на местном уровне. В итоге, такая двойственность и противоречивость в понимании Н.В. Муравьевым будущих преобразований стала одной из причин провала законопроектов,

разработанных Комиссией для пересмотра законоположений по судебной части.

Список литературы:

1. Всеподданнейший доклад министра юстиции статс-секретаря Муравьева о деятельности министерства юстиции за истекшее десятилетие (1894—1904 гг.) // Журнал министерства юстиции. 1904. Февраль. — С. 33—76.
2. Всеподданнейший доклад управляющего министерством юстиции, тайного советника Муравьева о пересмотре законоположений по судебной части // Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Объяснительная записка к проекту новой редакции учреждения судебных установлений. Т. 1. Ч. 1. Введение. Главные основания предполагаемого судоустройства. СПб., 1900. — С. 65—82.
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 543. Оп. 1. Д. 725. Л. 2об, 3.
4. Журнал Соединенных департаментов Законов и Гражданских Дел Государственного совета о преобразовании судебной части в России. СПб., 1862. — 370 с.
5. Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). М.: Мысль, 1970. — 444 с.
6. Лазаренко А.Н. Очерк основных начал науки судоустройства России и главнейших западноевропейских государств за пятьдесят лет. Пг.: Сенатская типография, 1914. — 91 с.
7. Немытина М.В. Суд в России: вторая половина XIX — начало XX вв. Саратов: СЮИ МВД РФ, 1999. — 256 с.
8. О порядке издания Общего Наказа судебным установлениям и о дисциплинарной ответственности чинов судебного ведомства: Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 20 мая 1885 г. // ПСЗ РИ. Собр. III. Т. V. № 2959.
9. О порядке распределения между членами окружных судов суммы, ассигнованной Высочайшим повелением 12 июня 1884 года на добавочное содержание означенных лиц: Высочайше утверждённое мнение Государственного Совета от 30 апреля 1885 г. // ПСЗ РИ. Собр. III. Т. V. № 2906.
10. Об увеличении содержания членов окружных судов и об изменениях в составе округов и штатах судебных палат: Высочайше утверждённое мнение Государственного Совета от 12 июня 1884 г. // ПСЗ РИ. Собр. III. Т. IV. № 2513.

11. Положение о земских участковых начальниках; II. Правила об устройстве судебной части в местностях, в которых введено означенное Положение; III. Временные правила о волостном суде и IV. Правила о порядке приведения в действие Положения о земских участковых начальниках: Высочайше утверждённые 12 июля 1889 г. // ПСЗ РИ. Собр. III. Т. IX. № 6196.
12. Российский государственный исторический архив. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 603.
13. Устав гражданского судопроизводства: Высочайше утверждённый 20 ноября 1864 г. // ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. XXXIX. № 41477
14. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями: Высочайше утверждённый 20 ноября 1864 г. // ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. XXXIX. № 41478.
15. Устав уголовного судопроизводства: Высочайше утверждённый 20 ноября 1864 г. // ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. XXXIX. № 41476.
16. Учреждение судебных установлений: Высочайше утверждённое 20 ноября 1864 г. // ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. XXXIX. № 41475.
17. Шавров А.В. Надзор и дисциплинарная ответственность в судебном ведомстве пореформенной России (1864—1917) // Советское государство и право. — 1985. — № 12. — С. 100—105.
18. Щедрина Ю.В. Правовое регулирование принципа независимости судей по судебным уставам 1864 г. // Ученые записки Курского государственного университета. Электронный журнал. 2012. № 2.

4.2. ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР: ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ОТСТАВКИ

Явнова Ирина Ивановна

*канд. ист. наук, доцент,
доцент кафедры всеобщей истории Стерлитамакского филиала
Башкирского государственного университета,
РФ, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак
E-mail: Irina_721@mail.ru*

MARGARET THATCHER: LIFE AFTER RETIREMENT

Irina Yavnova

*candidate of historical sciences,
associate professor, Department of General history,
Sterlitamak branch of Bashkir state University,
Russia, Republic of Bashkortostan, Sterlitamak*

АННОТАЦИЯ

В работе представлены результаты изучения деятельности Маргарет Тэтчер после отставки с поста премьер-министра. Рассматриваются основные направления общественно-политической деятельности М. Тэтчер в конце XX— начале XXI веков.

ABSTRACT

The paper presents results of a study of the activities of Margaret Thatcher after his resignation from the post of Prime Minister. Discusses the main directions of socio-political activity of M. Thatcher at the end of XX — beginning of XXI centuries.

Ключевые слова: консервативная партия; британский парламент; премьер-министр; Тэтчер; тэтчеризм.

Keywords: conservative party; British Parliament; Prime Minister; Thatcher; Thatcherism.

Имя Маргарет Тэтчер находится в одном ряду с именами величайших политиков мировой истории. Ее по праву называют самой

влиятельной женщиной XX века, которая осуществила значительные изменения во всех сферах жизнедеятельности британского общества, в образе жизни британцев. Это во многом объясняет огромный интерес к личности Маргарет Тэтчер, ее общественно-политической деятельности, которую она осуществляла в период премьерства и после своей отставки.

В июне 1991 года завершилась парламентская карьера Маргарет Тэтчер. Она объявила о снятии своей кандидатуры на следующих выборах в округе Финчли, который представляла в Палате общин в течение 32 лет. В декабре 1991 года королева Елизавета II вручила ей орден за заслуги, а ее супруга Дэниса Тэтчер возвела в сан баронета. Вскоре Тэтчер была объявлена почетным гражданином Вестминстера, последним такой чести был удостоен ее кумир Уинстон Черчилль. В 1992 году Маргарет Тэтчер становится баронессой Кественской. Однако, несмотря на все оказанные почести Маргарет Тэтчер было очень трудно смириться со своим поражением. Она лишилась главного в своей жизни, а именно — деятельности.

В годы своего премьерства Тэтчер была весьма активным человеком и этого же требовала от своих коллег, которые говорили о работе с ней как о жизни на вулкане. По мнению коллег, Маргарет Тэтчер была очень пунктуальна и никогда никуда не опаздывала, иногда ее сравнивали с английским поездом, приходившим всегда точно по расписанию [2, р. 19].

После отставки Маргарет Тэтчер принимала участие в так называемых лекционных турах, которые позволяли ей общаться с людьми и продолжать распространение идей тэтчеризма. Лекционные туры приносили и существенную финансовую прибыль. К примеру, во время лекционного тура по США за каждую получасовую лекцию Маргарет Тэтчер получала 50 тысяч долларов. В период с 1992 по 1999 год Маргарет Тэтчер являлась почетным ректором Букингемского университета, который был учрежден ее в 1975 году. С 1993 по 2000 год она занимала пост почетного ректора Колледжа Вильгельма и Марии в США.

В 1991 году появился фонд Тэтчер, главной задачей которого стало развитие демократии и свободы, а также практическая помощь жителям Восточной Европы. Фонд имел представительства в Лондоне, Варшаве и Вашингтоне. В начале 1990-х годов Маргарет Тэтчер работала над своими мемуарами, которые были опубликованы в 1993 году под характерными названиями «Путь к власти» и «Годы на Даунинг-стрит». Впоследствии эти работы и весь архив Тэтчер, согласно ее желанию, были переданы Черчилль-колледжу в Кембридже. Выбор был не случаен. Уинстон Черчилль являлся политическим

кумиром Маргарет Тэтчер, и ее согревала всего лишь одна мысль о том, что ее бумаги будут храниться рядом с архивом этого великого человека.

Депрессия, связанная с завершением политической карьеры, подорвала здоровье Маргарет Тэтчер. В 1994 году у нее случился первый микроинсульт, это произошло прямо во время выступления в Чили, а в 2000 году у нее появились первые признаки старческого слабоумия. В последующие годы болезнь прогрессировала, что выражалось в потере нити разговора Тэтчер с аудиторией. Она стала забывать к концу предложения то, что было сказано в начале, а ее выступления без бумажки превращались в весьма тяжелое испытание, как для нее, так и для слушателей. В 2002 году у Тэтчер случились еще два микроинсульта, и она объявила о том, что прекращает публичную деятельность.

В 2003 году скончался муж Маргарет Тэтчер — Дэнис Тэтчер. Он был для Тэтчер главным вдохновителем проводимого ею политического курса, именно его суждениям она доверяла больше всего. В день смерти Дэниса Тэтчер, в дань уважения, было принято решение приспустить флаг над центральным офисом Консервативной партии. После его смерти Маргарет Тэтчер замкнулась в себе и старалась практически не появляться на публике. Исключение было сделано для церемонии открытия памятника самой себе в британском парламенте. Маргарет Тэтчер стала первым премьер-министром, которому установили памятник еще при жизни. Памятник представлял собой бронзовую статую Маргарет Тэтчер с вытянутой правой рукой и был расположен напротив статуи Уинстона Черчилля. «Я бы предпочла статую из железа, — заявила Тэтчер, выступая в Палате общин, — но бронзовая мне тоже подходит. Она не заржавеет» [6].

Маргарет Тэтчер занимала пост премьер-министра Великобритании одиннадцать с половиной лет, что по политическим меркам составило целую эпоху. За этот период увеличилось количество британских жителей, которые владели акциями, значительно возросло число собственников своего жилья, а общее личное благосостояние выросло на 80 % [1, с. 19]. Выступая в Шотландии в апреле 2009 года Маргарет Тэтчер заявила, что не жалеет ни об одном своем решении, принятом на посту премьер-министра: ни о введении подушного налога, ни об отказе субсидировать устаревшую промышленность. По словам многих современников, Маргарет Тэтчер являлась творцом британской версии неоконсерватизма, олицетворением курса, проводимого консервативным правительством в 80-х годах XX века. Ее называли «величайшим лидером столетия» [5, р. 231]. Около половины жителей Великобритании считают положительным период правления Маргарет Тэтчер, лишь одна треть населения дает отрицательную оценку.

Маргарет Тэтчер представляла собой довольно редкое сочетание методов управления. Она была либералом в экономике и националистом во внешней политике, что позволяло ей твердо отстаивать интересы своей страны. У Тэтчер были и сторонники и противники. В частности сторонники утверждали, что все ее усилия позволили улучшить экономическую ситуацию в стране и возродить моральные ценности британского общества [4, p. 8]. Противники Тэтчер обвиняли ее в поддержке финансовых интересов правящего класса. Но все они сходились во мнении, заявляя о том, что Маргарет Тэтчер обладала прекрасным политическим чутьем. Она принимала смелые, а порой рискованные, казавшиеся неразумными решения, которые в последствие оказывались весьма удачными и приносили политические дивиденды премьер-министру Великобритании и консервативной партии в целом.

В итоге Маргарет Тэтчер оставила Великобритании богатое наследство. Многие ее действия на посту премьер-министра до сих пор вызывают неоднозначную реакцию. Однако все ее оппоненты признают ее неординарность и утверждают, что ей удалось наложить глубокий отпечаток на последующее развитие общественно-политической жизни британского общества.

В апреле 2013 года Маргарет Тэтчер не стало, но до сих пор британское общество расколото на тэтчеристов и антитэтчеристов. В современной политической истории Великобритании ее имя вызывает множество споров и суждений. Но вне зависимости от того, как ее воспринимало общество, ясно одно, Маргарет Тэтчер одержала настоящий триумф. Ей удалось трансформировать главные правящие политические партии Великобритании, которые приняли как данность значительную часть принципов неоконсервативной идеологии [3], позволившие осуществить значительные изменения в общественно-политической жизни страны.

Список литературы:

1. Явнова И.И. Проблемы социального реформирования в политике консервативного правительства М. Тэтчер (1979-1990): Автореф. дис. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003. — 21 с.
2. Cradock P. In pursuit of British interests, reflections on foreign policy under Margaret Thatcher and John Major. L., 1997. — 237 p.
3. Guardian. 2005. Oct. 14.
4. Holmes M. Thatcherism. Scope and limits, 1983, 1987. L., 1989. — 256 p.
5. Riddell P. The Thatcher era and it's legacy. Oxford, 1991. — 321 p.
6. Times. 2007. Feb. 22.

4.3. ИСТОРИОСОФИЯ

ИСТОКИ ВОЕННО-ЭТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В ПРАВСТВЕННОЙ ЖИЗНИ РОССИИ

Александрова Вера Валерьевна
канд. филос. наук, юрисконсульт
войсковой части 13973,
РФ, г. Мирный
E-mail: vera-selezneva@mail.ru

THE ORIGINS OF THE MILITARY-ETHICAL KNOWLEDGE IN THE MORAL LIFE OF RUSSIA

Alexandrova Vera
candidate of philosophical sciences,
legal counsel military part 13973,
Russia, Mirny

АННОТАЦИЯ

Русский воинский этикет возник и складывался в процессе образования и развития государства и его Вооруженных Сил. Важным этапом в его формировании явилось создание регулярной армии. С качественным преобразованием Вооруженных Сил складывалась система воинского этикета, которая в последующем укреплялась и совершенствовалась.

ABSTRACT

Russian military etiquette emerged and evolved in the process of formation and development of the state and its Armed Forces. An important step in its development was the creation of a regular army. With the qualitative transformation of the Armed Forces as well as the system of military etiquette, which subsequently strengthened and improved.

Ключевые слова: армия; воинский этикет; офицер; нравственность; традиции.

Keywords: army; military etiquette; officer; morality; tradition.

В эпоху, предшествующую созданию регулярной армии, элементы военно-этических знаний можно найти в старинных летописях, сказаниях, былинах, описаниях различных походов и сражений. Яркое отражение традиций героического можно найти в «Повести временных лет» [6], «Поучении Владимира Мономаха» [7], «Слове о полку Игореве» [8], «Задонщине» [5]. Так, знаменитое «Слово о полку Игореве», проникнутое мотивами славянской народной поэзии с элементами языческой мифологии, по своему художественному языку и литературной значимости дает исключительное по красоте и лиричности описание неудачного похода русских князей на половцев, предпринятого новгород-северским князем Игорем Святославичем в 1185 году. Мечта о прочном мире, устремленность к нему характерны для русской традиции уже того времени. В «Слове о полку Игореве» четко и ясно говорится, что честно сражаться за Родину и приносить себя в жертву, когда выхода не остается, а бесчестно — предавать и поворачивать оружие против своих братьев.

Первую систематизацию воинский этикет России получает в «кодексах чести» боевых дружин русских князей, «княжеских ратных правилах», «стрелецких уложениях». В них воспевались воинские доблести: мужество, храбрость, отвага, умелое владение оружием. В народе складывались неписанные боевые правила. Нравственные нормы формировались в «ратных привычках воинства». Как пишет Д.А. Волкогонов, «они представлялись лишь как свод эмпирических воинских правил, обычаев, традиций, закреплявших классовые интересы феодалов, монархов, и не являлись теорией военной морали — воинской этикой. Этот этап был своеобразным прологом зарождения, возникновения военно-этической мысли на Руси» [3, с. 37—38].

С созданием регулярной русской армии в начале XVIII в. возникла объективная необходимость в определенной системе обучения и воспитания воинства. Формировалась она под господствующим воздействием социальной действительности того времени. Вместе с этим, нельзя отрицать и наличие внутренней собственной логики развития военно-этической мысли, обладающей относительной самостоятельностью. Развитие взглядов воинского этикета происходило главным образом в одном направлении — обеспечить боеспособность царской армии как важнейшего орудия самодержавия не только для ведения внешних войн, но и как надежного средства подавления центробежных движений внутри страны.

На фоне истории нравов и духовной культуры XVIII в. выделяются воззрения первых русских просветителей А.Д. Кантемира

(1709—1744), Н.И. Новикова (1744—1818), И.Т. Посошкова (1652—1726), В.Н. Татищева (1686—1750) и др. Центральное место в их философских воззрениях, как и в концепциях русских мыслителей, вплоть до конца XIX века занимали этические проблемы. Просветители выдвигали идеи «разумного улучшения нравов» общества на основе просвещения и строгого выполнения всеми гражданами определенных правил поведения. Большие надежды ими возлагались на просвещенного монарха, разумное законодательство, честных сановников. Однако эта «ученая дружина» в известной степени повлияла на форматирование некоторых военно-этических взглядов, нашедших закрепление в петровских уставах. Так, В.Н. Татищев, бывший одним из первых петровских офицеров, в своей «Истории российской» указывал на необходимость «улаживания нравов и в воинстве». Он первым на Руси пытался обосновать, что «нравоучение есть наука, которая имеет отношение и к «делам ратным». Просветители подвергали критике нравственное невежество, моральную богословскую схоластику и, по сути, провозглашали начало перехода официальной морали от церковной к светской. Её главным принципом провозглашалось «польза нравственная».

Русские просветители были хорошо знакомы с произведениями западноевропейских мыслителей. Многие из русских дворян, офицеров ездили в Европу для учебы, были знакомы с философскими и этическими системами Г.В. Лейбница, И.Г. Гердера, Д. Локка. Всё это способствовало усилению в общественной мысли идей радикализма, критических взглядов на религиозно-этические системы. Трудно не согласиться с мнением Н.И. Дорохова о том, что процесс формирования и развития этикета Российской армии был подчинен определенной внутренней логике, в основе которой лежал политико-социальный анализ содержания исторических временных рамок [65, с. 38].

Появление в начале XVIII в. «Артикула воинского» Петра I, затем вошедшего в «Устав Воинский сухопутный» 1716 г., стало начальным этапом формирования и выработки норм и правил этикета. «Артикул», разработанный Петром I, — первый военно-уголовный и военно-процессуальный кодекс России [2, с. 48], который заложил основы культуры поведения и этикета военнослужащих XVIII столетия. Документ этот примечателен тем, что в нем основное внимание уделяется не столько собственно военным вопросам — строевым приемам и приемам с оружием, проведению учений, тактическим вопросам, — сколько вопросам нравственности военнослужащего и требованиям государства, предъявляемым к его поведению в различных обстоятельствах.

При анализе военных реформ, осуществленных Петром I в конце XVII — начале XVIII в., большинство исследователей сосредоточивает свое внимание на факте создания регулярной армии и военно-морского флота; изменении способа комплектования Вооруженных Сил; развитии военной промышленности и перевооружении войск; создании сети военно-учебных заведений; разработке и принятии новых законодательных актов; воспитании и обучении военнослужащих в духе «регуляторства» [4, с. 16]. Примечательно, что, с одной стороны, воинский этикет новых Вооруженных Сил был необходимым условием развития регулярной армии, с другой — его закрепление было результатом функционирования этой регулярной армии.

Анализируя факторы, обусловившие необходимость внедрения правил и норм воинского этикета, можно выделить среди них три главные группы. Первая группа связана с тем, что создаваемая Петром I армия должна была на новом уровне решать специфические военные задачи. Очевидно, что воинский этикет, определяющий, помимо прочего, взаимоотношения военнослужащих и нормы их поведения в бою, должен был быть направлен на достижение высокой боевой готовности войск. Вторая группа факторов учитывала, что создаваемая армия должна была решать также и внутренние задачи. Поэтому воинский этикет должен был соответствовать идеалу защитника самодержавного дворянского строя и императорской власти. И третье — поскольку одной из целей реформ Петра I было решение внешнеполитических задач [1, с. 67], он, естественно, стремился приблизить этикет российской армии к нормам поведения ведущих европейских армий. В целом же Петр I хотел внедрить в новой армии такие этикетные нормы, которые способствовали бы созданию Вооруженных Сил, по внешнему облику и внутреннему содержанию соответствующих его представлениям об идеальной армии, предназначенной для решения широкого комплекса задач.

Внедрение новых этикетных норм было революционным преобразованием Российской армии и поворотным пунктом в истории Вооруженных Сил в целом. С одной стороны, во внешнем облике и поведении российских военнослужащих произошли принципиальные изменения. С другой стороны, эти преобразования не были искусственными в том смысле, что они нарушили общую логику развития Вооруженных Сил России. Петр I ускорил процесс эволюции русской армии и воинского этикета, и петровские преобразования были закономерной и необходимой ступенью их исторического развития.

Список литературы:

1. Баггер Х. Реформы Петра Великого: обзор исследований / пер. с дат. В.Е. Возгина. М.: Прогресс, 1985. — 199 с.
2. Военный энциклопедический словарь / Ин-т воен. истории; гл. ред. комис.: Н.В. Огарков (пред.) и др. М.: Воениздат, 1983. — 863 с.
3. Волкогонов Д.А. Воинская этика / Д.А. Волкогонов. М.: Воениздат, 1976. — 320 с.
4. Гаврищук В.В. Военные реформы Петра I: Проблемы отечественной историографии / В.В. Гаврищук. М.: Воен. ун-т, 1997. — 32 с.
5. Задонщина: летописная повесть о побоище на Дону. Сказание о Мамаевом побоище. М. : Худож. лит., 1982. — 263 с.
6. Повесть временных лет / под ред. В.И. Адриановой-Перетц. СПб.: Наука: СПб. изд. фирма, 1996. — 667 с.
7. Поучение Владимира Мономаха. М.: Директ-Медиа, 2007. — 10 с.
8. Слово о полку Игореве. Воронеж: Воронеж. высш. шк. МВД России, 1998. — 79 с.

4.4. ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

СОБЫТИЯ МАРТА 1969 ГОДА В РАЙОНЕ ОСТРОВА ДАМАНСКИЙ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Шадрина Екатерина Алексеевна

*аспирант, кафедра зарубежного регионоведения,
политологии и восточной философии,
Челябинский государственный университет,
РФ, г. Челябинск*

E-mail: katya-antonova74@yandex.ru

OCCASIONS ON DAMANSKII ISLAND IN MARCH, 1969 BY SOVIET HISTORICANS

Shadrina Ekaterina

*post-graduate student, Department of foreign area studies,
political science, and Eastern philosophy,
Chelyabinsk State University,
Russia, Chelyabinsk*

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется отображение событий марта 1969 года на острове Даманский на основе работ советских историков, посвященных изучению советско-китайских отношений. Показан общий уровень разработки проблемы и мало исследованные сюжеты.

ABSTRACT

The article is aimed to analyze the Sino-Soviet border conflict in March, 1969 on the basis of the Soviet historians' works dedicated to the study of relations between the USSR and China. The total level of problem development and scantily explored aspects are also shown.

Ключевые слова: советско-китайские отношения; приграничные отношения; историография; КНР; СССР; Дальний Восток; остров Даманский; вооруженный конфликт.

Keywords: USSR-China relations; border relations; historiography; China; USSR; far East region; Damanskii Island; military conflict.

С началом XXI века стратегическое партнерство России и Китая характеризуется небывалым подъемом, который наблюдается на всех уровнях двусторонних взаимодействий. Отношения двух ядерных держав, постоянных членов Совета безопасности ООН и ведущих государств Азиатско-тихоокеанского региона являются объектом пристального наблюдения, что позволяет говорить об огромной их значимости в современном мире. Более того, в условиях последних событий на мировой арене, украинского кризиса и введения санкций против России, именно сотрудничество с Китаем предоставляет широкие возможности альтернативного развития для нашей страны (в рамках двустороннего сотрудничества, БРИКС и ШОС).

Но путь достижения «стратегического партнерства» между РФ и КНР был долог и тернист. На протяжении 300 лет доминирующим фактором была борьба вокруг приграничного вопроса, что, так или иначе, приводило к ухудшению ситуации на границе, порой перераставшей в вооруженные конфликты. Рассматривая взаимодействие двух стран сквозь призму истории, особенно XX века, нельзя не отметить резкой смены их характера: от откровенных военных противостояний до отношений добрососедства, дружбы и сотрудничества. Так, по мнению аналитиков, «отношения между Россией и Китаем имеют богатую, но крайне сложную историю, в которой этапы тесного сближения двух стран чередовались с периодами резкого ухудшения взаимоотношений»¹.

Советская историческая традиция прослеживается довольно четко в работах многих авторов при описании советско-китайских приграничных отношений. Большинство исследователей квалифицируют события марта 1969 года в районе острова Даманский как самый крупный советско-китайский вооружённый конфликт в современной истории России и Китая. И имеют полные для того основания.

В 1949 Советский Союз первым из стран мира признаёт Китайскую Народную Республику на следующий день после её учреждения. Но, несмотря на социалистический строй и следование

1 *Парамонов В., Строков А., Столповский О. Отношения между Россией и Китаем: история, современность и будущее // Время Востока.— 2007. — № 3. — С. 85—89. [Электронный ресурс] —Режим доступа. — URL: <http://www.easttime.ru/analitic/3/8/523.html>. Дата обращения: 20.02.2013.*

коммунистическим идеалам и ценностям обеих стран, отношения с Поднебесной при Мао Цзэдуне были весьма непростыми. Если в период с 1949 по 1956 наблюдался расцвет советско-китайских отношений — советско-китайский «Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи», а также оказанная Китаю помощь в строительстве государства, армии, обучении специалистов, то уже с 1956 года отношения начали приходить в упадок. В 1956, когда у власти в СССР находился Н.С. Хрущёв, после XX съезда КПСС отношения между двумя странами ухудшаются. Расхождение позиций и трактовок марксизма между партиями двух стран находят свое отражение в письмах, обращенных друг к другу, и публикациях в местных изданиях. Так, например, 10 ноября 1958 г. редакция центрального органа КПК газеты «Жэньминь жибао» и редакция главного партийного теоретического журнала «Хунци» опубликовали так называемые «Тезисы мнений по вопросу о мирном переходе», в которых китайские марксисты напоминали лидерам КПСС о том, что слом старой государственной машины буржуазии является необходимым условием социализма². «Великая война идей между Китаем и СССР»³ — такое название носило идеологическое противостояние между государствами в КНР. Политика Н.С. Хрущёва была названа ревизионистской, прежде всего, за новый советский курс на экономическое развитие при политике «мирного сосуществования» с капиталистическими странами. Ревизии подверглось марксистское учение о пролетарской революции, а XX съездом было выдвинуто положение, согласно которому «в современных условиях» возникла возможность мирного перехода от капитализма к социализму парламентским путём. Хрущёв заявил, что парламент «можно превратить из органа буржуазной демократии в орудие действительной народной воли», если завоевать там «прочное большинство»⁴. В 1964 году происходит практически полный разрыв отношений между КПСС и КПК, но своего апогея противостояние достигает в 1969 и выливается в вооружённые

2 *Полемика о генеральной линии международного коммунистического движения // Хунци. 1965. 10 нояб. С. 112—115.*

3 *Две диаметрально противоположные политики мирного существования. [Электронный ресурс] — URL: http://library.maoism.ru/Great_Polemic/peace_coexistence_1963-12-12.html. Дата обращения: 14.02.2013.*

4 *Хрущёв Н.С. Отчётный доклад ЦК КПСС XX съезду партии // XX съезд КПСС: Стенографический отчет. Т. 1, — С. 40.*

пограничные конфликты возле острова Даманский (Приморье), реки Тасты и озера Жаланашколь.

Источниковой базой нашего исследования послужили работы 1970—1991 гг. Данный период, относительно советско-китайских отношений, значительно расширил историографию вопроса приграничных взаимодействий СССР и КНР. Различные аспекты сотрудничества двух государств нашли свое отражение в работах С.Л. Тихвинского, М.С. Капицы, М.И. Сладковского, О.Б. Борисова, Б.Т. Колоскова и др. Безусловно, историки продолжили линию, доминировавшую при описании событий более раннего советского периода — идеологизированность и субъективность, но, тем не менее, круг проблем значительно расширился, а также сам материал был подкреплен богатыми фактическими данными.

Прежде всего, хотелось бы заострить внимание на монографии «История международных отношений на Дальнем Востоке, 1945—1977 гг.» под ред. С.Л. Тихвинского. Заслуженный работник дипломатической службы РФ и председатель национального комитета советских (российских) историков, Сергей Леонидович Тихвинский, большую часть своей жизни посвятил изучению истории Китая и советско-китайских отношений, в частности. В монографии четко доминирует идея об исключительности территории Дальнего Востока как центра экономического взаимодействия между разными странами. В данном контексте также рассмотрен вопрос о пограничном регулировании и вооруженном конфликте между СССР и КНР. В то же время непосредственная хронология событий замалчивается. В своей позиции относительно данного вопроса монография очень близка с другой книгой С.Л. Тихвинского — «Китай и соседи в новое и новейшее время». Автор рассматривает отношения Китая с его соседями в период с XVII по XX в. Вступительная статья Тихвинского посвящена общему анализу китайской историографии и взаимоотношениям Китая с соседними странами. В целом, в первой же статье автор демонстрирует четкую позицию всего издания, обвиняя Пекин в «попытке фальсификации Китаем всемирной истории» [5, с. 3] и истории самой Поднебесной, а также о проявленных по отношению к соседям «китайском национализме, ксенофобии и китаец-центризме» [5, с. 4].

В рамках рассмотрения китайской историографии автор проводит анализ работ историков Поднебесной, материалов газеты «Женьминь Жибао», журналов «Хунци», «Вэнью» и многих других, и приходит к выводу о «проявлении великоханьского гегемонизма в исторической науке» [5, с. 16]. Стоит заметить, что обвинения в шовинизме излагаемых

событий в период охлаждения советско-китайских отношений наблюдались с обеих сторон, что подтверждается историческими работами специалистов КНР и СССР. Особый интерес для нашего исследования в рамках указанной работы представляет глава «Китай и Советский Союз» М.С. Капицы, советского историка, дипломата и директора Института востоковедения РАН. Предлог, инициировавший конфликт на пограничной территории, исходил из «искусственно сфабрикованной» [5, с. 106] Пекином концепции «спорных районов», в сути которой разбирался и Капица. По мнению ученого, исторических фактов, свидетельствующих о территориальных притязаниях китайских лидеров, ранее не имелось, более того, в совместной декларации от 12 декабря 1954 года было зафиксировано уважение территориальной целостности обеими сторонами. В то время, как Советским Союзом неоднократно заявлялось об отсутствии проблемы как таковой и «искусственном ее порождении великодержавной экспансионистской политикой китайского руководства во главе с Мао Дзедунем» [5, с. 107]. Также автор не раз подчеркивает отсутствие каких-либо юридических оснований одностороннего проведения в китайских картах линии границы между СССР и КНР и её несовпадение с очертаниями, предполагаемыми русско-китайскими договорными документами. Примечательно, что события, произошедшие непосредственно на границе в марте 1969 года не освещены вовсе, т. е. В работе лишь дается анализ и трактовка последствий данных действий, нежели их детальное повествование. Наибольшее внимание уделено позиции руководства каждой из стран по данному вопросу и их взаимоотношениям до и после вооруженного конфликта. В своих выводах Капица опирается на материалы съездов КПСС, а также публикациях лидеров обеих стран в периодических изданиях.

В заключении статьи автор приводит заявление министра обороны Китая о том, что «Советский Союз — самый главный враг Китая» [5, с. 121] и говорит о прекращении действия «Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между КНР и СССР от 14 февраля 1950 года» по инициативе ПК ВСНП.

Должного внимания заслуживает работа советского востоковеда и китаеведа М.И. Сладковского «Новейшая история Китая, 1917—1970». «Антисоветские акции маоистов достигли невиданных форм и накала в начале 1969 года» — именно с данных слов вводится в повествование о конфликте на Даманском. События марта 1969 года названы «вооруженной провокацией» на советско-китайской границе. По мнению автора, данные действия должны были «продемонстрировать «неверующим» на Западе и США «действенный» антисоветизм

Пекина» [3, с. 407]. Более вопрос событий на острове Даманский Сладковским не поднимался, чего не скажешь о работе О.Б. Борисова и Б.Т. Колоскова «Советско-китайские отношения 1945—1980 гг.». В книге представлен подробный обзор событий, произошедших между СССР и КНР в указанный период.

Глава, посвященная событиям интересующего нас этапа советско-китайских отношений» носит красноречивое и говорящее само за себя название — «Вооруженные провокации китайских властей на границе с СССР в марте 1969 г.». Общее настроение авторов по данной теме можно заключить следующим: ответственность за ухудшение отношений между двумя соседними государствами несет китайская сторона, ведь «отрицательные тенденции стали появляться не по вине нашей страны» [1, с. 7]. События накануне 1969 года в районе острова Даманский квалифицируются Колосковым и Борисовым как «конструктивные шаги Советской стороны» [1, с. 322] и «провоцирование пекинскими лидерами дальнейшего обострения советско-китайских отношений» [1, с. 324]. Авторы дают подробное описание вооруженного конфликта с приведением точного фактического материала о количестве военных и объеме вооружений каждой из сторон. При описании событий О.Б. Борисов и Б.Т. Колосков прибегают к употреблению различных изобразительно-выразительных средств языка: «разнуданная антисоветская компания», «атмосфера шовинистского утара и военного психоза», «беспринципное политическое заигрывание Пекина с империалистическими государствами» [1, с. 411]. Появление китайских военных на территории Советского Союза названо «наглым вооруженным вторжением в пределы советской территории», а дальнейшие действия китайской стороны рассматриваются как очередной «шаг по пути закрепления своего господства» [1, с. 412]. Помимо «заискивания перед странами Запада» авторы также причисляют к целям данных акций руководства КНР и «дискредитацию нашей страны на международной арене», «закрепление антисоветского, великодержавного курса как генеральной линии внешней политики КНР», а также «усиление подрывной деятельности маоистов в отношении социалистического содружества и мирового коммунистического движения» [1, с. 413]. В то же время Борисов и Колосков дают свою оценку событиям, комментируя тот или иной утверждаемый ими факт. Говорить о объективности не приходится, впрочем это касается практически всех работ советского периода, что обуславливает сравнительную схожесть взглядов и оценок разных авторов относительно изучаемой темы. Так, например, беспочвенность территориальных притязаний китайской стороны, абсурдность ссылки на неравноправные договора,

антисоветизм и его воинствующий характер Поднебесной, советское дружелюбие по отношению к китайскому народу — те тенденции, которые являются общими для ряда советских историков в рамках анализа советско-китайских отношений и пограничного конфликта на Даманском.

Схожие тенденции при описании событий 1969 года на Даманском можно проследить и в работе А. Прохорова «К вопросу о советско-китайской границе», она явилась одним из первых специальных исследований, посвященных приграничному вопросу и внесших вклад в историографию изучаемой проблемы. Автор рассматривает общие теоретические вопросы о «государственной границе» в целом, о границах Советского Союза в частности, а затем переходит к анализу советско-китайских приграничных отношений и обоснованности границы между двумя странами. Рассмотрев исторические условия и процесс становления государственной русско-китайской границы, а также развитие обстановки на пограничной территории между СССР и КНР в середине XX в., А. Прохоров приходит к выводу, что до конца 1950-х гг., граница между государствами являлась «границей мира, дружбы и добрососедства». Однако в начале 1960-х гг. власти КНР намеренно начали обострять обстановку на границе, открыто выдвигая территориальные претензии к Советскому Союзу [2, с. 234]. В приложении к своей работе А. Прохоров приводит в доказательство международные двусторонние договоры, подтверждающие его мнение о беспочвенности территориальных притязаний маоистов.

Таким образом, при анализе соответствующей литературы советского периода относительно отображения событий на острове Даманский можно отметить ряд особенностей: 1. схожесть позиций историков при отражении хронологии вооруженного конфликта в марте 1969 года, обусловленная доминированием и пропагандой данной точки зрения советским руководством того времени; 2. сравнительно небогатый фактический материал большинства работ относительно самих событий на приграничной территории, связанный с недоступностью для исторических исследований определенных данных; 3. преобладание политических, подчас идеологических, воззрений в комментариях советских историков к тем или иным событиям на смежной с КНР территории. Связано это, прежде всего, с внутривластной обстановкой в Советском Союзе, обусловившей определенные тенденции в образовательном процессе и специфику становления кадров в области историографии. Но, тем не менее, указанные специфические черты не умаляют научной значимости

советской литературы исследуемого вопроса и её ценности в дальнейшей исследовательской деятельности.

Список литературы:

1. Борисов О.Б., Колосков Б.Т. Советско-китайские отношения, 1945—1980. 3-е изд., доп. М., 1980. — 638 с.
2. Прохоров А.К. вопросу о советско-китайской границе. М.: Междунар. отношения, 1975. — 287 с.
3. Сладковский М.И. Новейшая история Китая 1917—1970. М.: 1972. — 437 с.
4. Тихвинский С.Л. История международных отношений на Дальнем Востоке 1945—1957. Хабаровск: 1978. — 367 с.
5. Тихвинский С.Л. Китай и соседи в новое и новейшее время. М.: Издательство «Наука», 1982. — 459 с.
6. Хрущёв Н.С. Отчётный доклад ЦК КПСС XX съезду партии // XX съезд КПСС: Стенографический отчет. Т. 1, С. 40.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК: СОЦИОЛОГИЯ,
ПОЛИТОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ**

Сборник статей по материалам
XLI-XLII международной научно-практической конференции

№ 9-10 (40)
Октябрь 2014 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 04.11.14. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 9,25. Тираж 550 экз.

Издательство «СибАК»
630049, г. Новосибирск, Красный проспект, 165, офис 15
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3